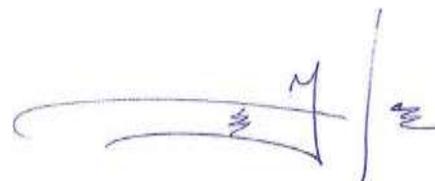

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»

На правах рукописи

Усенко Сергей Павлович

СУБИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

5.1.4 – уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

заслуженный юрист РФ,

доктор юридических наук, профессор

Коняхин Владимир Павлович

Краснодар – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ СУБИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	17
1.1. Субинститут в системе отрасли уголовного права	17
1.2. Закономерности формирования субинститутов уголовного права	44
Глава 2. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	74
2.1. Понятие и признаки субинститута уголовного права	74
2.2. Классификация субинститутов уголовного права.....	100
Глава 3. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУБИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	128
3.1. Оценка субинституционального уровня современного российского уголовного права.....	128
3.2. Перспективы развития субинститутов уголовного права	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	190
ПРИЛОЖЕНИЕ А	215

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Необходимым условием эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям и обеспечения надлежащих гарантий безопасности личности, общества и государства выступает качественное в социально-криминологическом и юридико-техническом отношениях уголовное законодательство. Не последнюю роль при этом играют вопросы системного строения, внутренней и межотраслевой согласованности, последовательности и целостности уголовного закона. Как признает Конституционный Суд Российской Федерации, такие нормотворческие дефекты, как логическая непоследовательность структуры законодательных актов, затрудняющая их системное толкование, отсутствие системности регулирования, проявляющееся в несогласованности законодательных массивов, принадлежащих различным отраслям права, но регулирующим одни и те же объекты, взаимная противоречивость нормативных конструкций, существенным образом осложняют правоприменение, способствуя разномасштабным отступлениям от конституционной законности¹.

Системные характеристики действующего уголовного закона во многом критически оцениваются в специальной литературе. Вместе с тем методологической основой такой критики должно выступать согласованное представление о системе уголовного права и его взаимосвязях с иными правовыми отраслями. Обращение же к научным источникам свидетельствует, что теория системного строения уголовного права еще не сформирована должным образом. Можно констатировать наличие консенсуса о значимости такой системы и самые общие подходы к ее пониманию, основанные хотя и на общетеоретических, но концептуально

---

¹ Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013—2015 годов): информация Конституционного Суда РФ Подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ. Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/33phmM>.

различающихся позициях. В то же время потенциал общей теории права для познания системы уголовного права не реализован в полной мере.

Одним из ощутимых пробелов в теоретическом исследовании системных параметров уголовного права выступает проблема субинституционального строения отрасли. Будучи частью сложных уголовно-правовых институтов и занимая таким образом некое промежуточное место между уголовно-правовым предписанием и правовым институтом, субинститут уголовного права выполняет важные функции аккумуляции правовых предписаний, их системного согласования с имеющимися предписаниями права, промежуточной институциональной апробации в структуре отрасли уголовного права, выступает средством, обеспечивающим одновременно согласование уголовно-правовых предписаний с динамично меняющимися условиями социальной жизни и правовой системы общества, с одной стороны, и поддержания стабильности и устойчивости уголовного права – с другой, тем самым способствует адаптации предмета и метода уголовно-правового регулирования к решению насущных и перспективных задач правовой охраны общественных отношений.

Несмотря на онтологическую значимость в обеспечении системных параметров уголовного права и гносеологический потенциал в познании особенностей строения и функционирования уголовного права, проблема субинститутов остается на периферии уголовно-правовых исследований. Остаются недостаточно определенными понятие субинститута и его основные признаки, место в системе уголовного права, генезис и перспективы развития уголовно-правовых субинститутов, их виды и классификация. Перечисленные проблемы выступают актуальной задачей отечественной уголовно-правовой науки и обуславливают целесообразность проведения настоящего исследования.

Степень разработанности темы исследования. С 1968 года, с момента обоснования О. С. Иоффе идеи существования в системе права

субинститутов, юридическая наука, вне сомнений, существенно продвинулась в их изучении. В общей теории права усилиями С. С. Алексеева, М. И. Байтина, Е. А. Киримовой, Г. П. Курдюк, А. В. Малько, И. В. Орехова, Д. Е. Петрова, С. В. Полениной и иных авторов создан надежный теоретический фундамент для осмысления проблематики отраслевых субинститутов. Вместе с тем в уголовно-правовой науке изучение субинститутов до настоящего момента имеет фрагментарный характер.

Оценка библиографии по теме показывает, что субинституты уголовного права закономерно рассматриваются юристами при обсуждении внутреннего строения отрасли, причем по преимуществу в рамках учебных и учебно-методических изданий (А. В. Бриллиантов, И. Я. Козаченко, А. В. Наумов, А. И. Рарог, Ю. Е. Пудовочкин, А. И. Чучаев и др.). В качестве научной проблемы они выступают элементом предмета юридического анализа институтов уголовного права (М. С. Жук, Т. В. Кленова, Э. С. Тенчов, В. Ф. Филимонов и О. В. Филимонов) либо системы уголовного права (А. И. Бойко, А. В. Денисова и др.), в том числе системы его Общей части (В. П. Коняхин) или Особенной (Р. Г. Асланян).

Признавая ценность научного наследия и современных работ, необходимо отметить, во-первых, отсутствие исследований, в которых субинституты уголовного права выступали бы предметом самостоятельного анализа, что явно не соответствует их теоретической и прикладной значимости; во-вторых, явную недостаточность имеющегося опыта анализа субинститутов ввиду того, что он не в полной мере отражает итоги изучения субинститутов в контексте общетеоретического учения о строении отрасли права и не учитывает ряда принципиальных изменений действующего уголовного закона; в-третьих, существенную пробельность в изучении субинституционального уровня организации и функционирования уголовного права.

Эти обстоятельства дополнительно актуализируют выбранную тему и во многом определяют основные направления ее разработки в рамках настоящего исследования.

Объектом диссертационного исследования определены общественные отношения, определяющие формирование и развитие системы и структуры уголовного права.

Предмет исследования включает в себя:

- закономерности и тенденции формирования и развития субинститутов уголовного права;
- теоретические и отраслевые концепции субинститутов права, признаки уголовно-правовых субинститутов и их место в системе уголовного права;
- строение, внутреннее содержание, внешние формы выражения и виды субинститутов уголовного права;
- социально-правовые и юридико-технические условия эффективности субинституциональной организации отрасли уголовного права.

Цель диссертационной работы состоит в разработке и аргументации теоретико-прикладной концепции уголовно-правового субинститута, обосновывающей его содержательные и функциональные характеристики, которые могут быть учтены в интересах обеспечения системных параметров уголовного права.

Достижение поставленной цели обусловило постановку и решение следующих **научно-теоретических и практических задач**:

- адаптация и конкретизация для целей уголовно-правовой науки общетеоретического учения о субинститутах права;
- установление и характеристика конститутивных признаков субинститута уголовного права, обоснование его отличий от института права;
- определение места субинститута в системе отрасли уголовного права, уточнение его функциональных возможностей;

- конкретизация и систематизация нормативного содержания субинститута уголовного права;
- классификация субинститутов уголовного права;
- оценка современного состояния субинституционального уровня уголовного права, прежде всего, его Общей части;
- разработка и обоснование предложений, направленных на совершенствование системных параметров уголовного закона.

Методологической основой диссертационного исследования выступает совокупность философских, общенаучных и специально-юридических методов познания, обеспечивающих объективность, историзм и компаративизм в изучении субинститутов уголовного права. Диссертация основана на принципах диалектического развития предмета исследования, его логической определенности и исторической конкретности. В работе реализован системный подход, который позволил исследовать отраслевые субинституты в контексте их внутрисистемных связей и отношений с иными предписаниями уголовного права. В процессе подготовки работы использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация) и частно-научные (логико-юридический, историко-правовой, метод анализа документов, экспертный опрос, сравнительно-правовой метод, контент-анализ) методы уголовно-правовых исследований.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили:

- 1) концепция нормативного понимания права как системы официально установленных правовых предписаний, развитая в работах Д. М. Азми, С. С. Алексеева, М. И. Байтина, О. С. Иоффе, Л. А. Морозовой и др.;
- 2) концепция нормативного предписания как первоначальной формы организации права (в том числе уголовного), выступающей основой его иерархического строения, разработанная Р. Г. Асланяном, М. Л. Давыдовой, М. С. Жуком, Т. В. Кленовой, В. П. Коняхиным, В. Д. Перваловым и др.;
- 3) уголовно-правовые учения о предмете и методе уголовно-правового регулирования (Н. В. Генрих, А. В. Наумов, Ю. Е. Пудовочкин и др.), задачах

и функциях уголовного права (Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, Н. М. Кропачев, Б. Т. Разгильдиев и др.), дифференциации уголовной ответственности (Л. Л. Кругликов, Т. А. Лесниевски-Костарева и др.);

5) теория юридической техники в уголовном праве, сложившаяся в работах М. Б. Костровой, К. К. Панько и др.

Диссертация развивает парадигмальные идеи научной школы «Институциональные основы уголовного права РФ», сформированной в Кубанском государственном университете под руководством профессора В. П. Коняхина.

Нормативной базой диссертации выступают: положения Конституции Российской Федерации, определяющие основы, направления и условия эффективности уголовно-правового регулирования; общепризнанные принципы и нормы международного права (в том числе отраженные в Международном пакте о гражданских и политических правах человека от 16.12.1966, Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995); решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о конституционности отдельных положений УК РФ; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее также – УК РФ)¹, с учетом его общеобязательного толкования в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, относящимся к теме исследования.

В сравнительно-историческом аспекте изучены положения памятников русского уголовного права (Соборного уложения, Воинских артикулов, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовных кодексов РСФСР). В рамках компаративного анализа исследовано законодательство

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; Международный Пакт о гражданских и политических правах человека (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Заключена в Минске 26.05.1995 г.) // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

некоторых зарубежных стран (Беларуси, Германии, Грузии, Китая, Кыргызстана, Франции, Швейцарии), выбор которых обусловлен, с одной стороны, их общей принадлежностью к романо-германской правовой семье, а с другой – наличием действующих уголовных законов, составленных в разные исторические эпохи.

Эмпирическая база исследования, учитывая его по преимуществу теоретическую направленность, включает в себя:

- тексты уголовных законов, на основе которых можно судить о структурной композиции отрасли, ее институциональном строении и степени сформированности субинститутов уголовного права;

- материалы контент-анализа 25 научных работ, использующих в своих названиях ключевые слова «институт», «субинститут», «система», для выявления существующих в науке подходов к пониманию и интерпретации субинститута уголовного права;

- содержание научных дискуссий по проблемам строения и систематики уголовного права, представленных в научной литературе, а также на II Российском конгрессе уголовного права «Системность в уголовном праве», состоявшемся 31 мая – 1 июня 2007 г., и XIII Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения», состоявшемся 26 – 27 мая 2022 г.;

- результаты опроса научных и научно-педагогических работников, специализирующихся на вопросах исследования уголовного права (всего – 132 чел., представляющих высшие учебные заведения и научные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Саратова, Самары, Калининграда, Ростова-на-Дону, Владивостока, Ставрополя, Тюмени, Уфы, Хабаровска);

- материалы анализа постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующие представления о содержании отдельных уголовно-правовых институтов, субинститутов и предписаний;

- итоги изучения решений Конституционного Суда Российской Федерации (18 документов), отражающих его правовые позиции по проблемам качества и эффективности уголовного закона.

Научная новизна диссертации состоит в разработке и аргументации взаимосвязанных научных положений, раскрывающих возможности использования потенциала доктринальной концепции субинститута права для решения теоретических и прикладных задач обеспечения системных начал функционирования отрасли уголовного права.

Критерию новизны, в частности, отвечает: уточненное понимание признаков субинститута уголовного права; система аргументов, объясняющих социальную и правовую детерминацию механизма формирования и развития субинститутов уголовного права; авторская градация субинститутов на основе их функциональной характеристики; оценка состояния субинституционального строения российского уголовного права; основные направления повышения эффективности уголовно-правового регулирования за счет использования возможностей субинституциональной организации нормативных правовых предписаний.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие субинститута уголовного права, под которым следует понимать элемент структуры сложного института уголовного права, который образован одним или несколькими однопорядковыми нормативными предписаниями, предлагающими в зависимости от видовой специфики юридического факта, породившего уголовно-правовые отношения, интегрирующий или дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права.

2. Признаками субинститута уголовного права, позволяющими одновременно отличить его от уголовно-правового института, являются:

а) наличие одного или нескольких самостоятельных нормативных предписаний, отсутствие в содержании субинститута иных социальных норм и отсутствие самостоятельных принципов;

б) необязательное, но потенциально возможное выражение в обособленной части текста уголовного закона;

в) существование только в пределах сложного уголовно-правового института, подчиненность его предмету, принципам и целям;

г) особое функциональное предназначение субинститута, призванного в масштабах всего института оказывать интегрирующее или дифференцирующее воздействие на процесс правового регулирования;

д) ориентация на выполнение стабилизирующих и адаптивных функций отрасли уголовного права.

3. Закономерности формирования субинститутов в структуре уголовного права свидетельствуют, что он:

а) имеет государственно-управленческий характер и опосредован законодательной деятельностью, выступая формой признания государством особой значимости специального регулирования тех или иных уголовно-правовых отношений;

б) детерминирован взаимосвязанными процессами дифференциации и унификации правового регулирования, обеспечивающими адекватизацию права усложняющимся общественным отношениям и механизму их социального регулирования;

в) отражает взаимосвязь категорий количества и качества, при которой потребность в качественном уточнении уголовно-правового регулирования может приводить к изменению количества структурных компонентов уголовно-правового института, равно как и количественное приращение уголовно-правовых предписаний внутри института может трансформироваться в качественно новую форму субинститута уголовного права;

г) влечет выделение новых нормативно-правовых образований, включающих специализированные или обобщенные нормативные предписания, появление новых функций у элементов системы права, что способно отражаться на структуре уголовного закона как внешней формы выражения уголовного права.

4. Классификация субинститутов уголовного права может строиться на основе использования нескольких критериев и позволяет выделить:

1) в зависимости от местоположения в системе уголовного права:
а) субинституты институтов Общей части уголовного права; б) субинституты институтов Особенной части уголовного права;

2) по функциональному признаку: а) предметные; б) функциональные;

3) по социальному назначению: а) создающие альтернативу регулирования того или иного участка или той или иной группы уголовно-правовых отношений; б) позволяющие апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования некоторую модель или способ правового регулирования;

4) по времени действия: а) постоянно действующие; б) временные; в) чрезвычайные;

5) по преимущественному методу регулирования: а) императивные и диспозитивные; б) поощрительные и карательные;

6) по внешней форме выражения: а) выраженные несколькими предписаниями в различных отраслевых источниках; б) выраженные одним предписанием непосредственно в уголовном законе.

Исследование классификационной характеристики субинститутов уголовного права позволяет: а) провести различие между количественным ростом нормативных правовых предписаний, составляющих институт уголовного права, и формированием в нем качественно специфичного субинститута; б) сформулировать юридико-технические рекомендации по оформлению нестандартных для правового института нормативных предписаний в качестве именно субинститутов уголовного права.

5. Корреляция классификационных параметров субинститутов уголовного права с закономерностями их формирования, согласно которой формирование функциональных субинститутов происходит по преимуществу в структуре предметных институтов (и наоборот), формирование поощрительных субинститутов происходит по преимуществу в структуре карательных институтов (и наоборот), формирование диспозитивных субинститутов происходит по преимуществу в структуре императивных институтов (и наоборот), формирование субинститутов, содержательно тяготеющих к предписаниям Общей части, происходит по преимуществу в структуре институтов Особенной части уголовного права (и наоборот). Такая закономерность отражает общую динамику развития отрасли уголовного права, многообразие его методов, усложнение предмета уголовно-правового воздействия, системные связи уголовного права с социальной и правовой средой.

6. Система субинститутов Общей части уголовного права, определенная с учетом конститутивных признаков субинститута, включает в себя: основание уголовной ответственности (ст. 8), выдачу лиц, совершивших преступление (ст. 13), судебное изменение оценки опасности преступления (ч. 2 ст. 14, ч. 6 ст. 15), ответственность лиц с измененным психическим статусом (ч. 3 ст. 20, ст. 22, 23), невиновное причинение вреда (ст. 28), добровольный отказ от преступления (ст. 31), ответственность соучастников (ст. 34, ч. 5 – 7 ст. 35, ст. 36), дополнительные наказания (ст. 45), замену наказаний (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1), исчисление сроков наказаний (ст. 72), сложение наказаний (ст. 71), назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1), освобождение от ответственности в связи с возмещением вреда (ст. 76.1), освобождение от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), амнистия (ст. 84), помилование (ст. 85), применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 – 92).

7. Основными направлениями использования возможностей субинституционального уровня организации нормативных предписаний для повышения эффективности уголовно-правового регулирования являются:

1) юридико-техническое оформление субинститутов на основе имеющихся повторяющихся нормативных предписаний;

2) повышение регуляторных возможностей права посредством использования субинститутов (распространение нормативных положений существующих субинститутов на более широкий круг уголовно-правовых отношений; наполнение существующих субинститутов дополнительными нормативными предписаниями для повышения качества его регуляторного воздействия; создание новых субинститутов);

3) повышение институционального статуса нормативных предписаний и трансформация субинститута в полноценный институт уголовного права.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в своей совокупности оно создает логически цельное учение о субинститутах уголовного права. Предложенная концепция уточняет представление о правовом генезисе системы уголовного права; содержит критерии разграничения субинститутов и институтов уголовного права; дает представление о номенклатуре и видах уголовно-правовых субинститутов; дополнительно аргументирует связь социальных задач и юридической формы уголовного закона; включает предложения, направленные на решение актуальных задач совершенствования системы уголовного закона. Сформулированные в диссертации положения и выводы относительно понятия, признаков, видов, направлений и перспектив эволюции субинститутов уголовного права углубляют содержание таких разделов теории, как история уголовного права, система уголовного права, уголовный закон, тем самым диссертация способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в обосновании перспективных направлений совершенствования

законодательной систематизации уголовно-правовых предписаний; в возможности использования материалов диссертации в учебном процессе подготовки студентов по направлению «Юриспруденция» и в системе повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов; в дальнейшей научно-исследовательской работе по изучению системных параметров отрасли уголовного права, ее внутреннего строения, социальной обусловленности и юридико-технического совершенства уголовно-правовых предписаний; в ориентировании правоприменителя на необходимость учета субинституционального уровня организации уголовно-правовых предписаний для возможного применения детализирующих, дифференцирующих и уточняющих норм, а также приоритетности специальных предписаний над общими положениями института.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в 12 научных публикациях, в том числе в 10 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения на 4 научных форумах международного и всероссийского уровней, в том числе: Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» (Краснодар, 2019); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Краснодар, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «30 лет юридической науки КубГАУ» (Краснодар, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития (к 100-летию УК РСФСР 1922 г. и 50-летию кафедры

уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета)» (Краснодар, 2022).

Общий объем опубликованных по теме диссертационного исследования научных работ составляет 8,2 п. л., в том числе 7,2 п. л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Результаты диссертационного исследования доложены и обсуждены на кафедре уголовного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Материалы диссертации используются в учебном процессе кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Структура диссертации соответствует теме и логике проведенного исследования, определена предметом, целью и задачами и состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ СУБИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

1.1. Субинститут в системе отрасли уголовного права

Субинститут уголовного права относится к числу правовых феноменов, не только не имеющих однозначного понимания в науке, но и не заявленных в необходимой мере в качестве самостоятельного предмета анализа.

При всем том, что термин «субинститут» весьма активно используется в научной литературе, на уровне словарных и энциклопедических изданий соответствующее понятие не определяется. Так, Юридическая энциклопедия, раскрывая более 16000 юридических терминов, ни в одной статье не содержит дефиницию субинститута¹. Аналогичная ситуация складывается и в других изданиях подобной направленности². Термин субинститут также не встречается в общелингвистических словарях, и его содержание приходится раскрывать через анализ составных частей этого сложного слова. Толковый словарь русского языка предлагает, в частности, анализ приставки «суб», указывая, что она образует существительные со значением вторичности, побочности, подчиненности, малости по сравнению с тем, что названо в производящей основе, либо нахождения около чего-нибудь, поблизости, под чем-нибудь³. Аналогично рассматривает данную приставку и Современный словарь иностранных слов, этимологически относя ее к латинскому предлогу «под» и выделяя три лексически значимых гнезда, обозначающих: расположенность внизу под чем-либо; подчиненность; вторичность, неглавность⁴. При этом заметим, что как лингвистические, так и

---

¹ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 6-е, изд., доп. и перераб. М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2013.

² Юридический энциклопедический словарь / А. И. Алексеев, Л. П. Ануфриева, В. А. Белов [и др.]; под общ. ред. В. Е. Крутских. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2003; Большой Юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М., 2002.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 777.

⁴ Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. 4. изд., стер. М.: Рус. яз., 2001. С. 584–585.

юридические справочники содержат развернутое понятие лексемы «институт».

Отсутствие словарной дефиниции «субинститут права» является, на наш взгляд, первым и очевидным симптомом того, что обозначаемый этим понятием феномен не получил должного осмысления, а само понятие не вошло необходимым элементом в тезаурус правовой науки. В юриспруденции есть только самое общее понимание того, что субинститут права, с одной стороны, объемлет несколько правовых предписаний (или правовых норм), с другой – является частью правового института или отрасли права.

В этом общем восприятии субинститута его проблематика по природе своей изначально оказывается связанной с темой институционального строения отрасли уголовного права, которая сама по себе также не относится к числу достаточно разработанных. Более того, если институты права – тема, которая берет свое начало с XIX столетия, как минимум, с известной работы Р. Иеринга, признававшего институт системообразующей единицей внутреннего строения права¹, то субинституты – относительно «новое» открытие в структуре права. В отечественной науке, пожалуй, первым о нем заговорил О. С. Иоффе, который в 1968 году выдвинул идею субинститутов для теоретического осмысления многоступенчатости правовых общностей в структуре гражданского права. Он пришел к выводу, что «институт – не только не последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются еще и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и

---

¹ Р. Иеринг, в частности, писал: «отдельные правовые отношения, могущие быть предметом отдельного правового обсуждения, срastaются в еще большие систематические единицы – в правовые институты, представляющие нам, говоря образно, крепкий скелет права, к которому примыкает в правовых положениях все его существо». См.: Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Часть первая / пер. с третьего, исправл. немецк. изд. СПб.: Типограф. В. Безобразова и Комп., 1875. С. 21–40.

внутри института. Такие образования, – заключил О. С. Иоффе, – можно было бы назвать субинститутами»¹.

С тех пор идея наличия субинститут в составе любой отрасли, в том числе и уголовного права, стала общепризнанной (наличие субинститут в составе отрасли уголовного права признали все 100% опрошенных нами при проведении исследования специалистов), но до настоящего времени осталась лишь на уровне идеи. Полноценных и масштабных исследований, посвященных обоснованию понятия, содержания, видов субинститут уголовного права, нет².

Между тем само понятие «субинститут права» имеет непосредственное обращение в сфере правовых отношений. Оно используется в нормативных правовых актах (так, абз. 2 п. 15 Приказа Минюста России от 04.03.2021 № 27 предписывает, что при классификации правовых актов в целях ведения их общего регистра необходимо наделять каждый предмет регулирования индексом, «отражающим наиболее узкую область (институт, субинститут) права»³), представлено в мотивировочной части решений арбитражных судов⁴.

При проведении исследования нам не встретилось решений судов общей юрисдикции по уголовным делам, где бы был использован в каком-либо контексте термин «субинститут», и единственный раз встретился термин «правовой институт»⁵, что, по-видимому, может быть объяснено

---

¹ Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Иоффе О.С. Избранные труды. Т. 4. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 99.

² Далее в настоящем параграфе использован материал, ранее опубликованный автором, см.: Усенко С. П. Общие теоретические подходы к пониманию субинститута уголовного права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12

³ Об организации работы по ведению федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов: Приказ Минюста России от 04.03.2021 № 27 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>

⁴ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18.08.2021 по делу № А33-7202/2021 // СПС «Консультант Плюс»; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2022 № 07АП-7846/2018(16) по делу № А03-19936/2016 // СПС «Консультант Плюс»; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2021 № 13АП-32000/2021 по делу № А56-109792/2020 // СПС «Консультант Плюс»; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.12.2019 № 20АП-4415/2019 по делу № А23-8519/2016 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.02.2019 по делу № 18-АПУ19-3 [Электронный ресурс] / Банк судебных решений. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1744744.

одновременно и неразвитостью теории уголовно-правовых субинститутов (в отличие от аналогичной теории в гражданском праве), и, как следствие, невостребованностью данной правовой категории для обоснования принимаемых судом решений.

В практике Конституционного Суда РФ также не представлено использование понятия «субинститут», хотя понятие правового института ей широко известно. Стоит отметить (и это крайне важно для продолжения нашего анализа), что правовым институтом Конституционный Суд РФ именуется весьма различные образования в структуре права и его отраслей. В его решениях упоминается, в частности, о «межотраслевом институте амнистии»¹, «целостном правовом институте прекращения уголовного дела»², «уголовно-правовом институте соучастия в преступлении»³, «уголовно-правовых институтах освобождения от наказания и смягчения наказания»⁴, «уголовно-правовом институте судимости»⁵, «институте освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности»⁶. Уже из самих этих наименований следует, что Конституционный

---

¹ По жалобе гражданки Зубилевич Алеси Игоревны на нарушение ее конституционных прав статьей 84 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» и постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии»: Определение Конституционного Суда РФ от 18.09.2014 № 1828-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

² По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

³ По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 862-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Снурницына Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2795-О // СПС «Консультант Плюс».

⁵ По жалобе гражданина Тоторкулова Алия Хасановича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также частью 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1207-О // СПС «Консультант Плюс».

⁶ По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с

Суд РФ обозначает словом «институт» и межотраслевые образования, и внутриотраслевые образования, причем как выделенные на уровне отдельной главы уголовного закона, так и не выделенные, выраженные как в нескольких статьях уголовного закона, так и в одной статье. Кроме того, Конституционный Суд РФ, используя в своих решениях понятие «уголовно-правовые институты охраны личности, общества и государства от преступных посягательств, а также предупреждения преступлений»¹, наделяет статусом института не только собственно элементы структуры права, но и некоторый вид социальной практики, говорит об уголовно-правовом институте как об институте социальном, тем самым отграничивая понятие «правовой институт» от иного, также встречающегося в его решениях понятия – «правовое регулирование института»².

Что касается научной литературы по уголовному праву, то здесь термин «субинститут» применяется специалистами вне какой-либо системы. Субинститутом признают совокупность норм, объединенных в главу или раздел УК РФ (например, о преступлениях против правосудия³ или об уголовной ответственности несовершеннолетних⁴), совокупность норм внутри той или иной главы закона (например, субинституты кредитных и налоговых преступлений в рамках института экономических преступлений⁵),

---

жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2521-О // СПС «Консультант Плюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 6; По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.

³ Мадалиева Л. М. Последствия межотраслевой преюдиции // Администратор суда. 2015. № 4. С. 29–33.

⁴ Орехов И. В. Примеры субинститутов права в российской системе права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 66.

⁵ Чирков А. П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 9. С. 84.

отдельные правовые нормы (например, об исполнении приказа¹), а также совокупность норм, не имеющих строго определенного места в структуре закона, но объединенных некоей теоретической идеей (например, о прикосновенности к преступлению²).

Аналогично складывается ситуация и с учебной литературой. Некоторые издания, раскрывая проблемы системы уголовного права, ограничиваются указанием на то, что она состоит из правовых норм, объединенных в Общую и Особенную части, игнорируя при этом сам факт существования институтов и субинститутов³. Другие включают упоминание об институтах права при раскрытии системы, но умалчивают о субинститутах⁴. Третьи лишь упоминают субинституты, не определяя их и не давая им правовой характеристики⁵.

Очевидно, что такая ситуация не может быть признана удовлетворительной и нуждается в теоретическом разрешении, дополнительно актуализируя заявленную тему.

Начать содержательный анализ понятия и признаков субинститута уголовного права полагаем необходимым с уяснения и уточнения некоторых исходных теоретических положений.

Во-первых, понятие субинститута уголовного права в качестве элемента его структуры может быть адекватно понято лишь в рамках определенного типа понимания права. В современной науке основные типы

---

¹ Капинус О. С., Додонов В. Н. Исполнение приказа как обстоятельство, исключающее преступность деяния в уголовном праве зарубежных стран // Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом.: сб. статей. М.: Буквоед, 2008. С. 43–49.

² Клименко Ю. А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 163–171.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник / под ред. В. В. Векленко. Изд. 3-е, перераб. и доп. Омск: ОА МВД России, 2016. С. 6; Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 23.

⁴ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 16; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 10; Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1: Введение в уголовное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова; под науч. ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2022. С. 34.

⁵ Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 86–87.

правопонимания так или иначе сводятся либо к нормативизму, либо к социологизму (в различных вариациях), при этом наблюдается вполне отчетливое их противостояние, в рамках которого нормативистский тип правопонимания весьма часто выступает в качестве объекта критики. Однако, на наш взгляд, универсальный методологический принцип дополнительности не позволяет сделать однозначный выбор в пользу того или иного подхода к праву. И социологическая интерпретация права, и нормативистская в равной мере необходимы для его адекватного восприятия. Другое дело, что каждый из этих типов правопонимания в отдельности лучше приспособлен для решения одних задач и меньше приспособлен для решения других.

С институциональным и субинституциональным строением права складывается та же ситуация. Предпринятая в отечественной науке попытка социологического анализа институтов уголовного права¹, при всей ее безусловной значимости, оказалось малоприспособленной для понимания внутренней структуры отрасли, анализа связи права и закона, в связи с чем обоснованно была подвергнута в этой части критической оценке². А потому представляется, что позитивистская методология и нормативизм, хотя и являются объективно ограниченными (как, впрочем, и любой иной подход к пониманию права), сохраняют в полной мере свои гносеологические возможности для исследования структуры отрасли уголовного права. Именно в рамках нормативизма в принципе допустимо говорить об отраслевом строении права и строении самой правовой отрасли. Этот факт подтверждается и результатами опроса специалистов: 63% из них признали, что вопросы институционального строения отрасли уголовного права допустимо исследовать, отталкиваясь только от нормативистского понимания права вообще. При этом стоит помнить, что современный

---

¹ Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М.: Юриспруденция, 2014.

² Асланян Р. Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022.

нормативизм вовсе не настаивает на отождествлении уголовного права и уголовного закона как единственного отраслевого источника, тем самым открывая возможности для отдельного и сопоставительного анализа их внутренней структуры.

Во-вторых, оставаясь в предметном поле нормативизма, следует ответить на принципиальный вопрос о том, выступает ли субинститут элементом структуры именно отрасли права.

Проведенный при подготовке исследования опрос специалистов показал, что 59% из них усматривают в субинституте элемент структурного строения отрасли права, тогда как 41% склонны признать субинститут частью не структуры права, но структуры правового института. Некоторый паритет мнений свидетельствует о фактическом отсутствии обоснованности обоих подходов.

В литературе по общей теории права также нет единства взглядов на эту проблему. К примеру, по мнению Г. П. Курдюк, «к элементам системы отрасли права относят норму права – первичный элемент системы, субинститут, институт права, а также подотрасль права»¹. Некоторые отраслевые исследователи еще более категоричны. «Субинституты, – пишет А. В. Денисова, – являются в уголовном праве первичной нормативной общностью, так как они представляют собой объединение уголовно-правовых норм и предписаний, состоят из них»². В то же время другие авторы указывают, что субинститут есть элемент структуры не отрасли права, а системы права вообще. Л. А. Морозова, в частности, считает, что «система права включает в себя следующие элементы: нормы права; субинституты права; правовые институты; подотрасли права; отрасли права; крупные структурные образования (общности), объединяющие группы

---

¹ Курдюк Г. П. Отрасль права как элемент системы права (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 66.

² Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 185.

отраслей – материальное и процессуальное право, частное и публичное право и др.»¹. Аналогичного мнения придерживается С. В. Поленина².

Расхождения в отмеченных позициях не являются лишь словесными. Напротив, они имеют, на наш взгляд, характер методологических. В первом случае перед нами достаточно жесткая «линейная» структура отрасли, предполагающая не только обязательное наличие всех элементов, но и логические связи между ними. Занимающий промежуточное положение между уголовно-правовыми предписаниями и институтами, являющийся первичной нормативной общностью, представляющий собой объединение уголовно-правовых предписаний субинститут, упрощая, являет в данном случае пример иерархической эволюции правовых предписаний, следующую за ними ступень структуры права. Во втором случае иная ситуация. Субинститут здесь – просто потенциально возможный элемент общей структуры права, который в каждой отдельной отрасли может существовать, а может и не существовать, может получить совершенно различную конфигурацию и содержательное наполнение, к тому же это элемент не «линейный», но выступающий лишь как «ответвление» от линейной структуры права.

Это различие приобретает особое значение в связи с распространенным представлением о том, что субинститут не является обязательным элементом структуры правовой отрасли. Еще О. С. Иоффе писал, что «субинституты и подотрасли – широко встречающиеся внутри системы права образования, но не всегда необходимые»³. Эту мысль поддерживал С. С. Алексеев, также признавая субинституты «не всегда необходимыми правовыми образованиями»⁴.

---

¹ Морозова Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 201.

² Теория государства и права. Учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. С. 390 (автор главы – С. В. Поленина).

³ Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Иоффе О. С. Избранные труды. Т. 4. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 99.

⁴ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 23.

Если какой-либо элемент не является необходимым для формирования структуры отрасли уголовного права, если отрасль как таковая не теряет своих правовых свойств при отсутствии субинститута и не приобретает дополнительных свойств при его наличии, едва ли верно с логической и теоретической точек зрения признавать субинститут самостоятельным элементом ее структуры.

В этом отношении гораздо более обоснованным представляется иной подход. Он отчетливо сформулирован в работе А. В. Малько и А. Ю. Саломатина. Авторы пишут: «Субинститут – составная часть института права. Так, институт преступлений против жизни, здоровья, достоинства личности делится на субинституты преступлений против жизни (его составляют различные виды убийств), против здоровья (здесь сосредоточены нормы, касающиеся различных видов телесных повреждений) и преступлений против достоинства личности (клевета, оскорбление)». И далее: «Субинститут – это проблема деления институтов права»¹. Оставляя в стороне анализ авторского примера (представляется, что он в данном случае весьма неудачный), обратим внимание на главное в приведенной цитате: субинститут – это элемент структуры не отрасли права, а правового института.

Такая корректировка исходной точки зрения крайне важна. Она надлежащим образом ограничивает исследовательское поле и задает верный вектор научного поиска: субинституты уголовного права следует «искать» не в структуре отрасли в целом, а в структуре уголовно-правовых институтов. Субинститут, таким образом, – это не следующий за правовым предписанием элемент системы отрасли, это не первичное их объединение, расположенное между предписанием и институтом. Полноценным первичным объединением выступает только и исключительно институт уголовного права. И только в

---

¹ Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права: Учеб. пособие / предисл. А. Г. Лисицына-Светланова. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. С. 144.

его рамках в процессе аналитического исследования структуры правового института можно установить наличие субинститута.

В-третьих, с учетом сказанного, исследование феномена субинститута становится возможным лишь при определенном понимании правового института. В данном случае речь идет не столько о содержании и структуре, сколько о видах институтов.

Еще в 70-е годы прошлого столетия И. В. Федоров писал, что каждый институт, «будучи видом структурного подразделения определенного рода, в то же время может быть родовым подразделением по отношению к другим структурным подразделениям»¹. В наши дни применительно к проблематике уголовно-правовых институтов эта идея была реализована В. П. Коняхиным. Он считает, что система институтов Общей части уголовного права, исходя из степени нормативного обобщения, может быть построена по следующей пятиуровневой схеме: типовые институты нормативных предписаний (соответствующие разделам УК РФ, которые имеют поглавную структуру), родо-типовые (соответствующие разделам, не имеющим подразделения на главы), родовые институты (предусмотрены главами УК РФ), видовые (соответствуют объединению правовых предписаний на уровне групп статей внутри главы) и основные (на уровне отдельной статьи)². В то же самое время В. П. Коняхин отмечает, что «обособленно следует выделять субинституты уголовно-правовых предписаний Общей части (соответствует объединению нормативных предписаний, закрепленных на уровне отдельной части статьи УК РФ), которые юридико-техническими средствами не оформлены как основной институт (главным образом в силу не только законодательной, но научной неразработанности»³.

При таком подходе, как представляется, не только происходит смешение структуры отрасли и структуры закона, но и создается такая

---

¹ Федоров И. В. Хозяйственный договор – особый вид гражданско-правового договора // Сборник работ Барнаульского юридического факультета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 52.

² Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. С. 171–172.

³ Там же. С. 172.

градация правовых институтов, которая не позволяет «вписать» в их структуру субинституты, о которых упоминает сам В. П. Коняхин.

Для начала заметим, что признание основным институтом группы предписаний, сформулированных на уровне отдельной статьи уголовного закона, фактически позволяет все пространство уголовного права без остатка разделить на отдельные «малые» институты, не оставляя возможности для статьи закона стать формой выражения субинститута. А установление родовых отношений соподчиненности между институтами позволяет каждую статью (основной институт) поместить в институт более высокого ранга, что, по сути, лишает идею субинститутов права на существование с точки зрения анализа логической структуры права.

Далее. Если субинститут выражен в части той или иной статьи, то он никогда не сможет стать полноценным институтом, за исключением случаев, когда волей законодателя эта часть будет преобразована в самостоятельную статью закона (как это имело место, к примеру, в 2011 году, когда на основе исключенной из закона ч. 3 ст. 138 УК РФ была сконструирована отдельная ст. 138.1 УК РФ¹). Или наоборот, институт волей законодателя будет преобразован в субинститут при слиянии ранее самостоятельных статей в одну (как это произошло, например, со статьями 102 и 103 УК РСФСР 1960 г., на основе которых в 1996 году была сконструирована ст. 105 УК РФ). Не отрицая значимости воли законодателя в формировании структуры права, считаем все же, что нельзя всецело полагаться на нее и юридико-технические средства выражения права при решении вопроса о наличии или отсутствии субинститутов.

К тому же, отождествляя субинститут и часть статьи уголовного закона, которая лишь в силу юридико-технических причин или в силу научной недоработки еще не приобрела статус самостоятельного института, В. П. Коняхин невольно подводит к выводу о том, что наличие субинститута

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

в структуре института уголовного права есть дефект права, вызванный недостаточным вниманием представителей правовой профессии и законодателей к тем или иным аспектам уголовно-правового регулирования. Очевидно, что он должен быть устранен. Но его устранение, приводящее к формированию полноценного самостоятельного основного института, будет означать ликвидацию субинститута. С таким подходом сложно согласиться в полной мере. В общей теории права, напротив, признается, что наличие субинститута в структуре правового института есть показатель его развития, отражающий степень дифференциации правового регулирования. Иными словами, в основе детерминации института не дефект, а высокая эффективность регулирования.

В рамках предложенной В. П. Коняхиным градации институтов уголовного права, где едва ли не любая статья наделяется статусом основного института, фактически не остается места для градации самих основных институтов, исходя из специфики их структуры. Такие институты будут состоять исключительно из нормативных предписаний и не смогут иметь внутри себя каких-либо иных структурных формирований.

Это положение представляется особенно важным в свете анализа проблемы субинститутов. На него обратил внимание в своем исследовании М. С. Жук: «Уголовно-правовые институты по своей внутренней структуре весьма неоднородны. Некоторые институты состоят просто из совокупности нормативных предписаний, в то время как внутри других эта совокупность может быть разделена на несколько смысловых блоков – субинститутов, в совокупности образующих целостный институт. Исходя из этого, по своей внутренней структуре уголовно-правовые институты могут быть классифицированы на простые и сложные, причем сложные – это такие институты, которые содержат общие положения и субинституты»¹.

---

¹ Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 168. Аналогичное понимание сложных правовых институтов встречается в работах по гражданскому праву. См.: Жевняк О. В. Гражданско-правовой институт оказания услуг связи: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 8.

Такой подход представляется в большей степени обоснованным и отвечающим общетеоретическим представлениям о структуре и видах правовых институтов. Именно он, на наш взгляд, и должен быть взят за основу исследования субинститутов, которые в самом первом приближении могут мыслиться исключительно как возможная часть структуры сложного уголовно-правового института. Субинститут, отмечал С. С. Алексеев, это органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов, отражающие «усложнение» структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм¹.

Размещение субинститута в составе института уголовного права на фоне приведенной научной позиции В. П. Коняхина о наличии системы различных по объему и соподчиненных в родо-видовом отношении правовых институтов ставит перед исследователем принципиальный вопрос о наличии качественных, существенных отличий между субинститутом уголовного права, с одной стороны, и простым, не имеющим внутренней градации основным правовым институтом – с другой. Проблема их отграничения становится особенно актуальной еще и потому, что некоторые исследователи полагают возможным относить к субинститутам отдельные смысловые блоки сложных уголовно-правовых институтов². В итоге количество субинститутов может значительно возрасти за счет формального отнесения к ним простых институтов, состоящих из ограниченного количества норм и в силу этого имеющих формальное внешнее сходство с субинститутами.

Типичным примером в данном случае может служить подход исследователей к пониманию системы Особенной части уголовного права. Поскольку институты Особенной части уголовного права группируются в рамках одной главы Уголовного кодекса и представляют собой совокупность предписаний об ответственности за преступления, имеющие единый родовой

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 151.

² Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 122.

объект, то, руководствуясь вышеуказанным подходом, каждое из отдельных преступлений, нарушающее видовые отношения внутри этих родовых, или группа таких преступлений потенциально может быть объявлена субинститутом.

Например, Ю. Е. Пудовочкин прямо пишет, что субинституты Особенной части уголовного права выделяются «в соответствии с разработанной в науке классификацией преступлений определенного вида»¹. Однако, полагаем, не требует специальных доказательств тезис о том, что классификация преступлений по объекту посягательства и определение внутренней структуры уголовно-правового института – это качественно различные логические операции. К тому же классификация преступлений есть результат исключительно научной проработки вопроса, отражающий субъективный взгляд исследователя на проблему. Заметим также, что значительная часть опрошенных нами при проведении исследования специалистов (53%) не согласилась с самой возможностью признавать субинститутами уголовного права классификационные группы преступлений определенного вида.

В своей работе Ю. Е. Пудовочкин иллюстрирует субинституты института преступлений в сфере экономической деятельности ссылкой на классификацию таковых, предложенных Б. В. Волженкиным. Но следует признать, что его классификация не является единственно возможной. Без дополнительных ссылок на источники можно напомнить, что оригинальные градации экономических преступлений предложены также Н. А. Лопашенко, И. А. Клепицким, Г. В. Вериной и другими исследователями. Аргументы, почему лишь одна из множества классификаций должна быть положена в основу выделения субинститутов, в анализируемой работе отсутствуют. Да и вряд ли они могут быть представлены. А это значит, что при таком подходе структура уголовно-правового института преступлений в сфере

---

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 87.

экономической деятельности потенциально может быть определена самым различным образом, в зависимости от того, предпочтение какой именно из существующих классификаций экономических преступлений будет отдано исследователем. Едва ли такое решение вопроса отвечает сложившимся представлениям об объективной природе права и его структуры.

Кроме того, нельзя не напомнить, что классификация преступлений означает их градацию на виды по какому-либо критерию, при которой члены деления будут исключать друг друга; члены классификационного деления полностью исчерпывают весь объем классифицируемого объекта. Следовательно, при отождествлении классификации преступлений и структуры уголовно-правового института весь институт полностью и без остатка будет разбит на отдельные субинституты. В этом случае институт становится мыслимым лишь как систематизированное объединение подинститутов. Такой подход коррелирует с приведенной выше позицией В. П. Коняхина о родо-видовых отношениях между институтами права, различающихся своим объемом. Но совмещение озвученных теоретических позиций приводит к мысли о том, что группы норм, именуемые Ю. Е. Пудовочкиным субинститутами, являют собой то, что В. П. Коняхин назвал видовыми институтами уголовного права. Столь различный взгляд на один и тот же феномен также нельзя признать удовлетворительным.

Соотношение института и субинститута уголовного права, в итоге, остается «открытым вопросом», нуждающимся в дополнительном внимании.

В современной уголовно-правовой литературе попытка ответить на этот вопрос была предпринята А. В. Денисовой. Учитывая, что это один из немногих и весьма оригинальный взгляд на проблему, приведем позицию автора полностью. По мнению А. В. Денисовой, «уголовно-правовые субинституты занимают промежуточное положение между уголовно-правовыми нормами и институтами. ... Уголовно-правовые нормы и предписания объединяются в субинституты с целью более успешного и детализированного решения отраслевых задач. Как правило, такое решение

бывает альтернативным, это один из вариантов (как правило, дополнительный) урегулирования ситуации, прописанный в нормах и предписаниях субинститута. Можно сказать, что субинституты представляют собой микросистему в отраслевой системе, они выступают некой оболочкой и связующим элементом между нормами и институтами. Последние являются минисистемой более высокого уровня, включают в себя не только нормативно-правовые предписания, уголовно-правовые нормы, но и субинституты»¹. И далее: «Субинститут существует в уголовно-правовом институте как некая альтернативная или запасная деталь, которая может понадобиться и стать крайне полезной при определенных фактических обстоятельствах. ... Уголовно-правовые институты могут реализоваться и без применения составляющих их субинститутов, однако обратная ситуация невозможна... Когда действие субинститута актуализировалось, начали применяться составляющие его нормы и предписания, уменьшается воздействие уголовно-правового института, его содержащего, в пользу влияния субинститута»². По мысли А. В. Денисовой, «если провести аналогию с гражданским правом, то уголовно-правовые институты и субинституты соотносятся между собой как главное и принадлежность: последняя предназначена служить первому и связана с ним общим назначением, следует его судьбе. Так и субинституты, несмотря на свою достаточную самостоятельность, фактически обслуживают уголовно-правовые институты, связаны с ними общим предназначением, целью разрешения конкретных внутриотраслевых задач. ... Таким образом, уголовно-правовые институты и примыкающие к ним субинституты представляют собой своеобразные парные нормативные общности, соотносительные между собой по предоставлению основного/альтернативного вариантов урегулирования подвидов

---

¹ Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 185.

² Там же. С. 187.

общественных отношений, относящихся к предмету отрасли уголовного права»¹.

Анализируя эту позицию, представляется возможным высказать следующие критические замечания.

Во-первых, как было уже показано, субинституты не занимают «промежуточное положение» между предписаниями и институтами. Их место совершенно иное. Они выступают частью правового института, отражая не усложнение линейной структуры права, а усложнение структуры правового института.

Во-вторых, оригинальная авторская аналогия соотношения между институтами и субинститутами по принципу главной вещи и принадлежности входит в противоречие с ее же рассуждениями о субинституте как исключительно альтернативном варианте разрешения той или иной правовой ситуации. «Принадлежность» не может служить альтернативой «главной вещи». Она всегда предназначена «для обслуживания» «главной вещи» (так, по крайней мере, следует из буквального толкования ст. 135 ГК РФ). Если иллюстрировать эти отношения материалом уголовного права, то не будет большой ошибкой признать, что, к примеру, предписание ч. 5 ст. 73 УК РФ, обязывающее суд (а до 2009 года² – предоставляющее суду такую возможность) возложить на условно осужденное лицо те или иные обязанности, способствующие его исправлению, есть ничто иное, как предписание-«принадлежность». Оно не применяется самостоятельно, не обладает самостоятельным регулятивным значением, но всегда «следует» главному предписанию – о применении условного осуждения. При этом такая «принадлежность» не создает альтернативного варианта регулирования условного осуждения. И напротив,

---

¹ Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 188.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.

альтернативные предписания далеко не всегда являются «принадлежностью» предписаний «главных», в том смысле, что «не следуют за ними». К примеру, предусмотренные ст. 90 или ст. 92 УК РФ альтернативные варианты разрешения уголовно-правового конфликта, вызванного преступлением несовершеннолетнего, не следуют с необходимостью за привлечением подростка к уголовной ответственности или применением к нему уголовного наказания. Таким образом, отождествление «принадлежности» и «альтернативы» не является, на наш взгляд, в достаточной степени обоснованным.

В-третьих, нельзя в полной мере согласиться и с утверждением о том, что применение субинститута «уменьшает воздействие» правового института, частью которого этот субинститут является. Если субинститут является частью института и подчинен его общим целям и задачам, то скорее напротив, его применение должно усиливать регулятивные возможности правового института, способствовать более полной реализации потенциала соответствующей группы правовых предписаний, согласно поставленным перед ними целям.

В то же время в позиции А. В. Денисовой заложены некоторые крайне важные тезисы, которые заслуживают поддержки и должны быть дополнительно развиты. Стоит безоговорочно согласиться с тем, что:

- субинституты и институты нацелены на решение общих для них отраслевых задач уголовного права;
- имеют тесные содержательные связи между собой и с иными подразделениями структуры отрасли;
- самостоятельное, без обращения к предписаниям, составляющим институт, применение субинститута уголовного права является теоретически и практически невозможным.

Эти исходные положения подчеркивают системный характер связи субинститута и института уголовного права. Но они пока еще ничего не говорят о содержательной характеристике этой связи. Понять ее можно, как

представляется, если обратиться к вопросу о генезисе субинститутов в структуре правовой отрасли.

Отвергая идею о том, что субинститут есть первичная общность правовых предписаний, и признавая возможность его существования только в рамках уже сложившегося правового института, обратим внимание, что нормативный материал института образуется раньше, чем субинститут, и последний обособляется только на фоне всего института, являясь последствием его структурного усложнения. Субинститут всегда вторичен по отношению к институту и не существует вне своего «материнского» института. Хотя это и не исключает того, что в процессе эволюции уголовного права некоторые субинституты могут все больше приобретать признаки самостоятельных, а не вспомогательных элементов структуры отрасли.

В понимании вопроса о генезисе субинститутов могут оказаться полезными доводы С. С. Алексеева относительно функциональных институтов. Он указывал, что «источником многих институтов служат вариативные конкретизирующие предписания («В-предписания») и исключительные нормы, делающие изъятие из установленного общего порядка»¹. Эта логика вполне применима и для познания идеи появления субинститутов. Когда в рамках уголовно-правового института возникает потребность в каком-либо специфическом режиме регулирования, учитывающем особенности предмета или метода того правового института, реакцией на такую потребность выступает возникновение одного или нескольких предписаний. Именно эти предписания и становятся нормативной базой субинститута. Тезис о том, что именно необходимость обеспечения вариативности в правовом регулировании некоторой группы правоотношений порождает субинститут в структуре правового института, поддержан 78% опрошенных нами специалистов.

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 143.

«В каком же случае можно говорить о существовании субинститутов?» – задавался вопросом С. С. Алексеев. И отвечал: «Это – органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов. Следовательно, перед нами «усложнение» структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм. Такого рода образования внутри институтов зачастую представляют собой разросшиеся ассоциации предписаний»¹.

Итак, опираясь на выводы С. С. Алексеева, можно предложить следующий алгоритм формирования субинститута права:

- возникновение правовых предписаний и их разрастание;
- формирование правового института на основе ассоциаций правовых предписаний;
- возникновение и разрастание предписаний в структуре правового института;
- оформление ассоциации предписаний в структуре института в качестве субинститута.

Ключевой момент в этой схеме – понятие ассоциации правовых предписаний. В одной из своих работ С. С. Алексеев писал, что «основные, детализирующие и варианты нормативные предписания образуют связки, последовательные цепочки, из которых нередко образуется некоторая общность предписаний, своего рода ассоциации норм. Эти ассоциации, составляющие, как правило, содержание многоабзацной статьи нормативного акта, отличаются своим законом связи между предписаниями, особой структурой. ... С ассоциацией предписаний «все начинается» в структуре права. Из них формируются устойчивые правовые общности – правовые институты, их объединения. Причем в ассоциациях предписаний, формулируемых законодателем под прямым влиянием юридической практики, непосредственно ощущаются пульс разнообразных жизненных

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 151.

отношений, потребности практики, накопившийся опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов»¹.

Ассоциация правовых предписаний, таким образом, имеет внешней формой своего выражения многоабзацную статью закона. Это некая упорядоченная и системно связанная группа уголовно-правовых предписаний (например, ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК РФ или ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 29 УК РФ). Такие ассоциации в структуре права не образуют самостоятельного элемента. Они суть «строительный материал». Некоторая ассоциация предписаний может вполне выразить собой институт права (как, например, ст. 46 УК РФ представляет собой содержание института штрафа как вида уголовного наказания). В этом отношении следует поддержать озвученную выше позицию В. П. Коняхина о том, что уголовно-правовой институт может быть выражен в одной статье закона, и, соответственно, возразить категорическим суждениям М. С. Жука о том, что «институт уголовного права для своего внешнего выражения требует всегда нескольких самостоятельных статей уголовного закона»². Некоторые ассоциации выступают частью правового института, но частью, которая может быть признана исключительно технической, лишённой в системе правового института самостоятельного значения (примером такой ассоциации может служить ст. 87 УК РФ, декларирующая общие подходы к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних). Некоторые же ассоциации нормативных предписаний, будучи неотъемлемой частью уголовно-правового института, наделяются некими чертами относительной самостоятельности. И именно они выступают содержанием субинститута уголовного права (например, ассоциации предписаний, выраженные в статьях 90 – 92 УК РФ).

---

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 324–325.

² Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 146.

Такое понимание структурной характеристики субинститута становится еще более наглядным и понятным, если вслед за С. С. Алексеевым провести отграничение сложного института, включающего в себя субинститут, от объединения правовых институтов. Автор считает, что «не следует смешивать это «усложнение» в строении отдельных институтов с другим, весьма существенным явлением в структуре права – с объединениями институтов. Правовой институт в принципе остается все же первичной, начальной правовой общностью, следующей, как правило, сразу за нормативными предписаниями и их ассоциациями. Но правовые институты, как и нормативные предписания, могут объединяться в более крупные подразделения». И далее: сложные институты от объединения институтов «отличаются тем, что в их содержании всегда есть значительный нераспределимый по субинститутам «остаток», который не сводится к одним лишь общим нормам»¹.

Таким образом, объединение институтов – это явление сугубо механистическое. На основании некоторых общих признаков (как правило, исходя из предмета регулирования) законодатель вправе, руководствуясь юридико-техническими приемами, объединить несколько самостоятельных уголовно-правовых институтов в рамках одной структурной единицы текста уголовного закона (например, в главе). Но такое техническое объединение не приводит к формированию нового института, члены объединения не превращаются в субинституты, но всецело сохраняют статус полноценного уголовно-правового института.

С этой точки зрения сложно признать справедливым мнение А. И. Бойко о том, что только обобщенные на уровне раздела II УК РФ предписания о преступлении образуют собственно институт преступления, в то время как обобщения нормативных предписаний на более низком уровне – уровне глав, составляющих этот раздел (неоконченное преступление,

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 151.

субъект, соучастие и пр.), пригодны лишь на роль субинститутов¹. Хотя в первом приближении такой тезис А. И. Бойко и был поддержан почти половиной из опрошенных нами респондентов (42%). Если даже согласиться с тем, что раздел уголовного закона служит самостоятельной формой выражения некоторой ассоциации правовых предписаний, то надо в то же время признать, что раздел включает в себя все главы без исключения, а потому все содержание раздела «разбивается» на главы без остатка. Раздел формируется главами. Следовательно, выраженная в нем общность правовых предписаний является ничем иным, как механическим объединением правовых институтов, если опять же согласиться с тем, что в каждой главе закона, входящей в тот или иной раздел, закреплён институт уголовного права.

Объединение правовых институтов (не важно в данном случае, выражено оно в разделе или главе уголовного закона) всегда «без остатка» может быть поделено на составляющие его институты. В этом отношении хороший эмпирический материал даёт анализ почти всех глав Особенной части УК РФ.

Традиционно считается (это мнение крайне распространено в специальной литературе), что каждой главе в данном случае соответствует отдельный самостоятельный институт – экономических преступлений, преступлений против собственности и т.д. Вместе с тем этот тезис, как ни странно, разделил всего 51% опрошенных при проведении исследования специалистов, что однозначно свидетельствует о максимальной полярности взглядов на эту проблему. В то же время в науке звучат настойчивые предложения исследователей о том, чтобы на уровне отдельной главы закона обособить часть предписаний, включённых сегодня, наряду с иными, в состав той или иной главы, и тем самым формально подтвердить их статус в качестве самостоятельного уголовно-правового института. Такие

---

¹ Бойко А. И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т. 1: Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. С. 430.

предложения высказывались, например, по отношению к институту налоговых преступлений¹, институту преступлений против свободы личности², институту преступлений против порядка организации и проведения выборов³, институту преступлений, связанных с нарушением въезда, выезда и пребывания на территории РФ иностранных граждан⁴ и т.д.

Развивая эти идеи, можно составить вполне развернутое обоснование необходимости разделения каждой главы Особенной части УК РФ на отдельные, более мелкие главы, объединяющие самостоятельные институты. Хорошей иллюстрацией в данном случае может служить юридическая техника Уголовного кодекса Франции в части описания им преступлений против порядка управления. В качестве отдельного элемента структуры Особенной части в книге 4 о преступлениях против государства он включил главу III «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами». В ней десять отделов посвящены отдельным уголовно-правовым институтам: отдел II «Об угрозах и актах запугивания, совершенных против лиц, занимающих публичную должность»; отдел III «О незаконном изъятии, присвоении либо уничтожении документа, ценных бумаг или других предметов, содержащихся в государственном хранилище»; отдел IV «О неуважении»; отдел V «О неповиновении»; отдел VI «О противодействии выполнению работ в общественных интересах»; отдел VII «О незаконном присвоении полномочий»; отдел VIII «О незаконном присвоении знаков отличия, присущих органам государственной власти»;

---

¹ Батайкин П. А. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации: уголовная ответственность и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 8.

² Коротич Е. А. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2016. С. 5.

³ Толстикова И. Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 7.

⁴ Белова М. А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

отдел IX «О незаконном присвоении званий»; отдел X «О недопустимом использовании звания»¹.

Важно подчеркнуть в связи с обсуждаемыми проблемами, что дробление глав на отделы или разделение одной главы на несколько более мелких глав, отражая субъективный взгляд на институциональное строение отрасли, подтверждает, что при существующем порядке вещей в Особенной части УК РФ сложная многосоставная глава, которая без остатка может быть разбита на более мелкие образования, являет собой пример именно объединения нескольких уголовно-правовых институтов, а не сложный институт с входящими в него субинститутами. Субинститут (и в этом его принципиальная характеристика) не может быть изъят из института и обособлен в отдельной структурной части закона до тех пор, пока он сохраняет этот статус субинститута. Потенциально не исключенное обособление ассоциации нормативных предписаний, составляющих часть правового института, в отдельную единицу текста закона допустимо только в том случае, когда разрастающийся субинститут приобретет черты и свойства самостоятельного института уголовного права.

«Цементирующим» фактором, сплачивающим субинститут со всей системой «материнского» института, служит тот самый «нерастворимый остаток», о котором писал С. С. Алексеев. Следует также согласиться с В. Л. Кулаповым и Е. Г. Потапенко, что «в любой правовой общности существует “активный центр”, который выражает основные характерные особенности данной правовой общности и выполняет интегрирующую функцию. В рамках системы отраслей роль такого активного центра играет конституционное право, в рамках структуры конкретной отдельной отрасли – общий (генеральный) институт, состоящий из нормативных обобщений, в рамках института – общие положения, которые могут представлять собой

---

¹ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крылова; пер. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

субинститут, в рамках комплекса правовых норм – основная норма»¹. Общие положения есть нормативная платформа для всего института, в том числе и для такой его части, как субинститут. Она включает в себя принципы, дефиниции, общие предписания (подробнее о них будет сказано в следующей части исследования). «Общие положения, которые содержит правовой институт, относятся ко всем входящим в него субинститутам. Тот факт, что они не дублируются в тексте каждого из субинститутков – это прием юридической техники, обеспечивающий правило экономичности составления юридических текстов»². Именно эта платформа обеспечивает системный характер связи субинститута с иными предписаниями, составляющими институт права, и препятствует произвольному обособлению субинститута на уровень самостоятельной структурной единицы отрасли.

Подводя итог исследованию общих теоретических подходов к пониманию сути субинститута уголовного права и его места в системе отрасли, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

- исследование субинститутов уголовного права может быть полноценно реализовано в рамках использования гносеологического потенциала нормативистского подхода к познанию системы права и внутреннего строения его отраслей, признающего право системой нормативных предписаний, структурированных в отдельные, но взаимосвязанные смысловые блоки. Нормативистский тип правопонимания в настоящее время не только не утратил своего значения, но и приобретает особую ценность в связи с очевидными и повсеместно фиксируемыми процессами десистематизации отрасли уголовного права, негативно сказывающимися на эффективности ее функционирования;

---

¹ Кулапов В. Л., Потапенко Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 68.

² Киримова Е. А. Место субинститутов в структуре сложных правовых институтов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 54.

- надежной методологической основой исследования субинститутов уголовного права может выступать заложенная трудами О. С. Иоффе и С. С. Алексеева теория внутреннего строения отрасли права, основанная на концептах «нормативное предписание» и «ассоциация нормативных предписаний», в рамках которой объединение нормативных предписаний может приобретать различные теоретико-правовые статусы в зависимости от присущих такому объединению отличительных признаков;

- субинститут уголовного права не может мыслиться в качестве элемента линейной структуры отрасли по логике «предписание – субинститут – институт – подотрасль – отрасль». Он может существовать только в структуре сложного уголовно-правового института в качестве его необходимой части, в связи с чем проблема субинститута не есть проблема структуры отрасли уголовного права, но является проблемой строения уголовно-правового института;

- субинститут как ассоциацию нормативных предписаний следует отличать от ассоциации, которая приобрела черты самостоятельного института; от ассоциации, которая не обладает самостоятельным функциональным значением в структуре правового института; а равно от объединения правовых институтов. Субинституту присущи собственные, отличительные конститутивные признаки, позволяющие его идентифицировать.

1.2. Закономерности формирования субинститутов уголовного права

Важным элементом научного исследования любой правовой проблемы выступает анализ вопросов генезиса и развития. Историко-правовой метод давно и уверенно занял свое место в методическом аппарате уголовно-правовой науки. «Вся система исследования преступления и наказания требует, чтобы они рассматривались только исторически, – пишут специалисты, – во взаимосвязи с другими уголовно-правовыми явлениями и

исключительно во взаимосвязи с конкретным опытом истории уголовного права (законодательства и доктрины)»¹. При этом столь же давно отмечены и существенные трудности в применении этого метода для целей познания уголовно-правовых явлений. Как считает А. Богдановский, «история уголовного права какого-либо народа должна представить главным образом воззрение законодательства и народного права вообще на преступление и наказания и на взаимное между ними отношение, т.е. она должна раскрыть понятия народа, насколько они выражаются в праве, о различных направлениях воли человеческой, о мере, способе и образе воздаяния за различные обнаружения этой воли, когда она является противною интересам общежития. Следовательно, историку предстоит здесь главным образом следить процессы внутреннего перерабатывания идей в умственной лаборатории народа, процесс, по самому свойству своему скрытый, показывающийся только изредка наружу в тех или других видимых фактах»². Проникнуть в «исторический дух» народа, детерминирующий содержание уголовного закона и отраженный в этом законе, юристу едва ли под силу, поэтому часто исторический аспект в правовых сочинениях подменяется анализом истории текста закона. При всей значимости такого подхода к организации исследования для полноценного историко-правового анализа его явно недостаточно. Без исторического, криминологического, политологического и общего теоретико-правового «фона» понять и оценить предписания уголовного законодательства предшествовавших эпох практически невозможно. Только комплексный подход, предполагающий изучение социально-политической обстановки в государстве, идеологии,

---

¹ Хилота В. В. Какой быть методологии уголовного права // *Lex Russica*. 2016. № 12 (121). С. 25; Хижняк Д. С. Современная методология юриспруденции // *Библиотека криминалиста*. 2012. № 3. С. 373–382.

² Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М.: Тип. Каткова и К^о, 1857. С. 1–2.

духовной культуры, текста памятников права, средневековой литературы, позволит проникнуть в природу права, его язык и идеологию¹.

Пожалуй, еще больше сложностей методологического и методического характера вызывает необходимость познания вопросов генезиса субинститута уголовного права в качестве структурного элемента правового института. Эти сложности обусловлены несколькими факторами:

- во-первых, субинститут, как было установлено предшествующим анализом, может мыслиться исключительно в качестве части уголовно-правового института, в то время как номенклатура институтов до сих пор остается окончательно не проясненной ни в действующем праве, ни тем более в праве прошлых веков;

- во-вторых, субинститут крайне редко получает внешнее обособление на уровне отдельной единицы текста уголовного закона, в связи с чем ориентация на анализ источников уголовного права и внешней формы их выражения мало чем помогает в части анализа генезиса субинститутов уголовного права;

- в-третьих, субинститут (как и институт) является понятием, операционально пригодным для исследования уголовного права при условии, что не подвергается сомнению само отраслевое деление права, а равно критерии обособления отраслей и правила их внутренней организации, при том что само такое строение права является итогом относительно недавних по историческим меркам научных дискуссий;

- в-четвертых, формирование субинститутов уголовного права продиктовано как общими детерминантами развития права (состоянием экономических, политических, социальных и т.д. отношений), так и внутренними факторами развития уголовного права (сочетанием процессов дифференциации, интеграции и т.п.), что требует их совместной и предметной оценки.

---

¹ См.: Момотов В. В. К проблеме исследования русского средневекового права // Современные проблемы правоведения. Сб. науч. тр. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1998. С. 16.

Отмеченные факторы детализируют применительно к теме исследования один общий момент методологии историко-правового анализа в сфере уголовного права. Дело в том, что понятие субинститута уголовного права относительно «молодое». Первые попытки его обоснования относятся лишь к последней трети прошлого столетия. В связи с этим возникает закономерный вопрос о допустимости научного поиска субинститутов уголовного права во внутреннем строении отрасли более ранних периодов, о допустимости исследования уголовного права прошлого с позиций современных представлений об институциональном строении права и структуре уголовно-правового института.

В науке этот вопрос решается неоднозначно. А. И. Калашникова, например, утверждает, что попытки реконструировать объект исследования с позиций сегодняшнего дня в рамках культурной традиции, существующей на момент исследования, без учета специфики того или иного рассматриваемого периода истории, составляют «основную ошибку исследователей» в области уголовного права¹. К известной осторожности в исследовании права прошлого с современных позиций призывает А. А. Арямов². В то же время О. Ф. Шишов, напротив, отмечает, что при определении предмета истории науки «следует исходить из современного представления о самой науке и ее предмета, отражающей ее развитое состояние, что позволяет нам реконструировать менее развитые формы науки»³.

Это важный методологический спор. С точки зрения сторонников первой позиции едва ли в принципе возможно говорить о субинститутах уголовного права Древней или Средневековой Руси, поскольку сам феномен субинститута на тот момент вряд ли существовал. С точки зрения их оппонентов, такой научный поиск вполне возможен на основе приемов

---

¹ Калашникова А. И. Методологические основы изучения уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 293–294.

² Арямов А. А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 1. С. 5.

³ Шишов О. Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы Общей части (1917–1936 г.г.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 12.

исторической реконструкции.

Погрузившись в эту дискуссию весьма глубоко, Р. Г. Асланян отмечает, что «в этом споре истина, как обычно, располагается посередине. Безусловно, недопустимо оценивать содержание и структуру исторических памятников уголовного права с точки зрения современных представлений о том, каковыми они должны быть в их идеальном выражении. При таком подходе полностью нарушаются требования историко-ситуационного подхода к исследованию. Но вместе с тем недопустимо и игнорировать возможность исторического исследования таких современных уголовно-правовых явлений, которые не имеют прямых аналогов в истории права. Это означало бы в принципе существенную и неоправданную ограниченность историко-ретроспективного подхода к анализу»¹.

Действительно, в данном случае необходим некий компромисс, некая консенсуальная основа, которая, не будучи искусственной, позволит согласовать противоположные позиции. Представляется, что в нашем случае на статус компромисса могут претендовать следующие рассуждения.

Субинститут уголовного права для целей историко-правового анализа может рассматриваться двояко. С одной стороны, статической, он является элементом структуры правового института, «здесь и сейчас» отраженной в той или иной форме в уголовном законодательстве. При таком подходе говорить о субинститутах можно лишь при условии предварительного исследования институтов права, что допустимо лишь на определенном, достаточно позднем этапе развития отрасли и ее отражении в законе, построенном на основе пандектного принципа. С другой стороны, динамической, субинститут может мыслиться как итог протекания в праве некоторых процессов, которые вызваны к жизни потребностью в уточнении, конкретизации, детализации правового регулирования, обеспечения его

---

¹ Асланян Р. Г. Особенная часть уголовного права как предмет исторического анализа: источники и границы анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 21–27; Асланян Р. Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022.

устойчивости и единообразия, что закономерно приводит к усложнению структуры права. Поскольку такие процессы объективны и имеют место на протяжении всей истории уголовного права вне зависимости от того, в какой форме и как они отражаются на структуре уголовного закона, вполне допустимо искать результаты этого процесса в памятниках любой исторической эпохи.

Таким образом, вопрос об истории субинститутов уголовного права есть одновременно вопрос о реальных и объективных процессах усложнения системы уголовно-правового регулирования и вопрос о реальных, но подверженных влиянию субъективных (законодательных) факторов результатах отражения итогов этого процесса в текстах исторических памятников права. Понимание того обстоятельства, что за наличием любого субинститута в структуре отрасли уголовного права стоит некий объективный процесс, вполне позволяет искать «следы» этого процесса в любой исторической эпохе. В то же время понимание того обстоятельства, что это процесс формирования именно субинститута, а не какого иного элемента структуры отрасли (не нормы, не института), требует некоторых ограничений и специальных оговорок в процессе исторического анализа, соотнесения того или иного выявленного структурного элемента отрасли с критериями и признаками субинститута.

Изложенное заставляет обратить внимание на следующий важный фактор методологии исторического анализа субинститутов уголовного права. Учитывая, что история субинститутов уголовного права – это история их появления и внешнего отражения, в ней необходимо четко различать два аспекта.

Во-первых, это собственно генезис субинститута, рассматриваемый с общетеоретической точки зрения как процесс появления в структуре уголовно-правового института некоторой относительно обособленной группы нормативных предписаний. Этот аспект условно можно назвать «горизонтальным». Он отражает общую, единую, универсальную схему

появления субинститута в структуре института уголовного права.

Во-вторых, это процесс формирования и развития внутри конкретного института уголовного права того или иного субинститута. Условно можно назвать этот аспект «вертикальным». Он отражает собственно исторический характер эволюции уголовного права и его непосредственную связь с состоянием и тенденциями общественного развития.

Такое различие имеет не только содержательное значение, но и методическое. Если в первом случае мы можем проследить некоторые общие закономерности формирования (генезиса) субинститутов и представить их в рамках настоящего исследования на уровне обобщенной схемы, то второй из выделенных аспектов как более конкретный и предметный может быть полноценно проанализирован лишь в рамках научных работ, посвященных отдельным правовым институтам, тогда как в нашей работе ему отведена роль в большей степени иллюстративная.

Приступая к анализу «горизонтального» аспекта генезиса субинститутов уголовного права, отметим в качестве важнейшего положения, прежде всего, то обстоятельство, что генезис этот не является случайным, а возникновение субинститутов в структуре института уголовного права – произвольным. В основе генезиса уголовно-правовых субинститутов (как и в основе генезиса иных структурных образований и в уголовном праве, и в любой иной отрасли права) лежат объективные закономерности развития права, в первую очередь те, что относятся к разряду структурных. В уголовно-правовой науке структурными признаются закономерности, «выражающиеся во внутренней организации (в строении) уголовного права, закона и уголовно-правовых явлений в качестве способа взаимосвязи элементов, составляющих их содержание»¹. Такие закономерности отражают общий процесс взаимного диалектического влияния, с одной стороны, содержания и формы уголовного права, а с другой

---

¹ Андрианов В. К. Структурные закономерности уголовного права: понятие, виды, соотношение понятий // Журнал Российского права. 2018. № 10. С. 93.

стороны, количественных и качественных изменений уголовного права¹.

Без упоминания этих законов диалектики В. К. Андрианов отмечает, во-первых, двойственную связь структуры уголовного права и юридической техники. Он пишет: «С одной стороны, структурные закономерности права обуславливают выбор законодателем средств и приемов юридической техники, используемых при выработке и систематизации нормативных актов; другая сторона этого соотношения – обратное влияние средств и приемов юридической техники, воплощенной в правовых актах, на формирование структуры права и ее закономерностей, придания им свойств повторяемости и устойчивости»². Во-вторых, он проводит градацию структурных закономерностей «на закономерности, характеризующие количественный аспект структуры уголовного права и закона (сюда относятся закономерности, выражающие число структурных элементов норм, статей, составов преступлений); закономерности, характеризующие качественный аспект структуры уголовного права и закона»³.

Эти философские и логические основания дают возможность адекватного понимания процессов генезиса субинститутов, акцентируя внимание на том факте, что субинститут является некоторым итогом развития в праве определенных процессов, внешней формой их выражения, свидетельствующей о качественном изменении структуры уголовно-правового института вследствие количественного роста составляющих его правовых предписаний.

При такой исходной методологической установке важнейшее исследовательское значение приобретает, во-первых, познание сути и содержания тех правовых процессов, которые детерминируют генезис субинститутов, и во-вторых, анализ решений, посредством которых эти

---

¹ В отечественной библиографии имеется, пожалуй, единственная монографическая работа, посвященная раскрытию законов диалектики на основе анализа материалов уголовного права (см.: Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск: Изд. Красноярск. ун-та, 1990). Однако вопросы структуры уголовного права с диалектических позиций в ней не исследуются.

² Андрианов В. К. Структурные закономерности уголовного права: понятие, виды, соотношение понятий // Журнал Российского права. 2018. № 10. С. 94.

³ Там же. С. 96.

процессы отражаются на структуре права. Уже в самой постановке исследовательской задачи просматривается еще один важный аспект теории генезиса уголовно-правовых субинститутов. Он свидетельствует о том, что процесс этот сочетает в себе объективные и субъективные характеристики. Он объективен в той мере, в какой право имеет генетические и содержательные связи с системой общественных отношений, уровнем развития экономики, культуры и иных сфер жизнедеятельности общества; и субъективен в той степени, в какой эти связи оцениваются законодателем, признаются или отвергаются им и находят отражение в содержании уголовного законодательства. Возможные в этой связи противоречия между объективными и субъективными характеристиками правовых процессов, лежащих в основе генезиса субинститутов уголовного права, необходимо всегда иметь в виду, оценивая состояние и перспективы развития системы уголовного права и структуры его институтов.

Правовые процессы, которые детерминируют изменение и усложнение структуры права в целом и структуры отдельных его институтов, в том числе уголовно-правовых, традиционно и оправданно связываются в науке с дифференциацией и унификацией правового регулирования. Именно дифференциация и унификация стали наиболее популярными ответами на вопрос о генетических процессах формирования субинститутов (43% и 33% соответственно). Однако еще больше специалистов ошибочно указало в качестве такого процесса криминализацию, т.е. процесс признания деяния преступным и закрепления его признаков в уголовном законе (53%). Указанное может свидетельствовать о недостаточном понимании природы субинститута и переносе на него общеуголовных процессов, протекающих в сфере уголовной политики. «Единство и дифференциация присущи всем отраслям российского права и системе права в целом. Это объясняется тем, что без единства и дифференциации невозможно функционирование любой

системы»¹. Эти категории могут (и должны) рассматриваться в качестве парных, хотя анализ источников свидетельствует о том, что вопросам унификации права по сравнению с дифференциацией уделяется явно недостаточное внимание².

Дифференциация (от лат. «differentia» – разность, различие) в самом общем виде означает расчленение целого или его части на взаимосвязанные структурные элементы. По мнению Д. Е. Петрова, «в юридической науке дифференциация – это одна из основополагающих наряду с интеграцией тенденций в развитии и функционировании системы права, имеющая многоуровневый характер, выражающаяся в непрерывном процессе переменной интенсивности дробления, выделения новых структурных образований в праве, в увеличении числа его элементов, расширении круга выполняемых ими функций, а также вызревании качественных различий элементов (и подсистем), посредством чего обеспечивается должный уровень разнообразия в механизме правового регулирования и адаптация его к внешней среде»³.

В нашем случае дифференциация уголовного права как некоторой совокупности предписаний на отдельные отрасли, институты и субинституты выступает следствием дифференциации правового регулирования как целенаправленной государственной деятельности. «Во многом благодаря использованию дифференцированного подхода к правовому регулированию общественных отношений сформировалась современная система права: различные отрасли обособились друг от друга, сложилась их внутренняя структура. Дифференциация дает возможность учесть специфику

---

¹ Кобзева С. И. Дифференциация в праве социального обеспечения // Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда и социального обеспечения. Материалы пятой Международ. науч.-практ. конф. / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2009. С. 442.

² Этот факт признается в литературе и по иным отраслям права, см., например: Антипьева Н. В. Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 29.

³ Петров Д. Е. К вопросу о причинах и предпосылках дифференциации структурных элементов системы права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 122; Петров Д. Е. К вопросу о понятии и функциях дифференциации в праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 80.

определенных групп отношений и повысить эффективность правового воздействия на них»¹.

В каждой области правового регулирования дифференциация проявляет себя особым образом, принимая во внимание предмет, методы, цели регулирования. В уголовном праве сущность процессов дифференциации сводится к дифференциации уголовной ответственности, ее оснований и объема. Важные позиции на этот счет высказаны Конституционным Судом РФ: «Требования справедливости и гуманизма обязывают обеспечить дифференциацию ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, определяющих выбор уместных мер государственного принуждения, а потому конкретный ее вид должен соотноситься с характером правонарушения, с его опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, чтобы это гарантировало адекватность мер и последствий ответственности тому вреду, который причинен правонарушением, не допускало избыточного государственного принуждения и обеспечивало баланс прав гражданина, привлекаемого к ответственности, и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств»². В этой правовой позиции, во-первых, четко зафиксировано, что дифференциация ответственности является конституционно значимой целью уголовно-правового регулирования, а ее достижение – обязанностью государства. Во-вторых, названы критерии, исходя из которых государство обязано осуществлять дифференциацию

---

¹ Антипьева Н. В. Единство и дифференциация правового регулирования как принцип права социального обеспечения // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. Выпуск 3 (21). С. 10.

² По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914; По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М. Г. Анциновой: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2020 № 42-П // СЗ РФ. 2020. № 43. Ст. 6884; По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г. П. Кристова: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П // СЗ РФ. 2019. № 3. Ст. 278.

уголовно-правового регулирования ответственности (характер деяния, его опасность, значимость охраняемых ценностей, объем причиняемого им вреда, особенности личности и вины правонарушителя). В-третьих, обозначены цели самой дифференциации – достижение оптимального баланса между интересами привлекаемого к ответственности лица и публичными интересами, защищаемыми посредством уголовного закона. С учетом этих обстоятельств вполне обоснованно А. И. Коробеев признает дифференциацию уголовной ответственности одним из принципов уголовной политики и уголовного права¹.

Дифференциация уголовной ответственности есть перманентный процесс, который с необходимостью сопровождает собственно процесс уголовно-правового регулирования. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, «уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния»². Следовательно, и установление, и дифференциация ответственности в этом отношении вполне могут восприниматься как двуединый процесс. Это не исключает, разумеется, самостоятельного характера процесса дифференциации, особенно в ситуации, когда она выступает средством приведения уголовного закона в соответствие с меняющимися социальными условиями³. Однако в теоретическом плане

---

¹ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 42.

² По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892; По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волокитина Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2729-О // СПС «Консультант Плюс».

³ «В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства и справедливости и обеспечивая баланс конституционно значимых целей и ценностей». – См.: По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие

позволяет условно, но вполне отчетливо выделить дифференциацию как статический элемент уголовно-правового регулирования, обеспечивающий конституционность самого факта установления ответственности (дифференциация правового регулирования в социальном пространстве), и дифференциацию как элемент динамический, обеспечивающий адекватность уголовного закона меняющимся социальным условиям (дифференциация правового регулирования в социальном времени).

Применительно к проблематике нашего исследования следует заметить, что именно первое из выделенных направлений дифференциации в большей степени связано со структурными особенностями уголовного права. Именно оно обеспечивает соответствие правовой дифференциации дифференциации социальной, воспринимаемой как исходное состояние социальной структуры, как процесс, который предопределяет возникновение в обществе новых целей, новых социальных групп, новых социальных ролей и функций, новых социальных статусов. Соответственно, усложнение социальных связей и их дифференциация приводит к усложнению и дифференциации правового регулирования, к появлению новых нормативных предписаний, призванных обеспечить адекватность системы права системе общественных отношений.

Такая адекватизация развивается в двух основных направлениях. Д. Е. Петров считает, что «в философии различают дифференциацию функциональную, в ходе которой расширяется круг функций, выполняемых элементами развивающейся системы, и структурную, в ходе которой в системе выделяются подсистемы, реализующие те или иные функции. В рамках исследования причин и предпосылок дифференциации системы права

Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устрояющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других: По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7784.

более точным представляется выделение предметной и функциональной дифференциации»¹. С этим тезисом, полагаем, следует согласиться. Дифференциация уголовно-правового регулирования вполне отчетливо распадается на дифференциацию оснований ответственности (по предмету) и дифференциацию объемов и содержания ответственности (функциональную). Они могут сосуществовать и как самостоятельные направления дифференциации правового регулирования, и восприниматься в качестве этапов или фаз единого процесса дифференциации правового регулирования. По справедливому замечанию И. Н. Сенякина, в силу возрастания многообразия и сложности социально-экономических и политических процессов в юридической практике начинает доминировать многофазовая дифференциация².

Важно понять, что эти два направления обеспечиваются процессом правового регулирования в целом, однако протекают на разных его уровнях. Когда речь идет об отраслевом уровне, об уровне регулирования отношений, находящихся за пределами отрасли уголовного права, они приводят к формированию новых правовых институтов. Когда же речь идет об уровне суботраслевом, о совершенствовании регулирования отношений, уже входящих в предмет уголовного права, это приводит к формированию в уголовном законе правовых предписаний, призванных уточнить, конкретизировать, специализировать уже имеющиеся нормативные предписания и институты. И именно в этом случае можно наблюдать процесс формирования в структуре института уголовного права того или иного субинститута. Субинститут не возникает как ответ на потребность в регулировании отношений, он возникает как ответ на потребность в уточнении уже сложившегося механизма регулирования этих отношений. Это, если допустимо так выразиться, вторичный уровень правовой

---

¹ Петров Д. Е. К вопросу о причинах и предпосылках дифференциации структурных элементов системы права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 123.

² Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 59.

дифференциации. Создав нормативные предписания, которые осуществляют общую регламентацию тех или иных уголовно-правовых отношений в целом и формируют тем самым правовой институт, государство до определенной поры может оставить открытыми вопросы, связанные с особенностями и конкретным содержанием правового регулирования некоторых разновидностей таких отношений или их отдельных сторон. По мере возрастания социальной значимости этих отношений появляется объективная необходимость в дифференциации правового регулирования и, соответственно, в дифференциации структуры института уголовного права. Эта потребность реализуется в специальных или дополнительных нормативных предписаниях, которые и становятся основой уголовно-правового субинститута.

Такая дифференциация, отмечает Д. Е. Петров:

- позволяет охватить правовым регулированием широкий спектр разнородных общественных отношений, учесть их специфику, сделать более полным процесс юридической регламентации (регулятивно-адаптационная функция);
- является одной из двух (наряду с интеграцией) диалектически связанных сторон процесса эволюции системы права, содействуя ее усложнению и развитию (эволюционная функция);
- функционально выступает детерминантом по отношению к специализации законодательства, играет роль ее «побудителя» (правотворческая функция);
- ведет к устранению пробелов в праве (функция восполнения);
- содействует осуществлению индивидуализации правового регулирования на практике (практически-прикладная функция)¹.

Дифференциация уголовно-правового регулирования, при всей ее конститутивной значимости, не является единственным процессом,

---

¹ Петров Д. Е. К вопросу о понятии и функциях дифференциации в праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 84.

отражающим возрастающую сложность уголовного права и его адекватность усложняющимся условиям внешней среды. Диалектически связанным с ней является обратный процесс, для обозначения которого в праве используются различные термины: «унификация», «интеграция», «единение». Верно отмечает Л. Е. Смирнова, что «наряду с дифференциацией унификация является одним из двух генеральных направлений развития и совершенствования уголовного законодательства»; «унификация оказывает значительное влияние на форму и содержание права, обеспечивает единообразный подход к правовому регулированию сходных общественных отношений, приводит к созданию более совершенного законодательства», представляя собой «осуществляемый правотворческими органами процесс, направленный на обеспечение единообразного правового регулирования сходных (однородных) либо совпадающих (тождественных) общественных отношений в ходе создания или совершенствования нормативно-правовых предписаний или их элементов»¹.

Унификация в уголовном праве внешне представляет собой процесс, обратный дифференциации. Однако она преследует, по сути своей, те же цели – обеспечить надлежащую реализацию принципов справедливости и равенства. Правовое воздействие, которое начинается с регламентации отдельных сторон общественных отношений, с издания более конкретных, специальных предписаний, может приводить к постепенному накоплению, разрастанию объемов специальных предписаний. «Достижение ими «критической массы» инициирует процесс интеграции в праве, то есть обобщения объема и содержания специальных норм права, регулирующих один и тот же род общественных отношений и не противоречащих друг другу. Это приводит к необходимости обобщенных формулировок, нормативных обобщений и издания общих норм»². Так в структуре уголовно-

---

¹ Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 7–9.

² Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 322–323.

правового института могут возникать субинституты общего содержания, обеспечивающие сквозное регулирование некоторой стороны или разновидности всех правоотношений, составляющих предмет регулирования уголовно-правового института.

Этот вектор формирования субинститутов отражает один из важных аспектов систематизации права. Как писал С. С. Алексеев, «большинство системообразующих факторов относится к числу внешних, находящихся вне права. Однако при рассмотрении структуры права нельзя упускать из поля зрения и внутренние факторы. Обособление ряда подразделений правовой системы (в особенности институтов, отдельных нормативных предписаний) связано, помимо иных оснований, также с “внутренними потребностями” самой системы. И хотя эти внутренние потребности по своему конечному источнику тоже зависят от причин внешнего порядка (а нередко в своем действии с ними перекрещиваются), они все же имеют непосредственно правовой характер»¹.

В этом отношении не будет большой ошибкой признать, что если дифференцирующие субинституты в основном являются итогом процессов дифференциации права в ответ на усложняющуюся структуру социального взаимодействия в обществе, то субинституты унифицирующего содержания возникают как реакция на внутренние потребности системы уголовного права в обеспечении единообразия правового регулирования (см. рис. 1).

Рисунок 1. Генезис субинститутов уголовного права

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 47.

При этом, вслед за Д. Е. Петровым, важно подчеркнуть, что «и первое, и второе направления воздействия дифференциации и интеграции права на структурирование нормативных правовых актов, как «сообщающиеся сосуды», наполнены единым содержанием. Это объясняется тем, что образование новых специальных норм, специальных субинститутов, специальных институтов права в результате действия процесса дифференциации права или появление новых общих норм, общих субинститутов, общих институтов права в результате действия процесса интеграции права влечет изменения в структуре и содержании действующих нормативных правовых актов, а также необходимость разработки и принятия новых нормативных актов»¹.

Тем не менее оформление субинститутов уголовного права в структуре того или иного отраслевого института не должно восприниматься как финальная точка развития процессов дифференциации и унификации в праве. Данные процессы объективны и, по большому счету, бесконечны. А потому их дальнейшее развитие на фоне возрастания социальной значимости регулируемых субинститутом правоотношений или установленного им режима регулирования может привести к тому, что законодатель придаст субинституту статус полноценного института права.

А. В. Денисова в этом отношении не без оснований заключает, что многие действующие институты уголовного права «первоначально могли существовать в качестве субинститутов, но впоследствии в связи с увеличением объема своего нормативного содержания и расширением сферы регулируемых общественных отношений трансформировались в самостоятельные структурные единицы системы российского уголовного права»². Близкой позиции к подобной точке зрения придерживаются и иные

---

¹ Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 363–364.

² Денисова А. В. Системность Российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 180.

специалисты¹. Соглашаясь с этим суждением, отметим все же, что эволюция субинститута в институт права не является изначально предрешенной или обязательной. Это один из возможных сценариев развития институционального строения отрасли уголовного права.

Подводя промежуточный итог анализу вопросов генезиса субинститутов уголовного права, можно заключить, что в теоретическом отношении такой генезис:

а) имеет государственно-управленческий характер и опосредован законодательной деятельностью, выступая формой признания государством особой значимости специального регулирования тех или иных уголовно-правовых отношений;

б) детерминирован взаимосвязанными процессами дифференциации и унификации правового регулирования, обеспечивающими адекватизацию права усложняющимся общественным отношениям и механизму их социального регулирования;

в) отражает взаимосвязь категорий количества и качества, при которой потребность в качественном уточнении уголовно-правового регулирования может приводить к изменению количества структурных компонентов уголовно-правового института, равно как и количественное приращение уголовно-правовых предписаний внутри института может трансформироваться в качественно новую форму субинститута уголовного права;

г) влечет выделение новых нормативно-правовых образований, включающих специализированные или обобщенные нормативные предписания, появление новых функций у элементов системы права, что способно влиять на структуру уголовного закона как внешнюю форму объективизации уголовного права.

---

¹ Коняхин В. П., Жук М. С. Элементный состав структуры уголовного права //Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. III Всерос. науч.-практ. конф. (26 ноября 2015 г., РГУП) / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. М.: РГУП, 2016. С. 82–83.

Такая логика формирования субинститутов уголовного права отражает общую теоретическую схему их возникновения в структуре правового института. Она наполняется предметным содержанием применительно к истории развития того или иного конкретного уголовно-правового субинститута. В этом отношении данный аспект генезиса субинститутов (названный нами в предшествующем изложении «вертикальным») может быть полноценно исследован только в рамках специальных трудов, посвященных эволюции отдельных уголовно-правовых предписаний. Тем не менее некоторые общие рассуждения на этот счет высказать необходимо.

Прежде всего, отметим весьма сложный вопрос относительно возможности исследования субинститутов уголовного права в эпоху, предшествующую появлению письменных памятников.

В литературе некоторые авторы утверждают, что «если мы возьмем историю возникновения субинститутов, то тут мы можем говорить о появлении их не только в законодательстве, но и учитывая обычное право, намного раньше. Поскольку главным регулятором общественных отношений выступает норма права (как обычного, так и позитивного), то и субинститут права, который является совокупностью норм, можно рассматривать как с точки зрения обычного права, так и позитивного. ... Субинститут в праве возник тогда, когда появилась специфика в рамках урегулированных общественных отношений (думается, что первые такие отношения регулировались обычным правом), которая потребовала к себе большего внимания и более подробной регламентации»¹.

Полагаем, что с таким суждением едва ли можно согласиться. Если углубляться в историю уголовного права, то ее следует начинать не столько с правовых обычаев, сколько с системы табуирования, существовавшей еще в догосударственную эпоху². Однако нормы поведения в догосударственном

---

¹ Орехов И. В. История возникновения и признания субинститутов права // Наука сегодня: сб. науч. тр. по материалам междунаrod. науч.-практ. конф. (Вологда, 23 сентября 2014 г.). В 4 частях. Часть 4. Вологда: ООО «Маркер», 2015. С. 80.

² См., например: Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права. М.: Юрист, 2002. С. 36.

обществе не могут быть отнесены в строгом смысле этого слова к категории правовых. Права как атрибута, присущего именно государству, еще не было. Эта система первобытной норматики, имеющая малодифференцированный, синкретичный характер, включающая в себя мораль, этикет, древнейшие зачатки права, религиозные предписания и запреты, наиболее точно отражена в термине «мононормы», предложенном А. И. Першицем¹.

В процессе «расщепления» этих мононорм на фоне становления государственной формы жизнеустройства и возникает право. Но право, дифференцированное от морали и иных социальных регуляторов, представленное и в форме правовых обычаев, и в форме появляющихся письменных установлений, само по себе еще не представляет дифференцированной системы. В нем наличествуют нормы запретительные, регулятивные, материальные, процессуальные и т.д., но все они являют собой единый комплекс правовых установлений. Выделение в нем отраслей, институтов и тем более субинститутов теоретически необоснованно.

Внутреннее структурирование права – продукт более поздней эпохи. Здесь надо учитывать еще одно важное обстоятельство: структурирование права (тем более структурирование отдельной отрасли – уголовного права) – феномен, отражающий развитие процессов дифференциации правового регулирования, то есть всецело сознательный, управляемый (и в этом отношении – политический) процесс. Развиваться он может только в условиях, когда главным источником права становится сознательная политическая деятельность аппарата управления обществом. Народные обычаи не могут выполнять эту функцию по определению, они по природе своей и по месту в истории права не предназначены для дифференцированного управления правоотношениями. Как верно отмечает М. С. Жук, «для своего времени обычаи были вполне эффективным и достаточным средством нормативной регламентации общественной жизни.

---

¹ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследование по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 214.

Однако вряд ли можно говорить о том, что обычные нормы (их группы) способны быть дифференцированными на какие-либо отдельные нормативные институты. Обычай в большей степени носил универсальный, обобщенный и комплексный характер. Для того чтобы обычные нормы могли составить тот или иной правовой институт, они, во-первых, должны были приобрести характер именно правового обычая, а во-вторых, сами должны были стать институционализированными. Соответствующая эволюция происходит несколько позднее и сопровождается переводом обычаев в ранг писаных норм права¹. Таким образом, предметное поле поиска субинститутов уголовного права должно быть ограничено исключительно писаными источниками права.

Здесь также существуют некоторые сложности методологического свойства, связанные со спецификой самого понятия субинститута и его признаков. Применительно к истории институтов уголовного права М. С. Жук акцентировал внимание на внешнем выражении их системы в отечественном законодательстве. «Поскольку одним из признаков правового института является его обособление в качестве самостоятельной структурной единицы закона, постольку история уголовно-правовых институтов становится близкой истории создания уголовного законодательства и его кодификации»². Однако этот признак (внешнее обособление) не является обязательным, имманентным субинституту. По этой причине структура уголовных законов, отражающая институциональное строение отрасли, может служить только отправной точкой в поиске субинститутов уголовного права. В то же время неразрывная связь субинститутов с историей институтов уголовного права закономерным образом расширяет хронологию истории субинститутов, включая в нее как современный период пандектного оформления отрасли, так и время, в течение которого уголовное право,

---

¹ Жук М. С. Период зарождения и становления институтов уголовного права Древней Руси // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3(26). С. 134.

² Там же. С. 133.

построенное по институциональному принципу, не знало деления на Общую и Особенную части.

Следующий важный вопрос, который уже частично затрагивался в работе, заключается в том, что анализ субинститутов уголовного права может быть перспективным лишь в случае, когда исследователь разделяет саму идею отраслевого деления права и наличия в структуре отрасли институтов. В теоретическом отношении это относительно «молодое» достижение, которое начало формироваться в конце 30-х годов прошлого столетия (во время так называемой «первой дискуссии» о системе права 1938 – 1941 годов)¹. Однако в отраслевой учебной литературе эта дискуссия почти не нашла отражения. Здесь не было выработано понимания уголовно-правового института, сам термин «институт» употреблялся в одном смысловом ряду с «нормой» и «понятием»²; о категории субинститутов теория права вообще умалчивала вплоть до 70-х годов XX века. С учетом этого обстоятельства в исследовании «вертикального» аспекта эволюции субинститутов уголовного права крайне сложно (и едва ли возможно, в принципе) опереться на достижения науки уголовного права, которая не наделяла те или иные нормативные образования в структуре права официальным статусом института или субинститута. Здесь опять же единственным источником знаний остается текст уголовного

---

¹ См. об этом, например: Шминке А. Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 10; Черенкова Е. Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.

В теории права выделяют три крупные дискуссии о системе права: 1) дискуссия 1938–1941 гг. утвердила предмет правового регулирования в качестве основного критерия дифференциации системы права. При этом понятия системы права выработано не было, как не было предложено каких-либо принципов, определяющих единство системы права; 2) дискуссия 1956–1958 гг., основным выводом которой было то, что отраслевая дифференциация происходит не только по предмету, но и по методу правового регулирования. Было выработано определение системы права, которое, впрочем, включало только критерии дифференциации системы права, но не содержало принципа, который объединял бы разрозненные элементы системы права в единое целое; 3) дискуссия 1982–1984 гг. характеризовалась полярированностью мнений и точек зрения, в том числе отрицающих как предложенные выше критерии дифференциации отраслей права, так и саму идею отраслевого строения права.

² Уголовное право. Общая часть. Учебник. Изд. 4-е, перераб. / науч. ред. В. Д. Меньшагин. М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1948. С. 113; Советское социалистическое уголовное право. Часть Общая. Учебник для вузов / под ред. Б. С. Утевского. М.: Госиздат юрид. лит., 1950. С. 452.

законодательства, соотносимый с современными представлениями о признаках субинститута права и препарлируемый посредством этого понятия.

Таким образом, общая методика исторического анализа субинститутов уголовного права предполагает: а) обращение к тексту писаных памятников права, начиная с тех, что построены по институциональному принципу; б) поиск в институтах права отдельных предписаний, которые отражают процессы дифференциации или унификации правового регулирования; в) соотнесение этих предписаний с критериями и признаками субинститута уголовного права.

Придерживаясь этой методики, субинституты уголовного права можно обнаружить уже в первом памятнике права, пусть еще не дифференцированном в отраслевом отношении, но имеющем структурированное изложение уголовно-правовых предписаний. Речь идет об Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г.¹ Уложение содержало 25 глав и 967 статей. Уже из названия этих глав (глава 1 «О богохулниках и о церковных мятежниках», глава 2 «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать», глава 4 «О подпичихех, и которые печати подделывают», глава 21 «О розбойных и о татиных делех» и др.) прослеживается вполне зрелое законодательное решение о классификации всех преступлений по объекту посягательства, что служит одной из необходимых предпосылок формирования полноценных институтов нормативных предписаний Особенной части уголовного права. В рамках соответствующих уголовно-правовых институтов намечается и тенденция к конструированию некоторых специальных предписаний, выполняющих особые, сквозные функции. Так, например, в главе 2 Уложения, описывающей составы особо опасных преступлений против безопасности государства, встречается компактное изложение предписаний, определяющих условия ответственности членов семьи «изменников» (ст. 6 –

---

¹ См.: Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Госиздат юрид. лит., 1957.

10); в главе 21 Уложения, содержащей описание общеуголовных преступлений и порядка следствия по ним, закрепляются предписания относительно множественности преступлений и ее уголовно-правовых последствий (ст. 9, 10, 12), относительно укрывательства преступников (ст. 19, 20, 59 – 65); в главе 22 Уложения – предписания об отсрочке исполнения смертной казни беременной женщине.

В Воинских Артикулах Петра Великого 1716 г.¹ также встречаются предписания, «выбивающиеся» из общей логики глав и устанавливающие некоторые специальные, детализированные правила. К примеру, в главе 1 «О страхе божии» толкование к артикулу 2 устанавливает правила посредственного причинения; в главе 3 «О команде, предпочтении и почитании вышних и нижних офицеров, и о послушании рядовых» толкование к артикулу 29 определяет правила исполнения приказа; в главе 18 «О зажигании, грабительстве и воровстве» в толковании к артикулу 131 содержатся предписания относительно смягчения наказания; в главе 19 «О смертном убийстве» сформулированы правила необходимой обороны (артикулы 156, 157).

Несложно заметить, и это, полагаем, является общей закономерностью развития права, что предписания, которые мы выделили и которые по своим признакам соотносимы с субинститутом права (направлены на дифференциацию ответственности, связаны с конкретным правовым институтом, отражают усложнение системы социальных отношений и правил их регулирования), по своему характеру относятся к положениям современной Общей части уголовного права. В этом проявляется внутренняя логика развития права: установив ответственность за отдельные виды преступлений, законодателю было необходимо предусмотреть некоторые детализированные, конкретизированные правила ответственности, которые, тем не менее, приобретали характер сквозного регулирования, обеспечивая

---

¹ См.: Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М.: Госиздат юрид. лит., 1961.

выполнение правом некоторых дополнительных функций. Такие предписания, генетически связанные с конкретным институтом и образующие по сути своей субинститут, стали в последующем «точкой притяжения» для иных, дополнительных предписаний аналогичного содержания и выступили основой для формирования в структуре отрасли уголовного права новых, самостоятельных уголовно-правовых институтов. Они же послужили основой и для последующего переформатирования системы уголовного права по пандектному принципу. По большому счету, вся Общая часть уголовного права являет собой институты, разросшиеся из некогда отдельных и разрозненных субинститутов Особенной части уголовного права.

Первым полноценным кодифицированным по пандектному принципу уголовно-правовым актом является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹ В нем в основном сохранен и развит опыт предшествующих нормативных (Свод законов 1832 г.) и теоретических (Проект Уголовного уложения 1813 г.) кодификаций: оформлена Общая часть, проведена рубрикация нормативного материала на разделы, главы, отделения. Хотя структура Уложения не была равномерной: разделы состояли из глав, главы иногда состояли из отделений (иногда – нет), а отделения могли состоять из подотделов. Учитывая это обстоятельство, а равно факультативный характер признака внешней обособленности для субинститута уголовного права, нет возможности жестко привязать ту или иную структурную единицу текста закона (например, отделение или подотделение) к субинституту права. Ориентируясь на содержательные характеристики исследуемого компонента структуры правового института, можно, пожалуй, признать в качестве субинститутов предписания, закрепленные в отделении 2 главы 2 раздела 1 «О вознаграждении за убытки, вред и обиды», предписания отделения 3 той же главы «Особенные

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. Второго Отдел. Собств. Его Императорск. Величества канцелярии, 1845.

наказания за преступления и проступки по службе». Могут рассматриваться в контексте субинститута предписания закона (не получившие внешнего обособления в тексте), которые определяют ответственность лиц неправославного вероисповедания за преступления против религии (ст. 201 – 204) или ответственность за недоносительство об оскорблении императора или повреждении его изображений (ст. 269), устанавливают правило о конфискации драгоценных металлов, ставших предметом преступлений (ст. 642) и др.

Подобного рода предписания, призванные отреагировать на усложняющуюся социально-нормативную структуру общества, требуют для своего формирования определенной стабильности в обществе, спокойного и вдумчивого осмысления и оценки всех нюансов правовой регламентации общественной жизни. Понятно, что в эпоху революционных потрясений ожидать их появления в системе права не приходилось. Поэтому в первых уголовно-правовых документах советской власти едва ли можно найти положения, претендующие на статус субинститутов. Да и в целом в первые годы существования нового советского государства уголовное право не имело единого систематизированного источника. Оно представляло собой, по обоснованному мнению исследователей, «непосредственно-революционное движение широких народных масс», «творящих революционное право». Отрасль в целом утратила черты формальной определенности, демонстрируя возрождение действия обычных норм, а порой и самосуда. Декреты советской власти в большей степени направляли это «революционное движение», пропагандируя идеи социализма, указывая на общие задачи борьбы с врагами революции¹.

Только по мере укрепления новой власти и возрождения интереса к централизованному уголовно-правовому регулированию, когда появляются уголовные кодексы 1922, а затем и 1926 года, можно говорить о возрождении

---

¹ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М.: Юрид. изд-во, 1948. С. 54–56.

системы отрасли уголовного права с присущими ей институтами, а следовательно, и пытаться обнаружить в них субинституциональные образования. Так, например, не иначе как субинститутом в структуре института преступления можно считать положения ст. 10 УК РСФСР 1922 г., устанавливающие возможность применения закона по аналогии, а субинститутом института наказания – предписания ст. 18 о неприменении наказания к лицам от 15 до 16 лет, «в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического характера»¹.

В УК РСФСР 1960 г.² процессы дифференциации и унификации правового регулирования, лишённые революционной стихийности и поставленные на научную основу, позволили сформировать в целом уже современную систему уголовного права, наполнив ее институтами, ряд из которых вполне может быть охарактеризован как сложные и имеющие в своем составе субинституциональный уровень. Полагаем, что есть основания признать субинститутом положения закона о недоносительстве (ст. 19 главы 3 «О преступлении» Общей части), о погашении судимости (ст. 57 главы 5 «О назначении наказания и об освобождении от наказания» Общей части), об ответственности за особо опасные государственные преступления против другого государства трудящихся (ст. 73 главы 1 «Государственные преступления» Особенной части), об ответственности за международные военные преступления (ст. 266 – 268 главы 12 «Воинские преступления» Особенной части).

Еще раз напомним: нами не ставилась задача представить на страницах работы историю зарождения и развития всех конкретных субинститутов уголовного права. Нам важнее показать на основе некоторых вполне репрезентативных данных и исторических иллюстраций общие

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР. 1922 // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 г.г. / под ред. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953.

² Уголовный кодекс РСФСР. 1960 // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик / отв. ред. Ф. И. Калинычев. В 2 т. Т. 1. М.: Госюриздат, 1963.

закономерности и тенденции их эволюции. Анализ свидетельствует, что они могут быть сведены к следующим положениям:

- зарождение субинститутов уголовного права требует относительно спокойного социального времени, достаточного для осмысления и оценки социальных отношений и потребностей в их правовом регулировании, в связи с чем на переломных этапах истории государства и права следует ожидать появления новых предписаний и институтов права, но никак не субинститутов, предназначенных для «тонкой настройки» системы правового регулирования;

- исторически первыми субинституциональными образованиями в системе уголовного права следует считать нормативные предписания, сложившиеся в рамках предметных правоохранительных институтов и предназначенные для «сквозного» регулирования отдельных сторон или аспектов этих отношений, которым законодатель со временем придал общее значение, взяв за основу формирования институтов Общей части уголовного права;

- субинституты институтов Общей и Особенной частей уголовного права всегда возникали и возникают как сознательная, управляемая политико-правовая реакция на усложнение системы социальных взаимосвязей, появление новых целей общественного развития, утверждения новых общественных и правовых ценностей; тем самым они выполняют важную функцию адаптации системы права к динамично меняющимся условиям внешней социальной среды, позволяют «опробовать» стандартные уголовно-правовые средства на новых социальных объектах либо применить к известным объектам новые уголовно-правовые методы;

- адаптивные функции в системе права выполняются преимущественно посредством субинститутов, что позволяет не менять принципиально структуру права и номенклатуру его институтов, гарантируя тем самым стабильность и устойчивость уголовно-правового регулирования; при этом успешность и перспективность предлагаемого субинститутом режима

регулирования может способствовать его эволюции в сторону полноценного уголовно-правового института, тогда как бесперспективность или отпадение вызвавших его появление условий – к отмиранию субинститута без повреждения системы институтов уголовного права.

Глава 2. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1. Понятие и признаки субинститута уголовного права

Субинститут уголовного права выступает возможным элементом структуры уголовно-правового института, возникает и развивается внутри него как специфическая ассоциация правовых предписаний. Этот тезис, установленный в предшествующем изложении, нуждается в дополнительной конкретизации с целью выявления конститутивных признаков субинститута, позволяющих его идентифицировать и отличить от любой иной правовой ассоциации.

В отечественной литературе вопрос о критериях выделения той или иной совокупности предписаний в качестве субинститута права однозначно не решен, и в этом отношении он является отражением и продолжением общей проблемы институционального строения уголовного права и критериев выделения уголовно-правовых институтов.

В самом общем приближении надо, по-видимому, сказать, что поскольку субинститут есть часть правового института, критерии его обособления не могут быть качественно по своей правовой природе иными, нежели критерии выделения отраслевых институтов. Они расположены в единой плоскости. Однако и совпадать в содержательном отношении они тоже не могут, иначе вопрос об отграничении института от субинститута будет лишен смысла.

Это обстоятельство прекрасно осознается представителями правовой доктрины. Обзор научных источников по теме показывает, что на роль критериев выделения субинститутов предлагаются в целом те же маркеры, что и для обособления правовых институтов в структуре отрасли. Вместе с тем разнообразие высказанных суждений по рассматриваемому вопросу столь велико, что позволяет провести их типологизацию. Этот прием

научного познания позволяет глубже проникнуть в суть проблемы и представить ее во всем многообразии предлагаемых решений.

Первый из выделенных нами подходов, условно его можно назвать пропорциональным, отражен в позиции Л. А. Морозовой, которая указывает, что подинституты отличаются от правового института «объемом регулирования и кругом норм права»¹.

Такое решение, на первый взгляд, вполне логично и, в принципе, не является исключительным. Однако оно акцентирует внимание лишь на количественных, внешних показателях субинститута и не дает возможности понять его качественные отличия от института права.

Это создает повод для дополнительной критики. Во-первых, показатель «круга норм» является крайне неопределенным в числовом измерении и не позволяет отличить субинститут от простого института, с одной стороны, и институт права от ассоциации правовых институтов, с другой. Во-вторых, критерий «объема регулирования» также не вполне удачен. Даже если не принимать во внимание известную научную позицию о том, что по объему правовое регулирование подразделяется на нормативное и индивидуальное² (очевидно, что она здесь неприемлема для понимания авторского контекста фразы «объем регулирования»), приходится признать, что объем (в смысле масштаб, пределы) регулирования субинститута и института права в определенных случаях могут совпадать.

Таким образом, предложенные Л. А. Морозовой критерии субинститута не вполне удовлетворительны. Гораздо более широкое распространение и признание в науке получила иная парадигма, в рамках которой критерии выделения субинститутов связываются не с количественными показателями масштаба правового регулирования, а с его

---

¹ Морозова Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 201–202.

² Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник. Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. С. 537–538.

содержательными и функциональными особенностями. Однако и здесь нет единства мнений специалистов.

Самостоятельный (второй в рамках нашей типологии) подход связан с аналитическими исследованиями А. В. Денисовой. Она считает, что «институты права регулируют определенные подвиды общественных отношений, относящихся к предмету отраслевого регулирования, а субинституты выполняют *«альтернативные» регулятивные функции* (курсив наш – С. У.), они отражают ту или иную специфику внутри соответствующего подвида уголовно-правовых отношений, следовательно, они существуют в рамках тех или иных институтов права, входят в их содержание»¹.

Исходя из этих суждений можно установить, что критерий выделения субинститута видится их автору в особенностях функций соответствующей группы нормативных предписаний: если перед нами альтернативный, побочный алгоритм регулирования, то мы имеем дело с субинститутом, если же в законе представлена единственная система воздействия на общественные отношения, без побочных ветвей, то это институт либо иная совокупность юридических норм. В данном случае маркером субинститута выступает теоретическая, гипотетическая возможность его беспробельного исключения из института. В этом случае общественные отношения продолжают регулироваться основными нормами института без альтернативной ветви.

Эта весьма интересная и привлекающая внимание позиция вполне логична, но, на наш взгляд, также небезупречна. Если сводить роль субинститутов только к созданию альтернативы правового регулирования, то есть, по сути, приписывать им лишь единственную функцию дифференциации правового воздействия, то, во-первых, значительно обедняется сама теория субинститутов, которым отказывается в праве на

---

¹ Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 184–185.

существование субинститутов предметного содержания, а во-вторых, возникает риск сведения к субинститутам всех самостоятельных функциональных институтов права. Очевидно, например, что самостоятельный институт освобождения от уголовной ответственности создает альтернативу правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с фактом совершения преступлений определенной категориальной принадлежности. Очевидно также, что соответствующие предписания волей законодателя вполне могут быть исключены из уголовного закона. Сказанное относится к предписаниям об ответственности несовершеннолетних и к положениям закона об амнистии или помиловании. В каждом случае перед нами определенный альтернативный вариант уголовно-правового регулирования. Однако едва ли можно утверждать, что это субинститут уголовного права, учитывая масштабы, характер регулирования, а равно способ отражения соответствующей группы правовых предписаний в структуре уголовного закона.

В рамках рассматриваемого подхода можно указать еще одну позицию, высказанную И. В. Ореховым. Он утверждает, что «институт права, содержащий субинституты, должен регулировать некоторые общие (для одного или нескольких в зависимости от состава института) положения, в то время как субинституту отведена роль регулятора некой особой специфики в рамках института»¹. Здесь, как видим, функциональное различие института и субинститута проводится по иному критерию, отличному от предложенного А. В. Денисовой: субинститут содержит специфические положения, а институт – общие. При том, что субинститут действительно специфичен и подчинен общим положениям правового института, едва ли предложенный критерий градации верен. Правовой институт не содержит только «общие положения», он вполне насыщен и положениями «конкретными». Иначе он будет лишен своего предназначения –

---

¹ Орехов И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 52.

регулировать общественные отношения. Сведение содержания правового института лишь к общим установлениям приводит к необходимости признания любого института сложным, состоящим из подинститутов, но самое главное – не позволяет отличить общие положения, образующие, по мысли И. В. Орехова, институт права, от принципов правового института.

Таким образом, и этот подход (функциональный) не может быть признан в полной мере удовлетворительным (в любой из его вариаций). Однако он все же ближе к подлинным критериям формирования субинститута, так как связывает их с содержательной спецификой правового регулирования.

Именно в этом русле развивается третий в рамках нашей типологии подход к пониманию критериев обособления субинститутов (условно назовем его «предметно-методический»). Он усматривает природное тождество критериев субинститутов с критериями отраслевого деления права. При этом здесь традиционно представлено две подгруппы мнений, генетически восходящих к общей дискуссии о критериях выделения отраслей внутри системы права и усматривающих их в предмете и методе правового регулирования.

Согласно одному из них, при разграничении институтов и субинститутов нужно пользоваться «не предметом, важным для обоснования подотрасли, но не обеспечивающим нужного эффекта в данном случае, ибо предмет у института и субинститута единый, а методом регулирования»¹. Эта позиция коррелирует с мнением известных отраслевых специалистов о том, что «выделение каждой конкретной отрасли связано, как правило, не с существованием определенного вида общественных отношений, а лишь с какой-то одной или несколькими сторонами, проявлениями системы общественных отношений или ее отдельных элементов... Поэтому отрасли права отличаются именно по правовым признакам, методу регулирования,

---

¹ Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Иоффе О. С. Избранные труды. Т. 4. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 101.

принципам и функциям права, механизму правового регулирования, т.е. отраслевым юридическим режимом»¹.

Согласно другому, наиболее распространенному мнению, под правовым субинститутом понимают совокупность правовых норм, регулирующих определенные особенности, специфику видовых общественных отношений². Акцент здесь делается не на методе, а на предмете регулирования. «Субинститут, – пишут теоретики права, – можно определить как упорядоченную совокупность юридических норм, регулирующих конкретную разновидность общественных отношений, находящихся в рамках определенного института права»³. Институт права регулирует определенный вид общественных отношений, а субинститут – определенную специфику видовых отношений⁴.

Опрос специалистов в целом подтверждает значимость и популярность указанных методологических подходов. На вопрос о критериях обособления уголовно-правового субинститута были даны следующие ответы: предмет правового регулирования – 51%; метод правового регулирования – 3%; предмет и метод правового регулирования – 31%; функции правового регулирования – 4% (ответ «ничего из предложенного» выбрали 11%).

Дискуссия о критериях отраслевого деления права, которая лежит в основе рассматриваемого подхода к выделению критериев институтов и субинститутов внутри отрасли, находится за пределами предмета нашего непосредственного анализа⁵. Однако представляется, что ее развитие в конечном итоге привело к формированию общепризнанной и компромиссной позиции, согласно которой отрасли права выделяются в системе права на

---

¹ Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989. С. 33.

² См.: Киримова Е. А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 13.

³ Шабуров А. С., Жайкбаев Ж. С. Теория государства и права: учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 199.

⁴ Орехов И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 51.

⁵ Генезис и содержание этой дискуссии см., например: Азми Д. М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 годы). М.: Юркомпани, 2009.

основе специфики и предмета и метода правового регулирования¹. При этом сложилось опять-таки общее представление о том, что предмет – некоторая группа общественных отношений, а метод – определенная конфигурация приемов и средств их регулирования. С точки зрения того, что и предмет, и метод включают в себя некоторое множество (отношений и приемов), градация этого множества на компоненты, в принципе, может соответствовать определенному набору нормативных предписаний, регулирующих единицу этого множества.

Но здесь не все так однозначно. Если признать, что метод уголовно-правового регулирования есть специфическая конфигурация известных приемов и средств правового регулирования², возникнет закономерный вопрос о том, возможно ли признать субинститутом или институтом нормативные предписания, воплощающие лишь один из приемов регулирования, и не утратится ли при таком «расчленении» специфика самого уголовно-правового метода. Если исходить из распространенной позиции, что в предмет уголовного права включается три группы отношений: охранительные, предупредительные и регулятивные³, вопрос будет состоять в том, делятся ли институты и субинституты в зависимости от этих типов отношений или нет. Причем вопрос этот не будет «снят» и в ситуации, если предметом уголовного права признавать только одну группу отношений – охранительных. Это убедительно продемонстрировал в своих рассуждениях Н. В. Сильченко: «Максимальное количество таксономических единиц, на которые возможно разделить общественные отношения, имеющие «правовую природу» и образующие их самостоятельный тип... – пять: род, вид, подвид, отношение, социальная связь, а максимальное количество структурных единиц, из которых складывается в принципе совпадающая по

---

¹ См.: Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. С. 225

² См. об этом: Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. С. 231, 241–242.

³ См. об этом: Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е, изд. перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 12.

своему объему с типом регулируемых общественных отношений вся отраслевая структура права – шесть: отрасль, подотрасль, институт, подинститут, норма права, правовое веление. Если даже посчитать ненужными (необоснованными с позиций системно-структурного анализа) и выбросить из этих сопоставляемых рядов конкретную, с одной стороны, социальную связь – проявление общественного отношения, а, с другой стороны, – правовое веление, то несоответствие все равно сохранится. Строгая зависимость наблюдается только на макро- и микроуровнях, а именно: конкретной социальной связи соответствует правовое веление, содержащееся в норме права, а отрасли права в целом – род общественных отношений»¹.

Таким образом, строго на основе предмета или метода в их изолированном восприятии провести внутриотраслевое деление уголовного права представляется весьма затруднительным, тем более невозможно выделить в структуре института субинститут. Любые попытки такого обособления будут выглядеть крайне умозрительными, неоправданно обобщенными и теоретизированными.

По этой причине, не отказываясь от парадигмы «предмет и метод», необходимо ввести некоторые дополнительные факторы, уточняющие наши представления о критериях обособления субинститутов. Теоретическими предпосылками к этому могут служить два разработанных в науке положения.

Первое состоит в том, что отрасли права, в том числе и отрасль уголовного права, выделяются не просто на основе предмета и метода правового регулирования, но с учетом целого ряда иных правовых факторов: целей, задач, принципов, общих положений и понятий, юридических средств регулирования, используемых правовых конструкций, заинтересованности

---

¹ Сильченко Н. В. О критериях отраслей права // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 13. Минск: БГУ, 2002. С. 57–59.

государства в развернутом регулировании некоторой группы отношений особым образом¹.

Второе заключается в том, что значимым критерием обособления институтов в структуре отрасли уголовного права выступают не просто регулируемые отношения, а их специфика, порождаемая особенностями юридического факта правоотношения. «Специфика юридического факта в уголовном праве, – замечает при этом М. С. Жук, – определяется социально-криминологическими особенностями поведения людей (видом совершаемого преступления, степенью завершенности преступления, количеством совершенных криминальных поступков и т.д.) и типовыми особенностями личности, совершившей преступление (возрастом, полом, состоянием здоровья и т.д.). Эта специфика накладывает свой отпечаток на содержание уголовно-правовых отношений, которые требуют соответственно особой правовой регламентации на уровне института уголовного права»².

Отталкиваясь от этих суждений, можно предложить собственное, уточненное понимание критериев формирования субинститутов уголовного права. Если отрасль уголовного права формирует специфический правовой режим регулирования отношений, вызванных фактом совершения преступления, а институт уголовного права формируется исходя из особенностей уголовно-правовых отношений, которые восходят к специфике породившего их юридического факта, то *субинститут предполагает поиск либо видового своеобразия этого юридического факта, либо видового своеобразия используемых приемов и средств регулирования уголовного правоотношения.*

С этой точки зрения, например, на статус субинститута уголовно-правового института ответственности за хищения может претендовать нормативное предписание, устанавливающее ответственность за повторное мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ), определяющее наказание за особую

---

¹ Азми Д. М. Об основаниях выделения отраслей права // Адвокат. 2010. № 7. С. 5–10.

² Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 95.

разновидность хищений; а в институте уголовной ответственности несовершеннолетних на статус субинститута могут претендовать предписания, определяющие основания и особенности применения такой меры, как принудительные меры воспитательного воздействия.

Определившись с базовым критерием обособления в структуре института уголовного права отдельного субинститута, можно перейти к исследованию вопроса об основных признаках исследуемого структурного образования.

На первый взгляд, вопрос этот не представляет особой сложности. Поскольку субинститут есть компонент уголовно-правового института, он должен обладать всеми признаками института уголовного права как такового. Однако эта общая формула нуждается в развернутом дополнительном анализе.

Прежде всего, для формирования понятия субинститута и обозначения его признаков с формально-логической точки зрения представляется важным уяснить, является ли соотношение института и субинститута отражением целого и части, вида и рода, общего и особенного¹. Линейно и однозначно ответить на этот вопрос сложно.

Дело в том, что если рассматривать соотношение анализируемых феноменов с точки зрения структуры реального правового института, то субинститут есть всего лишь часть института как целого. При этом целое («институт»), как известно, может существовать без какой-либо части («субинститута») или может быть дополнено новой частью, приобретающей характеристики целого, но часть без целого или не существует вовсе, или не сохраняет свои функциональные характеристики. Перечисление и описание нескольких или всех частей целого («субинститутов») позволяет сформировать вполне достаточное, но не полное представление о целом

---

¹ О соотношении этих логических категорий в праве см., например: Батюшкина М. В. О выражении юридическими терминами отношений род – вид и целое – часть // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2020. Т. 22, № 4. С. 1050– 1060; Васильев А. А., Маньковский И. Ю., Куликов Е. А. Категории общего, особенного и единичного в праве: аспекты общей теории // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 3–9.

(«институте»), поскольку целое обладает некоторыми эмерджентными свойствами, которых нет у частей целого.

Если смотреть на институт и субинститут с логической точки зрения и соотношения их не как явлений, а как понятий, то, следуя логике отраслевого строения права и наличия корреляции между элементами структуры отрасли и предметом правового регулирования, соотношение между искомыми понятиями укладывается в тип родо-видовых отношений, при котором видовые отношения, регулируемые субинститутом, выступают вариацией родовых отношений, упорядоченных институтом права. В таком случае субинститут есть подчиненное понятие по отношению к понятию института. Объем понятий совпадает частично таким образом, что имеются элементы, входящие в объем только подчиняющего понятия («предписания, образующие институт», например, принципы или общие положения института), а также элементы, входящие в объем первого и второго понятия («предписания, образующие субинститут»), но нет таких элементов, которые входили бы только в объем второго понятия, не образуя при этом объема первого понятия («предписания, образующие субинститут и не принадлежащие институту»).

Наконец, с позиций функциональной характеристики субинститут и институт укладываются в логику соотношения особенного и общего. В диалектическом восприятии ни общее («институт»), ни особенное («субинститут») не обладают самостоятельным существованием, не существуют «как таковые», они существуют лишь в отдельном («конкретном регулировании правоотношения»), в виде сторон, моментов этого отдельного. Всякое отдельное («конкретное урегулированное отношение») представляет собой единство противоположностей, оно в одно и то же время и единичное, и общее. Через свои неповторимые черты, свойства оно выступает как единичное, но через стороны, повторяющиеся в других материальных образованиях, оно выступает как общее.

Это реальное многообразие отношений между субинститутом и институтом права необходимо в обязательном порядке учитывать при формировании понятия субинститута.

В специальной литературе нам встретилась едва ли не единственная попытка представить признаки правового субинститута. Ее автор, И. В. Орехов, к числу таковых относит следующие положения:

«Во-первых, субинститут – это совокупность норм права. Именно правовых, а не социальных, норм морали или еще каких-либо.

Во-вторых, субинститут – это элемент системы права. Он должен обладать свойствами элемента, находиться во взаимосвязи с другими структурными подразделениями системы.

В-третьих, субинститут – это некая совокупность норм. То есть в рамках этой правовой категории могут размещаться несколько норм, взаимодействие которых между собой должно быть отлажено...

В-четвертых, субинститут – это обособленное объединение правовых норм., должна быть возможность отграничить его от других правовых категорий.

В-пятых, должна присутствовать специфика в общественных отношениях, регулируемых конкретным субинститутом права. То есть появление субинститутов не должно происходить спонтанно и оторванно от общественных и правовых реалий.

В-шестых, субинститут должен функционировать в рамках определенного правового института, что позволяет ему выполнять свою непосредственную функцию по урегулированию аспектов общественных отношений.

В-седьмых, субинститут призван более детально урегулировать общественные отношения, т.е. затронуть те моменты, которые в рамках правового института не рассмотрены либо рассмотрены в общем виде»¹.

---

¹ Орехов И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 52–53.

Критическая оценка этих тезисов с позиции установленных выше логических коннотаций может стать «отправной точкой» для построения собственного понимания признаков субинститута уголовного права.

1. Родо-видовое отношение института и субинститута уголовного права предполагает с необходимостью, что природа явлений, которые их составляют, должна быть идентичной. В нашем случае – правовая или нормативная. Это положение является не просто теоретической идеей, но и имеет официальное признание в виде мнения Конституционного Суда РФ, высказанного, в частности, в отношении института амнистии, который должен иметь «единую нормативно-правовую основу»¹.

В связи с этим следует обратить внимание на несколько важных моментов.

Прежде всего, стоит согласиться с И. В. Ореховым в том, что в субинститут права не могут входить моральные или иные социальные, но не правовые регуляторы. Это положение отражает общий взгляд на понятие права, соотношение в нем властных предписаний и моральных установлений, дискуссия по поводу которого не прекращается много лет и особенно актуализировалась в связи с дебатами Харта и Дворкина². Не имея цели и возможности включиться в эту дискуссию и полагая вслед за В. Д. Зорькиным, что между правом и моралью не должно быть пропасти, что «нельзя, игнорируя ценностные и морально-этические установки подавляющего социального большинства, навязывать законодательную нормативность, отрицающую или ставящую под сомнение базовые ценности общего блага, важнейшей из которых является само право»³, отметим все же, что моральное обоснование уголовно-правовых норм и правовой характер

¹ По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.

² См. об этом, например: Чудин-Курган Ф. О. Проблема императивной природы правовых норм в контексте дискуссии Герберта Харта и Рональда Дворкина // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 60–68; Коваль С. В. История и основы критики правового позитивизма Г. Л. А. Харта в философии права Р. Дворкина // Философские науки. 2019. № 62 (7). С. 124–142.

³ Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 27.

содержания институтов и субинститутов уголовного права – различные аспекты теории права. Право не должно противоречить морали, но нормы морали сами по себе не являются частью права; если же то или иное моральное установление закрепляется в законе, оно утрачивает свою природную связь со сферой морали и становится частью именно системы права.

Эти рассуждения особенно важны в связи с неочевидной природой принципов уголовного права, многие из которых (гуманизм, справедливость, равенство) имеют генетические связи с моралью общества. Однако стоит помнить, что каким бы ни было происхождение этих принципов, сегодня они получили статус законодательного положения. В этом отношении они вполне могут рассматриваться как форма права или правовой регулятор, а само право (в том числе и уголовное) восприниматься как единство норм и принципов¹.

В специальной литературе этот аспект проблемы не обойден вниманием. В частности, М. С. Жук считает, что уголовно-правовой институт являет собой единство правовых предписаний и правовых принципов². Соглашаясь с такой трактовкой, важно подчеркнуть, что принципы уголовно-правовых институтов чаще всего (практически всегда) не имеют нормативной формы выражения и являются результатом либо доктринального, либо официального (чаще – судебно-конституционного) толкования самого уголовно-правового института или результатом конкретизации более общих уголовно-правовых или конституционных принципов регулирования взаимоотношений между государством и личностью в уголовно-правовой сфере. В связи с этим подход к включению принципов в структуру уголовно-правового института должен быть, как минимум, осторожным. В любом случае частью уголовно-правового

---

¹ Ершов В. В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5–15; Ершов В. В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1 (81). С. 24–31.

² Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 13, 108–111.

института как элемента системы права не могут быть доктринальные идеи, сколь бы правильными или важными они ни были.

И еще. Принципы – всегда есть положения обобщенного, более или менее абстрактного характера. Их содержательное уточнение должно иметь и имеет пределы, за которыми принципы становятся «простыми» правовыми предписаниями. По этой причине, не возражая против обоснованной в науке идеи наличия принципов правовых (и уголовно-правовых) институтов¹, полагаем возможным решительно не согласиться с идеей существования принципов субинститутов права². Обособление таковых неоправданно занижает статус принципов, ограничивая сферу их приложения.

Субинституты уголовного права не имеют собственных принципов, но всецело подчинены принципам соответствующего уголовно-правового института и уголовно-правовым принципам; направлены на адекватное, наилучшее воплощение их требований. Именно единство принципов всех образующих уголовно-правовой институт предписаний обеспечивает их цельность и неделимость правового института. Детализация принципов уголовно-правового института и формулировка на этой основе принципов уголовно-правового субинститута фактически будет означать либо попытку повысить статус субинститута до уровня полноценного уголовно-правового института, либо приведет к конструированию некоторых положений, не отличимых по своему содержанию от обычной правовой нормы.

Таким образом, единство природы субинститута и института уголовного права необходимо понимать таким образом, что оба они являются нормативными образованиями с той принципиальной оговоркой, что институт (как родовое понятие) включает в свое содержание нормативные предписания и принципы, а субинститут – только нормативные предписания, подчиненные принципам уголовно-правового института.

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 126.

² Мазаев В. Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности: Учебное пособие. М.: Институт права и публичной политики, 2004. С. 55–57.

Нормативный характер субинститута заставляет упомянуть еще один аспект проблемы. Он достаточно известный и являет образец «старой» дискуссии относительно элементного состава отрасли уголовного права, в которой часть специалистов видит начальным элементом правовые нормы, а другая – нормативные предписания. Наиболее распространенным в науке является подход, согласно которому уголовное право в структурном отношении состоит из уголовно-правовых норм. При этом под уголовно-правовой нормой, например, В. Д. Филимоновым предложено понимать «общеобязательное правило социального поведения, установленное государством, выраженное в уголовном законе и охраняемое органом государства путем контроля за его соблюдением и применения наказания или иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений»¹.

В то же время общая теория права предлагает разнообразные по количеству и набору элементов концепции структуры права. Классической считается модель основателя отечественной правовой структурологии С. С. Алексеева, предлагающая двухслойную дифференциацию, где первый слой – главный – базируется на структуре закона и включает нормативные предписания и институты, которые могут дополняться субинститутами, подотраслями, ассоциациями норм и объединениями институтов; а второй – идеальный – основывается на логических нормах и правовых конструкциях².

«Норма-предписание, – писал С. С. Алексеев, – это элементарное, логически завершенное государственно-властное нормативное веление (установление), непосредственно выраженное в тексте нормативного юридического акта». Она выступает «первичным подразделением, живой клеточкой права как институционального образования». В то же время «логическая норма – это выявляемое логическим путем общее правило, которое воплощает органические связи между нормативными предписаниями

---

¹ Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 13.

² Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 23–24, 30–32.

и обладает полным набором свойств, раскрывающих их государственно-властную, регулятивную природу»¹.

Этот дуализм в понимании структуры права специфическим образом понимается в отраслевых уголовно-правовых исследованиях.

Применительно к проблематике институтов уголовного права отдельные авторы полагают, что он складывается из уголовно-правовых норм². Другие настаивают, что из уголовно-правовых предписаний³. Третьи отмечают, что не только цельные (полные) уголовно-правовые нормы образуют правовой институт, но и повторяемые в них правовые предписания⁴. Эти позиции в полной мере могут быть экстраполированы и на понимание нормативного содержания субинститута уголовного права.

Представляется, что приведенная дискуссия не имеет сколько-нибудь серьезного содержательного значения для раскрытия нашей темы, а позиции участников различаются методологическим подходом к пониманию самой уголовно-правовой нормы и к вопросу о соотношении права и закона. В связи с этим без дополнительных комментариев и пояснений позволим себе согласиться с концепцией, в рамках которой правовое предписание воспринимается как выраженное в законе и закрепленное в статье или части статьи УК РФ официальное веление власти. И именно эти веления в той или иной совокупности следует рассматривать как институт или субинститут уголовного права. В дальнейшем изложении нормативное содержание уголовно-правового субинститута будет пониматься нами исключительно как уголовно-правовые предписания⁵.

---

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. С. 39, 42.

² Тенчов Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 61.

³ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр пресс, 2002. С. 164.

⁴ См.: Кленова Т. В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. М.: Проспект, 2007. С. 185–187.

⁵ Именно в русле этой концепции развивается учение о системе права в рамках научной школы В. П. Коняхина. См., например: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр пресс, 2002. С. 176–184; Мясников А. А. Институт смягчения

Таким образом, с точки зрения родо-видового соотношения субинститута и института уголовного права субинститут представляет собой исключительно правовое образование, определенный класс нормативных уголовно-правовых по своему содержанию предписаний, входящих в «материнский» правовой институт и подчиненных его принципам.

2. Следующий шаг в познании признаков уголовно-правового субинститута дает анализ его соотношения с институтом по линии «часть – целое». Именно здесь исследование позволяет высказать наиболее существенные упреки в адрес концепции И. В. Орехова.

Во-первых, субинститут не может рассматриваться напрямую как элемент системы права, о чем мы уже отмечали. Он есть элемент правового института, который и выступает частью отрасли как системы. Под системой чаще всего понимают нечто целое, состоящее из взаимосвязанных в соответствии с определенными закономерностями частей. Причем части эти выделяются по определенным признакам и имеют строго упорядоченный характер взаимодействия. Помещение субинститута в линейный ряд структурных элементов отрасли нарушает субординационные связи в структуре отрасли. Взаимодействие субинститута как «части части» с отраслью как «целым» не может быть прямым, оно всегда опосредуется через правовой институт. К примеру, субинститут выдачи лиц, совершивших преступление (ст. 13 УК РФ), не может взаимодействовать с иными институтами уголовного права, минуя «материнский» институт действия уголовного закона в пространстве.

Во-вторых, нельзя согласиться с категорическим утверждением о том, что субинститут всегда есть совокупность, то есть множество нормативных предписаний. В одной из своих работ И. В. Орехов пишет: «Субинститут – это объединение норм права. Следовательно, для них он выступает некой

наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 7; Жук М. С. Институты уголовного права: внутреннее строение и элементный состав // Современное право. М. 2013. № 3. С. 8–16; Асланян Р. Г. Понятие и содержание нормативного предписания Особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 82–90.

оболочкой и связующим элементом. В рамках своей категории организует некую иерархию для входящих в него норм. Таким образом появляются некие субординационные отношения. При взаимодействии с нормами субинститут выступает властной стороной таких отношений, но по отношению к институтам права субинституты занимают противоположную сторону»¹. Такой подход может иметь право на существование, только если согласиться с оспоренным выше линейным строением отрасли права. В этом случае правовое предписание, если оно претендует на статус субинститута, действительно должно иметь ассоциации с иными предписаниями аналогичного ранга и свойства, и только объединившись, через субинститут, они могут войти в отрасль структурным компонентом. Но здесь небезупречна исходная посылка. Субинститут возникает не из норм, он возникает из института. И в этой связи выражающие субинститут уголовно-правовые предписания вполне могут быть единичными.

В-третьих, отсюда логично вытекает и необязательность такого признака субинститута уголовного права, как обособленность объединения в структуре нормативного акта. Структура закона во многом определяет представления о структуре права. Отсюда при рассмотрении элементного состава структуры права необходим анализ структурных элементов закона, его рубрикация, разбиение на главы и иные подразделения, их компоновка и взаиморасположение. Для отечественного уголовного права, лишенного в соответствии с волей законодателя правовых обычаев, аналогии права и судебного прецедента в качестве источников, данный аспект является определяющим². По обоснованному мнению В. П. Коняхина, в этом случае «можно говорить о существенном совпадении структуры системы

---

¹ Орехов И. В. Взаимодействие субинститута права с другими элементами системы права Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 7–8 (48). С. 70.

² В науке существует мнение, что уголовно-правовые предписания выражены не только в тексте уголовного закона, но и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в силу чего положения данных документов признаются формой выражения предписаний, образующих уголовно-правовые институты (см.: Жук М. С. Форма выражения института уголовного права // Общество и право. 2010. № 1(28). С. 140–145). Однако, по нашему представлению, постановления Пленума Верховного Суда РФ – это акты не правотворческого, а правотолковательного характера, а потому выражают не правовые предписания, а официальное, обязательное для правоприменителя судебное толкование этих предписаний.

уголовного права и структуры системы уголовного законодательства как о допустимом методологическом правиле»¹. Отталкиваясь от этой теоретической посылки, надо признать, что главы УК РФ, выражающие уголовно-правовые институты или объединения уголовно-правовых институтов, лишены внутреннего деления на более мелкие композиционные единицы текста. В силу этого говорить об обособлении уголовно-правовых субинститутов, к примеру, на уровне отделений той или иной главы закона не приходится. По меньшей мере, в настоящий момент. В целом же или в перспективе не исключено композиционное обособление субинститутов в структуре текста уголовного закона. Уголовное право, будучи более консервативным, чем иные отрасли, замкнутое в рамках одного нормативно-правового акта, долгое время не нуждалось в расширенной номенклатуре структурных элементов отрасли и самого закона. Классическая триада «норма – институт – отрасль» удовлетворяла всем потребностям в исследовании структурных особенностей отрасли и находила прямое выражение в корреспондирующей триаде «статья – глава – кодекс». С развитием же субинститутов права можно ожидать появления усложненной структуры нормативно-правового акта. Как верно пишет Д. Е. Петров, «структуру нормативного акта необходимо тщательно продумывать и согласовывать с реальной структурой той или иной отрасли права, подотрасли, институтов и субинститутов. Деление нормативного правового акта на части, разделы, главы, статьи, пункты и тому подобное в своей основе должно учитывать объективно существующие закономерности либо дифференциации самого права и его структурных элементов, либо интеграции, объединения структурных компонентов содержания права»².

Таким образом, анализ соотношения субинститута и института уголовного права с позиций взаимосвязи части и целого позволяет говорить о

---

¹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 133.

² Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов 2015. С. 370.

том, что субинститут есть всегда часть уголовно-правового института, представляющая собой одно или несколько уголовно-правовых предписаний, не обязательно, но потенциально возможно выраженных в обособленной части текста уголовного закона.

3. Наконец, один из важнейших аспектов раскрытия признаков субинститута уголовного права требует анализа их соотношения с институтом в контексте логики понятий «общее – особенное».

Особенное, как известно, должно обладать признаками общего, а через него и всеобщего и иметь к тому же некоторые специфические характеристики, позволяющие отличить это особенное от всего класса явлений, образующих общее.

Следуя этой истине, надо признать, что субинститут уголовного права должен обладать общими признаками института (то есть иметь нормативную природу, быть образованным из однопорядковых правовых предписаний, регулировать уголовно-правовые отношения, выступающие предметом регулирования института, быть выраженным в уголовном законе). В данном случае важно обратить внимание на два момента.

Во-первых, именно единство предмета правового регулирования института и субинститута является наиболее значимым совпадающим признаком «общего» и «особенного». Такое совпадение показывает «родство» и «единство» правовых норм, а равно указывает на тот факт, что подинститут принадлежит именно этому, а не какому иному институту уголовного права. Не требует в этом отношении доказательств простой тезис о том, что подинститут мер воспитательного воздействия по определению не может принадлежать институту норм об ответственности за хищения ввиду качественных различий предмета правового регулирования. Хотя и институт хищений, и субинститут мер воспитательного воздействия обладают признаками всеобщего, будучи нормативными предписаниями именно уголовного, а не иного права.

Во-вторых, институт и субинститут образуют однопорядковые предписания. Как отмечал еще С. С. Алексеев, «в отличие от ассоциации норм (где, по существу, имеется одна генеральная норма с сопровождающими ее конкретизирующими предписаниями) в институт входят несколько однопорядковых положений»¹. И если субинститут есть часть института, логично, что субинститут не может быть образован предписаниями, не отвечающими требованиям основных норм. Это не может быть исключительно набор вариативных или конкретизирующих предписаний, ассоциированных с какой-либо одной нормой правового института. В связи с этим М. С. Жук отмечает, что «ассоциация нормативных предписаний в уголовном праве может быть проиллюстрирована практически любой статьей Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления с основным и квалифицированным составом. Здесь первая часть статьи, описывающая признаки основного состава, будет представлять собой основное (главное) нормативное предписание, а те ее части, которые описывают квалифицирующие признаки, – конкретизирующие это предписание вариативные положения. В итоге перед нами ассоциация нормативных предписаний. Назвать ее правовым институтом нельзя именно в силу того, что в рассматриваемой группировке главным выступает только одно предписание»². Равным образом, нельзя любую статью уголовного закона саму по себе воспринимать в качестве субинститута. Не образуют группы взаимосвязанных предписаний об ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и т.д. субинституты института хищения по той причине, что они исчерпывают собой весь набор предписаний закона об ответственности за хищения. «Расчленение» института на такие «субинституты» происходит без остатка, в силу чего на долю института ничего не остается физически. Институт не может состоять только из субинститутов. Нельзя воспринимать в качестве

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 124.

² Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 119.

субинститута и набор квалифицирующих признаков за кражу, мошенничество и т.д., поскольку эти дифференцирующие предписания относятся только к одному главному, основному предписанию, но не к институту в целом. Таким образом, субинститут могут образовывать лишь такие предписания, которые по своему статусу равны всем остальным предписаниям, входящим в институт права, то есть являются основными.

При таком подходе особое значение приобретает поиск того «особенного», что присуще основным предписаниям, входящим в уголовно-правовой институт и регулирующим его предмет, но что позволяет обособить эти предписания в качестве субинститута.

Обращаясь к структуре уголовно-правового института, М. С. Жук в качестве его компонентов выделял: 1) ядро института – несколько генеральных нормативных предписаний регулятивного или охранительного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного основного и одного или нескольких конкретизирующих (детализирующих или вариативных) предписаний; 2) необходимое дополнение – специализированные предписания общего характера: общие, декларативные, дефинитивные; 3) возможное дополнение – специализированные предписания специального типа: оперативные, коллизионные¹.

Эта схема может быть весьма полезной в наших рассуждениях. Не оспаривая ее по существу, заметим, что три подгруппы предписаний, выделенных автором, выполняют в структуре института различные функции: некоторые предписания являются «рабочими» (предписания регулятивного или охранительного характера), другие – «обслуживающими» (общие и специализированные предписания).

Полагаем, что на роль субинститута уголовного права не могут претендовать те части правового института, которые в этой градации относятся к числу основных. Они – неотъемлемая часть института, его ядро,

---

¹ Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 122.

без которого сам институт лишается возможности функционирования. Они несут на себе основную нагрузку в правовом регулировании той или иной группы отношений, которые составляют предмет институционального регулирования. И в этом отношении вполне принадлежат тому самому «нерастворимому остатку» правового института, о котором писал С. С. Алексеев.

Другое дело – предписания «обслуживающие». Наименование в данном случае условное и нисколько не свидетельствующее о меньшей значимости таких предписаний. Напротив, чем более они развиты, тем полнее институт регулирует соответствующую группу правоотношений, тем более развит сам уголовно-правовой институт. Такие предписания в структуре уголовно-правового института выполняют «сквозные» функции, обеспечивая его устойчивость и адаптивность. Именно в области этих предписаний и следует, прежде всего, искать субинституты уголовного права. На их роль вполне могут претендовать и предписания общего характера (например, закрепленные в примечаниях 1 – 4 к ст. 285 УК РФ дефиниции субъектов должностных преступлений), и предписания специализированные (например, коллизионное положение, закрепленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ относительно преодоления конкуренции общей и специальной нормы¹).

Это не значит, однако, что основные («рабочие») предписания не могут в принципе составить субинститут уголовного права. В некоторых ситуациях законодатель посредством таких предписаний решает особые задачи в правовом регулировании той или иной группы отношений, составляющих предмет института. Прежде всего, речь идет о дифференциации уголовной ответственности. В подобных ситуациях дифференцирующие основные

---

¹ Очевидно, с учетом высказанных выше соображений относительно того, что субинститут должен образовываться однопорядковыми предписаниями по отношению ко всем иным предписаниям института, уровень нормативного закрепления данного правила формально не позволяет считать его субинститутом. Однако это, на наш взгляд, следует отнести на счет технических недостатков уголовного закона. Правило преодоления конкуренции (тем более, что оно должно быть дополнено и развито иными положениями, например, о преодолении конкуренции части и целого) вполне достойно того, чтобы быть выраженным в отдельной статье уголовного закона.

предписания также могут претендовать на статус субинститута (такowymi, к примеру, выступают субинститут принудительных мер воспитательного воздействия в системе института уголовной ответственности несовершеннолетних или субинститут мелкого хищения в системе института норм об ответственности за хищения).

Таким образом, с точки зрения соотношения особенного и общего субинститут уголовного права представляет собой нормативные предписания, которые являются однопорядковыми по отношению ко всем иным предписаниям правового института и регулируют единую с ним группу правоотношений, но отличаются особым функциональным назначением, предлагая интегрирующие или дифференцирующие «услуги» и обеспечивая тем самым стабильность и адаптивность правового регулирования.

Изложенные в настоящем параграфе положения относительно критериев обособления уголовно-правового субинститута и признаков, позволяющих его идентифицировать в общем ряду иных групп правовых предписаний в структуре отрасли, позволяют сделать несколько важных выводов и сформулировать искомое понятие субинститута уголовного права:

- базовый критерий, на основе которого допустимо обособление субинститутов в структуре института уголовного права, не может иметь качественные, фундаментальные отличия от критериев формирования отрасли уголовного права и уголовно-правовых институтов; он должен сохранять общие признаки и иметь при этом некоторую содержательную специфику. Поскольку отрасль уголовного права формирует специфический правовой режим регулирования отношений, вызванных фактом совершения преступления, а институт уголовного права формируется исходя из особенностей уголовно-правовых отношений, которые восходят к специфике породившего их юридического факта, то субинститут предполагает в качестве критерия своего обособления либо видовое своеобразие этого юридического факта, либо видовое своеобразие используемых приемов и средств регулирования уголовного правоотношения;

- при характеристике конститутивных признаков уголовно-правового субинститута необходимо учитывать его соотношение с институтом уголовного права, которое в контексте логических конструкций может быть описано посредством категорий «вид и род», «часть и целое», «особенное и общее». С точки зрения родо-видовых отношений субинститут представляет собой исключительно правовое образование, определенный класс нормативных уголовно-правовых по своему содержанию предписаний, входящих в «материнский» правовой институт и подчиненных его принципам. В контексте взаимосвязи части и целого субинститут есть всегда часть уголовно-правового института, представляющая собой одно или несколько уголовно-правовых предписаний, выраженных в части текста уголовного закона. С точки зрения соотношения особенного и общего субинститут образуют однопорядковые правовые предписания, которые регулируют единую с институтом группу правоотношений, но отличаются интегрирующей или дифференцирующей функцией;

- признаками субинститута уголовного права необходимо признать:

- а) наличие одного или нескольких самостоятельных нормативных предписаний и одновременно отсутствие в структуре субинститута иных социальных норм и требований;
- б) необязательное, но потенциально возможное выражение в обособленной части текста уголовного закона;
- в) существование только в пределах уголовно-правового института и подчиненность его принципам и целям;
- г) общий предмет правового регулирования института и субинститута уголовного права;
- д) видовое своеобразие юридического факта или режима регулирования уголовно-правовых отношений, составляющих предмет институционального регулирования;
- е) особое функциональное предназначение субинститута, призванного в масштабах всего института оказывать интегрирующее или дифференцирующее воздействие на процесс правового регулирования;
- ж) ориентация на выполнение стабилизирующих и адаптивных функций отрасли уголовного права;

- содержание признаков субинститута может быть положено в основу его теоретической дефиниции. Субинститут уголовного права представляет собой элемент структуры института уголовного права, который образован одним или несколькими однопорядковыми нормативными предписаниями, предлагающими в зависимости от видовой специфики юридического факта, породившего уголовно-правовые отношения, интегрирующий или дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права.

2.2. Классификация субинститутов уголовного права

Одним из важнейших методов научного познания, осмысления и описания закономерностей окружающего мира, а также формой так называемого контролируемого познания и одной из опор эмпирического знания является метод классификации, который используется как для упорядочения имеющихся знаний о том или ином объекте, так и для возможного прогнозирования его дальнейшего развития¹.

Согласно общепринятому пониманию, классификация представляет собой распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов². Как указывает В. М. Сырых, она применяется для упорядочения исследуемого массива явлений, процессов путем их деления на устойчивые группы, виды³.

В праве вообще и в уголовном праве в частности классификация выступает особенно востребованным методом познания, учитывая многосоставный, сложный и динамичный характер правовых явлений. В

---

¹ Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 251.

² Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. С. 214.

³ Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М.: РАП, 2012. С. 280.

отраслевых исследованиях предприняты значительные усилия в области анализа классификации источников уголовного права¹, классификации преступлений² и отдельных их видов, классификации наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия³. Специальное внимание уделяется в науке также классификации уголовно-правовых норм и институтов⁴.

При этом, однако, вопросам классификации уголовно-правовых субинститутов внимание не уделяется (по очевидной причине общей неразработанности проблемы субинститутов уголовного права). Равным образом, и в литературе по общей теории права видовой специфике субинститутов посвящено лишь несколько разрозненных публикаций⁵.

Такое положение вещей свидетельствует об открытости вопроса относительно градации субинститутов на виды, что едва ли может быть оправданно с теоретической и прикладной точек зрения. Классификация как способ препарирования правовой ткани позволяет построить наглядную схему предметной области с учетом всех связей и отношений, провести «перепись» субинститутов, что будет способствовать детальной проработке каждого из них.

В первом приближении при решении вопроса классификации уголовно-правовых субинститутов велик соблазн использовать в достаточной степени разработанные типологические критерии классификации институтов уголовного права либо общетеоретические подходы к типологии субинститутов права вообще, в особенности наиболее развитого и

---

¹ См., например: Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2010.

² См., например: Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. М.: Юриспруденция, 2020.

³ См., например: Степашин В. М. Классификация уголовных наказаний по строгости // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 1. С. 178–187; Пудовочкин Ю. Е. Система мер уголовно-правового характера // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 46–54.

⁴ См., например: Коняхин В. П. Нормы Общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985; Кленова Т. В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986; Жук М. С. Классификация уголовно-правовых институтов // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 168–176.

⁵ См., например: Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 37–47.

исследованного гражданского права. Однако такой подход не является бесспорным. Во-первых, может вызывать сомнение сама идея классификации, основанной на критериях более развитой организации нормативного материала. А во-вторых, что более важно: прямое калькирование зачастую оказывается невозможным ввиду ограниченного количества субинститутов в действующем уголовном законе, а также специфики уголовного права, менее мобильного, чем гражданские отрасли, и достаточно консервативного.

Это обстоятельство требует от исследователя, прежде всего, обоснования и самой возможности, и основных подходов к решению проблемы классификации субинститутов уголовного права. В связи с этим, приступая к решению обозначенной проблемы, полагаем необходимым сделать несколько значимых, на наш взгляд, оговорок методологического свойства.

Первая, самая общая, заключается в том, что, говоря о классификации, важно акцентировать внимание на том, кто и в каких целях использует данную логическую операцию. Здесь важно различать, с одной стороны, классификацию в уголовном законодательстве как специфический прием юридической техники, представляющий собой деление закрепленных правовых положений по единому критерию на определенные категории (группы, виды), обладающий нормативно-правовым характером и имеющий своей целью единообразное понимание и применение уголовно-правовых институтов и норм¹, а с другой стороны, классификацию как прием или метод научного познания правовых явлений.

Классификация уголовно-правовых субинститутов не является объектом приложения законодательных усилий и сама по себе не является итогом применения средств юридической техники. Но использование законодателем данного приема в процессе конструирования правовых

---

¹ Маршакова Н. Д. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 7.

предписаний, институтов и их систематизации во многом может определять итоговый исследовательский вывод относительно того, существует или не существует в праве субинститут. В этом отношении законодательная классификация правовых предписаний как итог применения данного средства юридической техники может служить одновременно отправной точкой для применения классификации как метода теоретического исследования субинститутов уголовного права.

Вторая оговорка состоит в том, что классификация как метод научного познания в нашем случае закономерно и логично имеет свой специфический объект приложения – субинституты уголовного права. Отраслевое ограничение в данном случае позволяет игнорировать критерии классификации, которые могут иметь место при градации субинститутов вообще, но не применимы к градации субинститутов в составе отрасли уголовного права, поскольку имеют содержание, выходящее за пределы отраслевой специфики правового массива. По этой причине, в частности, предложенное И. В. Ореховым деление правовых субинститутов в зависимости от сферы регулируемых общественных отношений (публично-правовые и частноправовые), отрасли права, в которой они функционируют (уголовно-правовые, гражданско-правовые и пр.), характера состава регулируемых отношений (материальные и процессуальные), территориального действия (международные, федеральные, региональные, местные), юридической техники (сосредоточенные в рамках одного нормативного правового акта и рассредоточенные на несколько нормативных правовых актов), юридической силы источников (сосредоточенные в законах, подзаконных нормативно-правовых актах, обычном праве), при всей его познавательной ценности, не может быть напрямую использовано в рамках анализа уголовно-правовых субинститутов.

Вместе с тем сама идея такой градации может оказаться весьма полезной отправной точкой для исследования и оценки содержания уголовно-правовых предписаний и институтов уголовного права как

исходного нормативного массива для поиска и градации субинститутов. Должно быть очевидным, что все сосредоточенные в рамках отрасли уголовного права предписания с учетом специфики самой отрасли должны быть публично-правовыми, материально-правовыми, федеральными. Отраслевая чистота исходного нормативного массива классификации – важное условие и безошибочности самой классификации, и в более широком смысле – эффективности уголовного права.

Между тем опыт показывает, что такая «чистота» не является константной характеристикой предписаний, сосредоточенных в УК РФ.

Например, до внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» примечания 2 и 3 к ст. 201 УК РФ содержали особые, по природе своей процессуальные положения, определяющие порядок возбуждения уголовного преследования по делам о преступлениях, связанных со злоупотреблениями в коммерческих организациях. А до внесения изменений в ст. 76 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» имело место существенное расхождение между уголовно-правовой и уголовно-процессуальной (ст. 25 УПК РФ) характеристиками оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В итоге наблюдалось смешение и противоречие материально-правовых и процессуально-правовых предписаний, что потенциально не исключало возможность выделения в структуре отрасли уголовного права процессуальных субинститутов.

Равным образом, в настоящий момент возникают определенные сложности в установлении правовой природы примечания к ст. 122 УК РФ и в целом согласия потерпевшего на причинение ему вреда (являются ли эти предписания публично-правовыми или же отражают проникновение

элементов частного права в уголовно-правовую отрасль¹). Есть некоторое противоречие между положениями ст. 76 УК РФ о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и ч. 2 ст. 20 УПК РФ, устанавливающей обязательность освобождения от ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам частного обвинения.

Стоит обратить внимание и на проблемы регионализации нормативных предписаний охранительного содержания. Если допустить существование уголовного права «в широком смысле» как публичной охранительной отрасли, включающей в себя положения как федерального уголовного и административно-деликтного законодательства, так и предписания региональных законов об административной ответственности², то вопрос об исключительно федеральном уровне уголовно-правового регулирования, а следовательно, и исключительно федеральном уровне действия уголовно-правовых предписаний, институтов и субинститутов, может быть поставлен под сомнение.

Детальное обсуждение вопроса относительно отраслевой чистоты уголовно-правовых предписаний выходит за пределы нашего исследования. Потому исходная точка дальнейшей классификации уголовно-правовых субинститутов будет состоять, по большому счету, в консенсуальном допущении, что современное уголовное законодательство России включает исключительно публично-правовые, материально-правовые, федеральные предписания.

Третья методологическая оговорка состоит в том, что классификация по общему правилу предполагает деление известного множества на некоторые группы. Основной принцип классификации состоит в том, что

---

¹ См. об этом, например: Сидоренко Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 343–379.

² См. об этом, например: Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 42–52; Головкин Л. В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 77–90.

каждый элемент совокупности объектов, которую она охватывает, должен попасть в то или иное подмножество. Тем самым главная цель классификации заключается в определении места в системе любого объекта и установлении между ними наличия некоторых связей, что определяет дальнейшее упорядочение множества.

Между тем при классификации субинститутов уголовного права возникает существенная проблема установления самого множества, подлежащего классификации. Перечень (номенклатура) уголовно-правовых субинститутов не является данностью. Он устанавливается во многом в качестве итога теоретических рассуждений тех или иных авторов, исходя из их субъективного видения структуры уголовного права и теоретических признаков субинститутов. В последующем изложении мы представим свой вариант решения этого вопроса. Здесь же отметим лишь тот факт, что классификация того, что не имеет однозначных границ, сама по себе не может быть определенной и однозначной именно в силу того, что объем классифицируемого множества не является заранее предустановленным.

Есть еще один аспект проблемы классифицируемого множества. Дело в том, что субинститутов уголовного права по определению не может быть много. Поскольку они есть следствие усложнения процесса правового регулирования лишь некоторых уголовно-правовых отношений и выступают в связи с этим элементом структуры лишь некоторых уголовно-правовых институтов, количество субинститутов закономерно ограничено. При этом, однако, важно учитывать, что по мере развития общественных отношений и практики их уголовно-правовой охраны и регулирования, по мере совершенствования научных знаний количество уголовно-правовых субинститутов может меняться, в том числе в сторону увеличения. В силу чего и их классификация будет изменяться, дополняться, иногда заменяться новой, более точной. Поэтому ни к одной классификации нельзя подходить как к завершенной. Необходимо учитывать, что и сама действительность, и знания о ней находятся в непрерывном процессе изменения и развития.

Наконец, анализируя подлежащее классификации множество уголовно-правовых субинститутов, важно понять, что само по себе это множество во многом искусственный феномен. Отраслевые субинституты (сколько бы и какие бы их ни выделяли) в своей совокупности не составляют органического единства. Они суть разнородное множество. Каждый из них – часть относительно самостоятельной части структуры уголовного права, появление которой вызвано специфическими именно для этой части условиями и обстоятельствами. Каждый имеет специфическое содержание и выполняет специфические функции. Всех их объединяет только одно формальное основание – статус субинститута уголовного права. По этой причине прием классификации при их познании приобретает некоторые смысловые нюансы. Это проявляется в дополнительном семантическом значении самого слова «классификация». Помимо традиционного смысла – градация, расчленение, оно имеет еще один аспект в значении – отнесение объекта к некоторому классу в классификаторе. Отсюда – задача классификации субинститутов уголовного права во многом заключается в том, чтобы распознать образ того или иного субинститута и соотнести его с тем или иным «эталонным» классом субинститутов вообще. Образ есть классификационная группировка в системе классификации, объединяющая (выделяющая) определенную группу объектов по некоторому признаку. Выделение в общем массиве уголовно-правовых субинститутов тех, что могут принадлежать к некоей классификационной группе, – это тоже классификация.

В завершение методологических оговорок отметим еще одну – четвертую. Важно понимать, что всякая классификация относительна. Многие субинституты не могут быть отнесены безоговорочно к какой-либо определенной группе. Это связано, среди прочего, с относительным характером классификации и образующих субинституты нормативных правовых предписаний, и уголовно-правовых институтов, частью которых они являются. Проблематика разграничения функциональных и

охранительных, комплексных и межотраслевых правовых институтов, равно как проблематика различения запретительных и регулятивных норм, не имеет в уголовно-правовой науке единственно возможного и всеми разделяемого подхода. Вопрос о том, относится ли, например, институт уголовной ответственности несовершеннолетних к разряду предметных (выделенных исходя из содержания предмета регулирования) или функциональных (обособленных на основе специфики выполняемых им функций), в равной степени допускает оба ответа. Все зависит от методологической позиции исследователя, субъективного понимания права, его структуры и функций. По этой причине любая классификация уголовно-правовых институтов будет относительной.

Это обстоятельство позволяет признать, что с теоретико-методологической точки зрения классификация субинститутов уголовного права относится к категории субъективной, искусственной классификации, в которой группировка осуществляется на основании лишь отдельных, произвольно выбранных и удобно различимых свойств объектов. В рамках такой классификации в одном классификационном отряде (группе) могут оказаться содержательно, сущностно разные субинституты, если они объединяются каким-либо иным, внешним признаком, и наоборот, содержательно близкие субинституты могут быть разведены в различные группы, если они различаются по какому-либо признаку. В этом принципиальное различие искусственной классификации от естественной.

Как известно, в естественной классификации группировка происходит на основании комплекса свойств объектов, выражающих их природу, и таким образом объединяет их в естественные группы, а сами группы в единую систему. Естественная классификация имеет в виду раскрыть истинные свойства вещей и основывается вследствие этого на признаках важных и существенных¹. Это не означает, что классификация искусственная не важна

---

¹ Челпанов В. Г. Учебник логики. М.: Научная Библиотека, 2010. С. 115–116.

сама по себе. «Искусственная классификация – это прежде всего описательно-распознавательная система, представляющая классифицируемую область в удобном для обозрения, запоминания и распознавания виде. Распределение объектов по группам здесь осуществляется на основании некоторого минимального числа их постоянных, однако не обязательно существенных для этих объектов свойств. При этом выбираются такие свойства, которые наиболее заметны и которые определеннее, надежнее, чем прочие свойства, отличают друг от друга объекты разных групп. Установленный порядок самих групп в такой классификации носит также внешний, формальный характер. Искусственная классификация более отделяет друг от друга объекты разных групп, равно как и группы, чтобы дать возможность по отдельности обозреть их все, чем соединяет их в единой системе»¹.

При этом, чтобы искусственная классификация не выглядела «мертворожденной» и приносила пользу делу научного познания субинститутов, крайне важно отметить значимость избираемого критерия (или основания) предполагаемой градации. Как верно отмечают специалисты, для качественной классификации требуется высокая точность в выборе критерия и границ разграничения, поскольку неточная классификация не добавит знаний для продуктивной разработки, а лишь усложнит и запутает ситуацию². В юриспруденции для классификации объектов необходимо определять базовые единицы, по аналогии с видами и элементами в химии или биологии³.

Принимая во внимание сказанное выше, полагаем возможным перейти к непосредственному освещению вопроса о классификации уголовно-правовых субинститутов.

---

¹ Субботин А. Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. С. 34.

² Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 38.

³ Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 256.

Самым первым и простым делением субинститутов уголовного права можно признать их градацию в зависимости от местоположения в структуре уголовного закона на субинституты Общей части и субинституты Особенной части уголовного права.

Такая классификация теоретически мыслима, разумеется, при условии, что на соответствующие группы могут быть разделены институты уголовного права. В науке, как известно, этот вопрос предполагает различные решения. Некоторые исследователи утверждают, что «единственно возможная система институтов уголовного права, если понимать под институтом системную совокупность норм, а под нормой – полноценное правило поведения, санкционированное или установленное государством, представляет собой систему предметных охранительных институтов, выделяемых на основании объекта уголовно-правовой охраны»¹.

Иными словами, институты уголовного права мыслятся при таком подходе исключительно как институты его Особенной части. Однако подобный подход при своем последовательном развитии может привести к выводу о том, что уголовное право как исключительно охранительная отрасль не имеет собственного предмета правового регулирования, о чем говорил Б. Т. Разгильдиев². Отрицание же предмета регулирования, по сути, означает и отсутствие основания для выделения уголовного права в качестве самостоятельной правовой отрасли.

В данном случае более убедительным и последовательным будет взгляд на «охранительный уголовно-правовой институт» не как на институт отрасли уголовного права, а как на охранительный субинститут той отрасли права, предмет которой охраняется соответствующими уголовно-правовыми нормами. К примеру, институт преступлений против собственности при таком подходе в большей степени может претендовать на статус

---

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 85.

² Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 4–5.

субинститута права собственности, а институт преступлений против государственной службы – на статус субинститута служебного права.

Если же логику указанных авторов относительно подчеркнута охранительного характера институтов уголовного права совместить с представлениями о самостоятельности отрасли, то необходимо будет признать, что все положения, отраженные в Общей части уголовного права, входят так или иначе в структуру институтов части Особенной, образуя в них отдельные субинституты. Тогда в каждом институте Особенной части уголовного права можно будет обнаружить субинститут неоконченного преступления, субинститут множественности, субинститут соучастия и т.д.

Полагаем очевидным, что такое представление об институтах и субинститутах уголовного права не соответствует современному пониманию предмета уголовного права, статуса отрасли в системе отечественного права и ее структуры. Исходная и столь же очевидная посылка к таким ошибочным рассуждениям кроется в признании именно нормы права в ее полноценной, логической форме начальным звеном структурирования отрасли. Если признать, как это уже было отмечено в предшествующем изложении, что в качестве элементарного звена структуры отрасли выступает нормативное правовое предписание, подобного рода проблемы «снимаются» и деление субинститутов уголовного права на относимые к Общей части и к Особенной части становится и возможным, и перспективным.

Здесь, однако, надо сделать одну оговорку терминологического свойства. Следует провести тонкую грань между субинститутами Общей (Особенной) части и субинститутами институтов Общей (Особенной) части.

Деление уголовного права на Общую и Особенную части происходит, согласно консенсуальному мнению, исходя из роли и предназначенности соответствующих нормативных правовых предписаний, а также сферы их действия. Предписания Общей части выполняют системообразующую функцию по отношению ко всем нормам уголовного права, содержат в себе наиболее общие части их элементного состава и алгоритм для

восстановления полного объема уголовно-правовой нормы¹. В то время как предписания Особенной части ориентированы на описание признаков конкретных преступлений и пределов их наказуемости.

Однако не все предписания, входящие в институт Общей части и способные претендовать на статус его субинститута, обладают признаком всеобщности, присущим предписаниям Общей части. Равно как не все претендующие на статус субинститута Особенной части уголовного права предписания ограничены в сфере своего действия лишь пределами того или иного института. Например, положения закона, определяющие в границах соответствующих институтов Общей части уголовного права особенности назначения наказания мужчинам, совершившим террористические преступления (ч. 2 и ч. 2.1 ст. 58 УК РФ), или дефинирующие понятие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (примечание к ст. 73 УК РФ), или конструирующие основания освобождения от ответственности за налоговые преступления (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), едва ли могут претендовать на статус универсальных, всеобщих, и в этом отношении по своему содержанию сложно сопрягаются со статусом предписаний Общей части. В свою очередь предписания, оформленные как часть института Особенной части, могут выходить в своем функциональном назначении за границы данного института (примечание к ст. 139 УК РФ, определяющее понятие жилища, или примечание к ст. 201 УК РФ, формулирующее понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации, распространяют свою силу на весь кодекс).

Такое «проникновение» общих положений в Особенную часть и особенных положений в часть Общую – процесс естественный и допустимый, отражающий рост функционального и предметного разнообразия отрасли уголовного права. Однако он позволяет утверждать, что субинститут института Общей части уголовного права далеко не всегда

---

¹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 154.

образован предписаниями, по природе своей претендующими на статус общих нормативных положений (то же самое – и в отношении субинститутов Особенной части). Местоположение субинститута в структуре отрасли уголовного права лишь формально указывает на его природу. Поэтому всегда более точным и правильным будет говорить о субинституте института Общей или Особенной части, а не о субинституте Общей или Особенной части.

Такое уточнение имеет значение для понимания еще одной возможной классификации субинститутов уголовного права, а именно классификации по функциональному признаку, которая содержательно связана с процессом генезиса субинститута. В данном случае речь идет о градации субинститутов на предметные и функциональные.

Функциональное предназначение уголовно-правового субинститута задано, с одной стороны, содержанием образующих его нормативных предписаний, а с другой – включающего его института. При этом стоит учитывать, что деление правовых предписаний и институтов по функциональному признаку весьма относительно. Большинство исследователей в настоящее время склоняются к позиции, что норма уголовного права всегда адресована двум субъектам: государству и гражданину, действует комплексно, регулятивные и правоохранные аспекты нормы взаимообусловлены. В зависимости от избранной точки зрения одна и та же уголовно-правовая норма (субинститут, институт) может быть и регулятивной, и правоохранный, и предметной, и функциональной. Классификация по функциональному признаку способствует лишь выявлению степени выраженности той или иной функции.

Субинститут как часть института уголовного права наследует это классифицирующее основание. При этом функциональные субинституты будут регулировать какую-либо специфику отдельной операции института, а

предметные – теоретически должны собой представлять группу норм, выделенную в связи с общностью предмета правового регулирования.

Здесь, однако, важно понять: всегда ли функциональный субинститут является частью функционального института, а предметный – частью предметного. Представляется, что эта логика не является универсальной и единственно возможной. Так, например, в рамках предметного института хищений вполне оформился самостоятельный субинститут мошенничества, который в основе своей имеет специфическую дифференциацию уголовной ответственности за различные виды мошеннических действий. Смеем утверждать, что предписания об ответственности за мошенничество в данном случае выступают функциональным субинститутом предметного института хищения. Также если оценивать институт уголовной ответственности несовершеннолетних в качестве функционального института Общей части (ориентированного на решение задачи дифференциации ответственности лиц, не достигших восемнадцати лет), то в его рамках вполне отчетливо выделяется предметный субинститут принудительных мер воспитательного воздействия.

Более того, на наш взгляд, именно такое «перекрестие» – предметные субинституты в рамках функциональных институтов и функциональные субинституты в рамках институтов предметных – следует рассматривать в качестве общей закономерности. Сама логика исторического формирования субинститутов свидетельствует, что они возникают как реакция на потребность уточнить ту или иную функцию в процессе уголовно-правовой охраны некоторой группы общественных отношений либо уточнить предметное содержание той или иной общей функции.

Когда в рамках предметного института уголовного права возникают дополнительные предписания, расширяющие круг предметов, подлежащих уголовно-правовой охране, или расширяющие спектр запрещенных действий, посягающих на уже вовлеченные в сферу уголовно-правовой охраны предметы (например, когда в рамках института преступлений против

общественной безопасности появляются нормы, запрещающие не только организацию банды, но также организацию преступного сообщества или незаконного вооруженного формирования), вряд ли будет верным говорить о формировании предметного субинститута ответственности за создание преступных групп в рамках предметного же института преступлений против безопасности. Как и формирование функциональных правил в рамках функционального института (например, появление предписаний, устанавливающих определенные ограничения на назначение несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы в рамках института назначения наказания несовершеннолетним) не приводит к появлению функционального субинститута. В подобного рода ситуациях происходит, на наш взгляд, лишь расширение номенклатуры нормативных предписаний, составляющих тот или иной институт, нормативный рост уголовно-правового института. Это естественный процесс развития уголовно-правовых институтов, не связанный с обособлением в их структуре субинститута, количественный рост нормативного материала, который не приводит к усложнению структуры правового института.

Такое понимание генезиса и видов уголовно-правовых субинститутов дает основание для уточнения еще одной возможной их классификации на основе социального предназначения образующих их нормативных правовых предписаний. Как известно, уголовное право решает две основные задачи: охрана определенных конституционно значимых ценностей и предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ), которые коррелируют с представлениями об охранительной и регулятивной функциях права. Вместе с тем в теории права верно отмечается, что право не только регулятор общественных отношений. Это его одна из основных функций, в этом состоит его главное назначение. Но оно одновременно и политический инструмент, идеологическое средство, способ охраны общественных отношений. Поэтому в содержание права, бесспорно, входят как собственно юридические (регулятивная и охранительная), так и социальные

(экономическая, политическая, воспитательная) функции права¹. Их выполнение не может рассматриваться только как внешний результат выполнения функций собственно юридических. Оно также обеспечено определенными правовыми средствами, содержанием правовых предписаний. По этой причине, полагаем, вполне логичным будет заключить, что в целом ряде случаев формирование субинститутов уголовного права является следствием объективной потребности в реализации многообразных функций уголовного права. Соответственно, можно выделить субинституты, направленные на обеспечение выполнения экономической, воспитательной, политической и т.д. функций.

Например, крайне актуальная в современных условиях экономическая функция права (предполагающая, среди прочего, учет соотношения затрат и результата в процессе уголовно-правового противодействия преступности) очевидно стимулирует появление таких предписаний, как освобождение от ответственности с возмещением вреда за экономические преступления, освобождение от ответственности при соблюдении условий декларирования доходов.

Политическая функция уголовного права отчетливо фиксируется в отдельных положениях большинства законопроектов последнего времени, нацеленных регламентировать специфику освобождения от уголовного преследования исходя из интересов, лежащих вне сферы уголовного права. Не вдаваясь в оценку иных аспектов подобных инициатив, останавливаясь только на форме выражения, в случае реализации они могут стать существенным дополнением института обстоятельств, исключающих преступность деяния, по факту – его субинститутом.

Подобного рода нормативные положения слабо сопрягаются со стандартными представлениями об отрасли уголовного права, а потому инкорпорируются в ее структуру весьма осторожно. Оптимальным юридико-

---

¹ Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград: Изд. НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1974. С. 116.

техническом приеме в данном случае как раз и выступает формирование в структуре известного, устоявшегося уголовно-правового института некоторой «присадки» – предписаний нестандартного содержания, нацеленных на выполнение нетипичных отраслевых функций. То же самое можно сказать об уголовно-правовых предписаниях, посвященных защите интересов потерпевших от преступлений, ориентирующих лиц, совершивших преступление, на сотрудничество со следствием и т.п. Такой прием – включение нестандартных предписаний в стандартный правовой институт – позволяет решить крайне важную задачу: обеспечить выполнение многообразных социальных функций отрасли уголовного права без кардинального слома ее структуры. Субинститут уголовного права выступает здесь способом решить многообразные социальные функции в рамках уточнения, корректировки, дифференциации способов выполнения подчеркнута правовых (охранительной и регулятивной) функций отрасли уголовного права.

Предложенное понимание связи субинститутов с социальными функциями уголовного права позволяет не только классифицировать субинституты на основе того, какую социальную функцию они выполняют в составе отрасли, но также предложить градацию субинститутов на основе их собственного функционального предназначения. Памятуя о том, что субинститут обеспечивает адаптацию уголовного права к динамично меняющимся условиям социальной среды и отражает внутреннее развитие механизма уголовно-правового регулирования, можно утверждать, что функционально субинституты уголовного права создают альтернативу регулирования того или иного участка или той или иной группы уголовно-правовых отношений либо позволяют апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования некоторую модель или способ правового регулирования.

В связи с тем, что функции уголовного права при всей их относительной константности являются феноменом динамичным,

непосредственно зависящим от социальных потребностей, вполне логично, что некоторые из них актуализируются в тот или иной момент времени, а в другой период могут «сойти на нет». Это обстоятельство дает основание для классификации уголовно-правовых субинститутов на постоянно действующие, временные и чрезвычайные.

Постоянно действующими следует признать субинституты, которые, однажды возникнув, сохраняют свою юридическую силу до момента их исключения из закона и распространяются на все типовые уголовно-правовые ситуации.

Временные – те, что активируются в определенный промежуток и действуют в течение установленного законом срока. К таковым следует отнести, например, предписания уголовного закона (ч. 3 ст. 76.1 УК РФ) об освобождении от уголовной ответственности в связи с соблюдением условий декларирования доходов, предусмотренных Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Действие этого субинститута освобождения от уголовной ответственности, изначально ограниченное фактами совершения преступных деяний до 1.01.2015 года, периодически продлевается законодателем в отношении фактов, имевших место до 1 января 2018, 2019, 2022 годов.

Временными субинститутами следует признавать также положения, которые дополняют и уточняют правила действия уголовного закона на территориях, вошедших в состав Российской Федерации в период действия УК РФ 1996 года.

Чрезвычайными субинститутами нужно считать предписания, которые начинают действовать в особых условиях, при наличии определенных обстоятельств. В этом отношении несомненный интерес представляют положения уголовного закона, устанавливающие правила ответственности за преступления, совершенные в период военного времени. Как известно, до

принятия Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ч. 3 ст. 331 УК РФ формулировалось правило о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Это давало специалистам основания усматривать в военном уголовном законодательстве и часть комплексной отрасли военного права¹, и подотрасль права уголовного². Представляется, однако, что в настоящее время в связи с коренным изменением законодательного подхода к определению оснований и правил ответственности за преступления, совершаемые в военное время, есть гораздо больше оснований усматривать субинституциональный характер этих положений.

Связь субинститутов с механизмом социальной регламентации уголовно-правовых отношений закономерным образом подводит к еще одной их градации. В основе ее – метод правового регулирования. Под правовым методом традиционно понимается прием или совокупность приемов воздействия на общественные отношения с целью их трансформации или сохранения с использованием различного юридического инструментария, предусмотренного УК РФ. Заслуживающей внимания и поддержки при этом представляется позиция специалистов, которые не усматривают в уголовном праве какой-либо специфики в части его методического оснащения. Ю. В. Голик, например, считает, что основными методами правового регулирования в сфере действия уголовного права являются принуждение и убеждение³. В том же ключе рассуждает и И. Э. Звечаровский, отмечая, что содержание нормативного материала уголовного права дает основание

---

¹ См.: Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Военное право. М.: Бизнес-консалтинг центр, 1998.

² См.: Есаков Г. А. Кодификация и подотрасли уголовного права // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права (Москва, 30–31 мая 2013 года). М.: Юрлитинформ, 2013. С. 77.

³ Голик Ю. В. Метод уголовного права // Журнал Российского права. 2000. № 1. С. 75.

полагать, что ему присущи все способы правового воздействия: запрет, обязывание, дозволение и поощрение¹.

С учетом этого в уголовном праве вполне обоснованным будет выделение императивных и диспозитивных субинститутов, а также субинститутов поощрительных и карательных.

В данном случае полезным будет заметить, что связь вида субинститута и вида института, выделяемого на основе преимущественного метода правового регулирования, не является жесткой. В рамках императивного карательного института хищений располагается столь же императивный и карательный субинститут мошенничеств. Однако в рамках поощрительного и преимущественно диспозитивного института освобождения от ответственности вполне может расположиться субинститут императивный (например, освобождения по налоговым преступлениям), а в рамках карательного института допустимо помещение субинститута поощрительного (таковы все ситуации конструирования в рамках Особенной части уголовного права специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, которые могут носить как императивный, так и диспозитивный характер). Такое положение вещей нельзя воспринимать как нарушение методической однородности уголовно-правовых норм, а с учетом проникновения в уголовное право диспозитивных методов – как «размывание» публично-правовой природы отрасли уголовного права. Напротив, оно есть свидетельство неразрывных системных связей внутри правовой системы и отражение комплексного, всестороннего подхода государства к регулированию уголовно-правовых отношений.

Взаимопроникновение правовых методов и тесная связь предметов отраслевого регулирования ставит на повестку дня еще один вариант классификации субинститутов (пожалуй, один из наиболее сложных и дискуссионных). Речь идет о возможности выделить исходя из характера

---

¹ Звечаровский И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность. М.: Проспект, 2022. С. 11.

отрасли права, регулирующей общественные отношения, субинституты отраслевого характера и субинституты межотраслевого (комплексного) характера. Такая градация представлена в теоретической литературе, при этом ее автор И. В. Орехов отмечает, что «появление субинститутов скорее тяготеет к межотраслевой направленности. Возможно, это вызвано современными реалиями общественных отношений. Субинституты отраслевого характера не столь широко представлены в отечественной системе права»¹.

Не будем углубляться в обсуждение вопроса о том, насколько часто или нечасто в системе права формируются отраслевые субинституты. В контексте рассматриваемой проблематики нам важнее решить вопрос о том, могут ли в структуре отрасли права возникать комплексные и межотраслевые правовые субинституты. С формально-логической точки зрения, поскольку субинститут – часть уголовно-правового института, признание наличия комплексных и межотраслевых субинститутов непосредственно связано с признанием наличия комплексных и межотраслевых институтов уголовного права. Если допустить наличие таковых институтов, то логичным должно быть и наличие соответствующих субинститутов.

Между тем вопрос этот с сущностной точки зрения гораздо сложнее. Прежде всего, отметим вслед за С. В. Полениной необходимость различения комплексных внутриотраслевых и собственно межотраслевых институтов права. Если межотраслевой институт всегда является комплексным, поскольку очевидно включает в себя нормы различных отраслей права, то комплексный институт может существовать и внутри отдельно взятой отрасли, представляя собой как бы «вторичную перегруппировку» норм данной отрасли права, охватываемых разными отраслевыми институтами².

---

¹ Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 43.

² Поленина С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 3. С. 74.

С этой точки зрения понимание комплексного внутриотраслевого института зависит от точки зрения специалиста, интерпретирующего уголовно-правовые предписания и решаемые при этом задачи. К примеру, вполне допустимо положения ст. 90 УК РФ, определяющие основания освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, и целый ряд примечаний к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающих специальные основания освобождения от уголовной ответственности, справедливо рассматривать в качестве компонентов комплексного отраслевого института освобождения от уголовной ответственности, ядро которого образовано предписаниями главы 11 УК РФ. В этом случае нормы ст. 90 УК РФ и специальные примечания оправданно можно отнести к субинститутам данного института.

С другой стороны, примечания к статьям Особенной части, определяющие, например, специальные основания освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления, могут быть оценены как компонент предметного правоохранительного института уголовной ответственности за налоговые преступления и восприниматься в качестве его функционального субинститута. И тот, и другой подход представляются вполне допустимыми именно по той причине, что комплексный отраслевой институт – результат той самой «вторичной перегруппировки» нормативных предписаний, которая подчинена субъективно определяемым исследовательским задачам. В любом случае обнаруживаемые внутри комплексных институтов уголовно-правовые субинституты, во-первых, не перестают быть собственно уголовно-правовыми, а во-вторых, что особенно важно, сами по себе не становятся комплексными. В данном случае именно комплексный характер самого уголовно-правового института обеспечивается различной компоновкой уголовно-правовых предписаний.

Что касается межотраслевых институтов, то они по определению не принадлежат какой-либо единой отрасли права. Каждая определенная часть норм, образующих межотраслевой институт, принадлежит какой-либо одной

определенной отрасли права¹, а сам такой институт представляют собой, по словам С. С. Алексеева, результат «удвоения правовой материи», вторичное образование в структуре права². Межотраслевой институт – это институт именно права, а не отрасли права³.

В этом отношении межотраслевой институт может быть образован как отдельными предписаниями различной отраслевой принадлежности, так и отдельными отраслевыми институтами и (или) субинститутами. Субинститут уголовного права может выступать элементом межотраслевого института. Например, положения закона о выдаче лиц, совершивших преступление (ст. 13 УК РФ), будучи субинститутом уголовно-правового института действия уголовного закона по кругу лиц, вполне возможно рассматривать в качестве компонента межотраслевого института экстрадиции. Однако и в данном случае факт включения уголовно-правового субинститута в состав межотраслевого института не меняет юридической природы субинституциональных предписаний: они остаются подчеркнуто уголовно-правовыми, отраслевыми. Как и в ситуации с комплексным отраслевым институтом, участие уголовно-правовых предписаний в целостном межотраслевом регулировании обеспечивает межотраслевой характер института, но не делает сами эти предписания межотраслевыми.

Таким образом, можно заключить, что наличие комплексных уголовно-правовых институтов и межотраслевых институтов, включающих уголовно-правовые предписания, не приводит к появлению комплексных или межотраслевых субинститутов уголовного права.

Предложенное понимание комплексных и межотраслевых институтов применительно к проблеме классификации субинститутов уголовного права дает, тем не менее, возможность представить особую градацию субинститутов. В частности, в зависимости от того, способен или не

---

¹ Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск: Б.И., 1973. С. 81.

² Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 130–132.

³ Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 575.

способен уголовно-правовой субинститут стать частью комплексного или межотраслевого института, можно выделить субинститут «двойного подчинения» и субинституты «ординарного подчинения».

В завершение исследования вопроса о классификации уголовно-правовых субинститутов следует обратить внимание на их внешнюю форму обособления, которая также может служить одним из критериев градации исследуемого правового массива.

В теории уголовного права есть в целом согласованное мнение о том, что уголовно-правовой институт всегда образован несколькими нормативными предписаниями, которые, в зависимости от вида предписания, могут быть выражены в тексте уголовного закона, а также в иных источниках уголовного права¹. Преломляя эту мысль к теме субинститутов уголовного права, следует отметить, что в зависимости от степени развитости субинститут, равно как и институт, может состоять из нескольких предписаний (например, нормы, дифференцирующие ответственность за мошенничество), которые в свою очередь могут быть объективированы как в тексте УК РФ (ст. 159 – 159.6 УК РФ), так и в иных отраслевых источниках (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Однако эта характеристика не является для субинститута универсальной.

Субинститут, который всегда меньше по объему института, может быть представлен и одним нормативным правовым предписанием (с чем согласились 63% опрошенных при проведении исследования специалистов), причем исходя из текста современного закона, не обязательно закрепленным на уровне самостоятельной статьи уголовного закона. Таковым, на наш взгляд, можно признать субинститут переквалификации ненасильственных половых преступлений (примечание к ст. 131 УК РФ). Специфика такого субинститута в том, что единственно мыслимой формой его внешнего

---

¹ См., например: Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013.

выражения может быть только и исключительно уголовный закон. Недопустимость конструирования уголовно-правовых субинститутов, состоящих из одного предписания, в иных, кроме закона, отраслевых источниках предопределена требованиями уголовно-правовой законности и правовой определенности. Но, кроме того, и природой самого субинститута. По характеру составляющее его единственное нормативное правовое предписание должно относиться к разряду «основных» (не детализирующих и не конкретизирующих). Именно оно составляет ядро субинститута, без которого он существовать не может. А такие предписания могут фиксироваться только в самом уголовном законе.

Подводя итоги исследованию вопросов, связанных с классификацией уголовно-правовых субинститутов, представляется возможным сформулировать некоторые выводы, значимые для продолжения нашего анализа:

- на фоне все большей специализации правовых норм вообще и уголовно-правовых норм в частности современная наука не предлагает готовых законченных концепций структуры права или его отдельных отраслей, поэтому любые попытки классификации отраслевого нормативного материала всегда будут строиться на определенных консенсуальных допущениях;

- в методологическом отношении проблема классификации субинститутов уголовного права осложняется рядом существенных обстоятельств: во-первых, доктрина не содержит четкой номенклатуры, оснований и критериев выделения не только субинститутов, но и непосредственно институтов уголовного права, в рамках которых возможно наличие субинституциональных образований, в силу чего объект классификации остается весьма неопределенным; во-вторых, ни к одной классификации нельзя подходить как к завершенной, а потому любое решение в этой части не может претендовать на исчерпывающий характер ввиду динамики развития отрасли права; в-третьих, классификация

субинститутов уголовного права во многом заключается в том, чтобы распознать образ того или иного субинститута и соотнести его с тем или иным «эталонным» классом субинститутов вообще, нежели собственно в четком разделении всех мыслимых субинститутов на группы; в-четвертых, существенное значение приобретает критерий классификации, который, отражая правовые характеристики исследуемого объекта, одновременно должен позволять провести исследование существующих субинститутов, оставив открытым пространство для определения местоположения в классификации потенциально возможных субинститутов уголовного права;

- классификация субинститутов уголовного права в настоящий момент может строиться на основе использования нескольких критериев и позволяет выделить: 1) в зависимости от местоположения в системе уголовного права: а) субинституты институтов Общей части уголовного права; б) субинституты институтов Особенной части уголовного права; 2) по функциональному признаку: а) предметные; б) функциональные; 3) по социальному назначению: а) создающие альтернативу регулирования того или иного участка или той или иной группы уголовно-правовых отношений; б) позволяющие апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования некоторую модель или способ правового регулирования; 4) по времени действия: а) постоянно действующие; б) временные; в) чрезвычайные; 5) по преимущественному методу регулирования: а) императивные и диспозитивные; б) поощрительные и карательные; 6) по внешней форме выражения: а) выраженные несколькими предписаниями в различных отраслевых источниках; б) выраженные одним предписанием непосредственно в уголовном законе;

- общая закономерность формирования субинститутов уголовного права отчетливо коррелирует с их классификационными параметрами; в качестве таковой следует признать формирование функциональных субинститутов в структуре предметных институтов (и наоборот), формирование поощрительных субинститутов в структуре карательных

институтов (и наоборот), формирование диспозитивных субинститутов в структуре императивных институтов (и наоборот), формирование субинститутов, содержательно тяготеющих к предписаниям Общей части, в структуре институтов Особенной части уголовного права (и наоборот). Такая закономерность отражает общую динамику развития отрасли уголовного права, системное многообразие его методов, усложнение предмета уголовно-правового воздействия, системные связи уголовного права с социальной и правовой средой;

- анализ видов субинститутов, предложенные подходы к классификации позволяют на данном этапе развития доктрины отечественного уголовного права определить качество правового регулирования общественных отношений и степень дифференциации нормативного материала, а также показать основные направления развития отрасли и внутриотраслевые и межотраслевые связи. Выявленные в ходе исследовательской работы классификационные лакуны прогнозируют направления дальнейшего нормотворчества и потенциальные субинституты, призванные нивелировать погрешности текущего регулирования.

Глава 3. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУБИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

3.1. Оценка субинституционального уровня современного российского уголовного права

Один из наиболее значимых вопросов рассматриваемой темы состоит в определении видов и содержания субинститутов современного российского уголовного права. Предшествующее исследование позволило установить основные признаки, характеристики и потенциальные виды субинститутов. Однако без привязки этих рассуждений к конкретному нормативному содержанию они выглядят по преимуществу как субъективный опыт теоретического моделирования, а сами субинституты остаются фантомными образованиями. Назвать их поименно, соотнести с конкретным институтом права, определить содержание составляющих субинститут нормативных правовых предписаний – задача сложная, но выполнимая.

Прежде чем приступить к ее решению, полагаем необходимым представить результаты контент-анализа специальной научной литературы, в которой в той или иной форме затрагивается проблематика уголовно-правовых субинститутов.

Сразу оговорим, что в основной массе эти юридические источники не имеют предметом научного анализа непосредственно субинституты уголовного права. В связи с чем все изложенное в них по поводу субинститутов можно отнести к области *obiter dictum* (попутно сказанного, сказанного мимоходом). И тем не менее, презюмируя соблюдение принципа точности и корректности использования специальной юридической терминологии в научных трудах, полагаем, что и это «сказанное» следует воспринимать как свидетельство вполне определенного понимания правовой и институциональной природы тех или иных нормативных правовых предписаний.

Еще одна оговорка состоит в том, что по объективным причинам мы не в состоянии провести контент-анализ всех без исключения информационных ресурсов. Наша выборка ограничена двумя допущениями. Во-первых, при выборе материалов для контент-анализа мы ориентировались на названия и оглавления соответствующих работ, обоснованно полагая, что использование в них таких ключевых слов, как «институт», «структура», «система», должно свидетельствовать о возможности обращения к проблематике субинститутов. Во-вторых, учитывали предмет авторского анализа, предполагая, что обращение к наиболее объемным нормативным массивам должно преследовать цель их упорядочить и структурировать, в том числе с использованием понятия «субинститут».

Особое внимание при отборе литературных источников было уделено работам, развивающим идеи научной школы «Институциональные основы уголовного права РФ», сформированной в Кубанском государственном университете под руководством профессора В. П. Коняхина.

И, наконец, стоит отметить, что метод контент-анализа не позволяет воссоздать мнение представителей уголовно-правовой науки относительно всех без исключения институтов и субинститутов уголовного права. Потому последующее изложение в большей степени будет иллюстративным, нежели системно-аналитическим.

Начнем с понимания субинститутов Общей части уголовного права. В литературе нам встретилось только два источника, в которых изложены оригинальные авторские взгляды на систему институтов и субинститутов Общей части уголовного права; это работы Ю. Е. Пудовочкина и М. С. Жука (см. таблицу 1).

**Таблица 1. Представления о субинститутах Общей части
уголовного права в системных исследованиях**

Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 68.		Жук М. С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 189 – 213.	
Институт	Субинституты	Институт	Субинституты
уголовный закон	- действие уголовного закона во времени - действие уголовного закона в пространстве - действие уголовного закона по кругу лиц		
преступление	- категоризация преступлений - множественность преступлений	понятие и категории преступления	обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния
вина	- формы вины - невиновное причинение вреда	вина	обстоятельства, исключающие виновность
соучастие	- виды соучастников - формы соучастия		
обстоятельства, исключающие преступность деяния	- субинституты согласно видам		
наказание	- цели наказания - виды наказаний		
назначение наказания	- общие начала назначения наказания - индивидуализация наказания		
освобождение от уголовной ответственности	субинституты согласно видам (основаниям)		
освобождение от наказания	субинституты согласно видам (основаниям)		
уголовная ответственность несовершеннолетних	- уголовное наказание - принудительные меры воспитательного воздействия	уголовная ответственность несовершеннолетних	- наказание - освобождение от ответственности
- иные меры уголовно-правового характера	- принудительные меры медицинского характера - конфискация имущества		

Даже беглый взгляд на предложенные авторами решения позволяет увидеть гораздо больше различий, нежели сходства, причем как в части количества, так и содержания субинститутов уголовного права.

В исследованиях отдельных нормативных массивов Общей части разночтений в понимании субинститутов еще больше. Н. Ф. Кузнецова, обращаясь к содержанию уголовного законодательства, выделяла в нем четыре базовых института: «уголовный закон», «преступление»,

«наказание», «освобождение от уголовной ответственности и наказания»¹. Внутреннее наполнение и структура этих институтов определяются в науке крайне непоследовательно.

Так, в рамках анализа предписаний о самом уголовном законе М. С. Жук признает «пределы действия уголовного закона элементом системы Общей части уголовного права, самостоятельным уголовно-правовым институтом»². В свою очередь И. А. Казаринов утверждает, что соответствующие нормы образуют два отдельных института уголовного права (как они отражены в названии главы 2 УК РФ): институт действия уголовного закона во времени (ст. 9, 10 УК РФ) и институт действия уголовного закона в пространстве (ст. 11, 12, 13 УК РФ)³. Тогда как Ю. Е. Пудовочкин рассматривает нормы, определяющие пределы действия закона во времени, в пространстве и по кругу лиц, в качестве отдельных субинститутов института уголовного закона⁴. Если И. А. Казаринов считает, что на статус субинститута может претендовать предписание о выдаче лиц, совершивших преступление, то А. И. Джигирь признает экстрадицию самостоятельным институтом уголовного права⁵.

Существенные разночтения выявлены в ходе анализа нормативных предписаний о преступлении.

Если В. Ю. Шубина говорит о пособничестве как о самостоятельном уголовно-правовом институте⁶, а В. Г. Мирзоян самостоятельным институтом признает подстрекательство⁷, то Ю. Е. Пудовочкин виды соучастников и формы соучастия выделяет как субинститут института

---

¹ Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. В 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. С. 3.

² Жук М. С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 344.

³ Казаринов И. А. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 63.

⁴ Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 86.

⁵ Джигирь А. И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 7–8.

⁶ Шубина В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 7–8.

⁷ Мирзоян В. Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 14.

соучастия в преступлении¹. А. С. Некоз присваивает подстрекательству статус элемента института соучастия, хотя и не именует его прямо субинститутом права². И. Е. Горемычкин, признавая соучастие в качестве полноценного института, указывает, что его субинститутом выступает организованная группа³.

В некоторых исследованиях утверждается, что множественность – субинститут уголовного права, входящий в более широкий институт преступления⁴, тогда как Г. С. Досаева оптимальным признает такое структурное оформление уголовно-правовых предписаний, определяющих правовые последствия совершения лицом двух и более преступлений, при котором его модель включает: а) институт понятия и видов множественности преступлений; б) субинститут назначения наказания при множественности преступлений⁵. Она же говорит о существовании субинститута сложного преступления. Образующие его предписания в структуре отрасли уголовного права «должны представлять собой своего рода «мостик», точки «входа и выхода», обеспечивающие системные взаимосвязи одного института (множественности) и с другим (преступления)»⁶. В рассуждениях о множественности Е. А. Жарких приходит к выводу о том, что самостоятельным институтом уголовного права выступает рецидив преступлений⁷.

Весьма произвольно определяется институциональная природа норм, регулирующих вопросы уголовного наказания. И. А. Архенголец, признавая наказание и иные меры уголовно-правового характера одним из институтов

---

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 86.

² Некоз А. С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 48.

³ Горемычкин И. Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 117.

⁴ См., например: Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. 2-е изд. СПб.: Издание профессора Малинина, 2008. С. 220 (автор главы – Ю. Е. Пудовочкин).

⁵ Досаева Г. С. Структура института множественности преступлений: состояние и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 4. С. 54–63.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Жарких Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.

Общей части уголовного права, указывает, что его субинститутами выступают: виды освобождения от уголовной ответственности, виды наказаний, виды освобождения от наказания, виды освобождения от отбывания наказания, погашение или снятие судимости (при этом, однако, судимость одновременно презентуется ею и как подинститут, подчиненный институту наказания, и как самостоятельный уголовно-правовой институт)¹. В то же время С. А. Бражникова признает самостоятельным уголовно-правовым институтом предписания относительно отягчения наказания², а А. А. Мясников полагает таковым предписания относительно смягчения уголовного наказания³.

Нет единства взглядов и на природу нормативных предписаний об освобождении от ответственности.

О. Н. Кузьмина, признавая освобождение от уголовной ответственности сложным межотраслевым институтом, выделяет в нем субинституты, описывающие тот или иной вид освобождения от ответственности⁴. А. В. Ендольцева и А. Г. Антонов, при той же исходной посылке, придают статус субинститута только предписаниям Особенной части УК РФ, устанавливающим специальные основания освобождения от уголовной ответственности⁵. И. В. Орехов признает субинститутом уголовного права предписания об уголовной ответственности несовершеннолетних⁶.

---

¹ Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 61, 63.

² Бражникова С. А. Институт отягчения наказания при его назначении в пределах санкции уголовного закона (по материалам судебной практики Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

³ Мясников А. А. Институт смягчения наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

⁴ Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 9.

⁵ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 21; Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013. С. 11.

⁶ Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 38, 41.

Обращение к литературным источникам в контексте описания субинститутов Особенной части уголовного права свидетельствует о еще большей неопределенности в их понимании. При этом обращает на себя внимание тот факт, что проблемы институциональной и (или) субинституциональной природы тех или иных нормативных правовых предписаний Особенной части уголовного права, как правило, вообще остаются за рамками исследовательского внимания.

Категория «институт» весьма неохотно используется исследователями. Хотя в отдельных работах упоминается об институте религиозных преступлений¹, институте хозяйственных преступлений², институте неосторожных преступлений против жизни³, институте преступлений в области инновационной деятельности⁴, само это упоминание лишено сколько бы то ни было серьезного теоретического обоснования, а внутренняя структура института вовсе не исследуется, вопрос о наличии в них субинститутов не ставится.

В обобщенном виде постановка вопроса о субинститутах Особенной части также встречается крайне редко. Один вариант был предложен Ю. Е. Пудовочкиным. Понимая под институтом Особенной части группу предписаний, которые выделяются на основе глав кодекса, он указывает, что в рамках института субинституты Особенной части формируются «в соответствии с разработанной в науке классификацией преступлений определенного вида»⁵.

Принципиально иное решение вопроса было предложено С. А. Елисеевым. Он считает, что нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений, имеющие один и тот же

---

¹ Беспалько В. Г. Институт религиозных преступлений в уголовном праве Российской Империи (XVIII – начало XX в.) // Публичное и частное право. 2015. № 2 (26). С. 81–100.

² Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005.

³ Ханахок С. М. Институт уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

⁴ Некрасов В. Н. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере инновационной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

⁵ Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 86–87.

родовой объект уголовно-правовой охраны (личность, экономика, общественная безопасность и общественный порядок, нормальное функционирование государственной власти, порядок прохождения военной службы, мир и безопасность человечества), образуют институты Особенной части. При этом, отмечает автор, большинство институтов Особенной части состоит из подинститутов. «Подинституты образуют нормы, имеющие один и тот же видовой объект уголовно-правовой охраны. Так, институт преступлений против личности включает в себя такие подинституты, как преступления против жизни; преступления против здоровья; преступления против личной свободы; преступления против чести и достоинства личности; преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина; преступления против несовершеннолетних; преступления против семьи»¹.

Такой же точки зрения придерживается В. П. Бодаевский, только применительно к системе воинских преступлений: «институты системы военного уголовного права целесообразно изложить в отдельных разделах УК РФ, а субинституты, соответственно, в главах»².

Схожий, хотя и неточный с нормативной точки зрения, вариант предложен в работе по теории права, авторы которой в рамках уголовно-правового института «преступлений против жизни, здоровья и достоинства личности» выделяют «субинституты преступлений против жизни (его составляют различные нормы, предусматривающие ответственность за убийства), против здоровья (ответственность за различные телесные повреждения) и против достоинства личности (нормы, содержащие санкцию за клевету, оскорбление)»³. С аналогичных позиций И. В. Орехов признает

---

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л. М. Прокументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 10–11.

² Бодаевский В. П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 140.

³ Шабуров А. С., Жайкбаев Ж. С. Теория государства и права: учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 199–200.

субинститутом уголовного права предписания о преступлениях против собственности¹.

Оценивая итоги проведенного контент-анализа 25 научных работ, представляется возможным сделать несколько значимых промежуточных выводов:

- в доктрине уголовного права нет устоявшихся, господствующих представлений о видах и номенклатуре субинститутов уголовного права, что закономерно обусловлено отсутствием универсального (общепринятого) решения вопроса институционального строения отрасли;

- в литературе оформилось два основных подхода к решению вопроса субинститутов уголовного права: с одной стороны, обособление субинститутов уголовного права не всегда основывается на объективной системе уголовного законодательства, являя собой по большей части субъективный взгляд на проблемы оптимизации внутреннего структурирования отрасли уголовного права; с другой стороны, в противоположность этому, наличествует подход, по сути «подгоняющий» теоретические рассуждения об институтах и субинститутах уголовного права к внешне объективированной системе уголовного закона;

- специфическая позиция научной школы «Институциональные основы уголовного права РФ» состоит в том, что она практически не использует категорию «субинститут», оперируя по преимуществу категорией «основной институт» и развивая тем самым идеи ее основателя профессора В. П. Коняхина о том, что субинститут есть лишь часть статьи уголовного закона, которая пока еще не оформлена юридико-технически в качестве основного института на уровне самостоятельной структурной единицы кодекса.

Сложившаяся ситуация с теоретической и практической точки зрения едва ли может быть оправдана. Вместе с тем она является естественным

---

¹ Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 41.

продолжением общетеоретической неопределенности в решении вопроса о строении системы права.

В общей теории права, как известно, имеется два основных подхода к пониманию проблемы структурирования права. Условно их можно назвать субъективный и объективный.

Первый (субъективный) исходит из того, что система права – это результат субъективного восприятия и отражения правовой действительности. В рамках этого подхода система права понимается по-разному. С одной стороны, она может трактоваться в качестве итога научного познания права. Например, В. К. Райхер прямо указывал, что «система права есть научная конструкция. Она принадлежит к числу классификационных структур, систематизирующих явления природы или общества, отражающих связь и соотношение этих явлений, их виды и разновидности... Возможность разных вариантов системы права обусловлена тем, что правовые нормы могут систематизироваться по разным своим признакам, а также тем, что возможны вариации даже в отношении одного и того же признака»¹. Аналогичной позиции придерживаются и иные авторы². С другой стороны, субъективизм в структурировании системы права усматривается в том, что право есть результат волевой деятельности законодателя, который по своему усмотрению не только наполняет конкретным содержанием, но и формирует систему права, обособляет в ней отдельные структурные единицы.

Второй подход (объективный) исходит из того, что право как система представляет собой не итог научного познания, но лишь его объект, который находится вне сознания познающего лица³. «Объективный смысл права, – пишет А. Г. Бережнов, – сам по себе независим от его специально-

---

¹ Райхер В. К. О системе права // Правоведение. 1975. № 3. С. 68.

² Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 114–115; Проблемы общей теории права и государства: Учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008. С. 334.

³ Головина А. А. «Объективные» и «субъективные» аспекты системы права и критериев отраслеобразования // Адвокат. 2011. № 7. С. 52–57.

субъективного понимания и даже от признания или отрицания такового вообще, ибо такого рода субъективные проявления в принципе ничего в объективном, подлинном смысле права все равно не меняют»¹. Этот подход также не является монохромным, предлагая различные варианты понимания объективных оснований системы права, усматривая их в системе экономических, социальных отношений, функциональном назначении права, правосознании и т.д.².

Диалектика этих подходов к пониманию структуры и системы права ясна, как и совершенно понятно основное противоречие, порожденное ею. Оно хорошо выражено в вопросе Д. М. Азми: «Если система права объективная, не носит «рукотворного», зависящего от воли субъекта характера, то почему существует столько споров о ее надлежащем (ненадлежащем) восприятии?»³.

Представляется, что, как и во многих иных ситуациях, связанных с познанием права, субъективный и объективный подходы к пониманию структуры и системы права являются крайними и уже только в силу этого не вполне точными.

Опрос специалистов подтвердил и разброс мнений по данной проблеме, и ее неоднозначность. Так, 38% респондентов признали, что субинститут является объективным элементом структуры уголовно-правового института; 26% назвали его результатом теоретического (субъективного) анализа структуры уголовно-правового института; 36% указали, что он является итогом субъективного отражения объективно существующей структуры уголовно-правового института.

Право – феномен объективный в том смысле, что оно всегда соответствует конкретно-историческим условиям функционирования

---

¹ Бережнов А. Г. «Объективное» и «субъективное» в контексте теоретико-методологических проблем правопонимания // Теоретико-методологические проблемы права / под ред. М. Н. Марченко. Вып. 2. М.: Зерцало-М, 2007. С. 120, 121.

² См. подробнее: Карпицкий Н. Н. Объективные основания системы права // Научный диалог. 2014. № 7 (31): Экономика. Право. С. 96–105.

³ Азми Д. М. Правовая структуризация и систематика. М.: Юстицинформ, 2010. С. 97.

общества, его экономики, социальных отношений и т.д., обусловлено ими и отвечает задачам их оптимального регулирования, поддержки и развития. При этом оно есть все же «рукотворный продукт законодателя», результат деятельности конкретных людей и их ассоциаций, и в силу этого опосредовано их субъективными оценками и представлениями о должном.

Структура и система права в целом и отдельных его отраслей в этом случае является результатом субъективного отражения объективной реальности, причем не только в части ее конкретного содержания, но и в части системных свойств, присущих этой реальности. Система права – субъективное отражение в правотворческой деятельности системных свойств общественных отношений как объекта правового регулирования. Однако будучи итогом субъективного отражения законодателя, система права в то же время выступает началом научного познания, его специальным объектом. Система права как объективно данный исследователю феномен – это итог субъективной (но не волюнтаристской) законодательной практики. И в этой связи научные представления о системе права являют собой итог «двойного субъективного отражения»: отражения в сознании научного работника результатов отражения в сознании законодателя системных свойств объекта правового регулирования. Как верно отмечают специалисты, «системность права представляет двустороннее единство субъективных и объективных моментов в своей интерпретации как научной конструкции»¹.

По этой причине расхождения в научной среде относительно понимания системы права в целом, строения отдельных ее отраслей, а следовательно, и понимания интересующих нас субинститутов уголовного права вполне закономерны и оправданны. Вместе с тем, чтобы субъективные научные представления не превращались в произвольные решения, требуются некоторые исходные, базовые принципы научного познания. Не претендуя на всесторонний анализ этой объемной теоретической темы,

---

¹ Система советского законодательства / отв. ред. И. С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1980. С. 43; Воронин М. В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Ученые записки Казанского ун-та. 2014. Т. 156, кн. 4 Гуманитарные науки. С. 26–34.

заметим, что, по нашему мнению, к таковым (применительно к теме настоящего исследования) следует относить:

- недопустимость ориентации исключительно на структуру уголовного закона при определении структурных единиц системы уголовного права, поскольку структурирование закона предопределяется не только объективными свойствами системы права, но и иными факторами юридико-технического порядка, в том числе связанными с удобством составления и использования законодательного акта;

- недопустимость произвольного игнорирования структуры уголовного закона, поскольку отраженная в нем субъективная оценка законодателем системы общественных отношений и системы их правового регулирования становится по отношению к исследователю фактом объективной реальности;

- субинституты уголовного права не получают внешнего оформления на уровне самостоятельной единицы структуры текста УК РФ; минимальной единицей текста УК РФ, объединяющей несколько нормативных правовых предписаний, выступает глава закона, а связка «глава закона – институт права» признается господствующей (хотя и не строго соблюдаемой) в научной и законотворческой практике (для субинституты, таким образом, в УК РФ нет формально обособленной единицы внешнего выражения);

- обособление субинституты уголовного права должно происходить не только на основе анализа архитектоники законодательного акта, но и на основе анализа содержания той или иной группы нормативных предписаний, их связи с иными положениями закона и их функций в системе правового регулирования.

Субинституты по природе своей могут быть выделены только в составе сложных правовых институтов уголовного права. Это обстоятельство с необходимостью предполагает обращение к анализу институционального строения отрасли уголовного права и феномену сложного института. Данные проблемы могут составить предмет отдельного исследования. Для раскрытия

нашей темы полагаем возможным высказать лишь несколько принципиальных позиций на этот счет.

Первое. Тезис о том, что институт уголовного права находит внешнее оформление в главе УК РФ является общепризнанным и верным. В этом отношении нам сложно согласиться с представленным выше мнением С. А. Елисеева и иных авторов, усматривающих институт Особенной части уголовного права в разделе кодекса, а в его главах – субинституты. Этот тезис верен только в качестве общей посылки. В реальности единение содержания и формы правового института имеет место далеко не всегда. В первую очередь это касается институтов Особенной части уголовного права.

Представляется, что далеко не во всех ситуациях глава Особенной части УК РФ выражает собой отдельный институт уголовного права. В силу юридико-технических (субъективных) обстоятельств законодатель может объединить в рамки одной главы закона несколько самостоятельных институтов. Глава в этом случае служит внешней формой выражения не института, но ассоциации двух (или более) самостоятельных институтов. Например, глава 16 УК РФ включает институт преступлений против жизни и институт преступлений против здоровья, глава 17 УК РФ – институт преступлений против свободы и институт преступлений против чести и достоинства личности и т.д. Критерием для вычленения институтов в структуре главы закона в данном случае выступает объект уголовно-правовой охраны. При этом маркером для определения количества самостоятельных объектов, охраняемых главой, является не только наименование главы, его стилистико-языковые особенности (в частности, использование соединительного союза «и» или приема перечисления объектов через запятую). В качестве маркера выступает, прежде всего, содержание охраняемых законом благ.

Типичный пример – глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Сам прием наименования – не преступления

«против», а преступления «в сфере» – не прошел мимо научной критики¹, справедливо полагающей, что «в сфере» экономической деятельности могут совершаться самые различные преступления, существенно различающиеся объектом посягательства. Отсюда и повышенное внимание специалистов к проблеме классификации экономических преступлений на основе признаков объекта.

Признавая ценность любого решения этой проблемы, полагаем в разрезе нашего исследования, что группа предписаний, охраняющих ту или иную область отношений в сфере экономической деятельности (или лучше – тот или иной вид экономических отношений), составляя относительно самостоятельную часть главы 22 УК РФ, не может восприниматься как субинститут преступлений – кредитных, налоговых, финансовых и т.п. (по этой причине нам сложно поддержать представленную выше позицию Ю. Е. Пудовочкина).

По своей сути такие ассоциации нормативных предписаний, демонстрирующие применение «стандартного» уголовно-правового метода к «стандартной» группе отношений, гораздо ближе к признакам самостоятельного правового института. И в этом смысле глава 22 УК РФ являет собой не один институт преступлений «в сфере» или «против» экономической деятельности, а ассоциацию нескольких самостоятельных уголовно-правовых институтов. В юридико-техническом отношении нет препятствий к тому, чтобы на ее основе создать несколько отдельных глав закона.

В качестве показательной, на наш взгляд, иллюстрации может служить в данном случае законодательство некоторых зарубежных стран. Как известно, в УК ФРГ отдельной структурной единицей закона выступают разделы о фальшивомонетничестве и подделке знаков оплаты, о мошенничестве и злоупотреблении доверием, об укрывательстве и скупке

---

¹ См., например: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов: СГАП, 1997. С. 16; Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002. С. 82.

краденого, о преступных деяниях, связанных с несостоятельностью, о деяниях против конкуренции¹.

В УК Китая глава о преступлениях, связанных с нарушением экономического порядка социалистического рынка, включает отдельные структурные единицы (параграфы) о преступлениях, связанных с производством и реализацией фальсифицированной и некачественной продукции, о контрабанде, о преступлениях, связанных с нарушением порядка руководства компанией, предприятием, о преступлениях, связанных с нарушением порядка финансовых операций, о преступлениях, связанных с финансовым мошенничеством, о преступлениях против порядка налоговых сборов, о преступлениях против интеллектуальной собственности, о преступлениях против рыночного порядка². Подобного рода институциональные решения представляются в большей степени оправданными с теоретической точки зрения и в лучшей степени отражающими объективный системный характер отношений в сфере экономической деятельности.

Второе. Изложенное относительно понимания института уголовного права и его соотношения с ассоциацией уголовно-правовых институтов требует уточнения вопроса о понятии сложного института. В литературе представлено мнение о том, что простые правовые институты не содержат в себе никаких других подразделений, а сложные правовые институты состоят из двух или более субинститутов, которые объединяет, прежде всего, вид общественных отношений, специфика частей которого связана, к примеру, со сферой деятельности, с изменением субъектного состава³. Представляется все же, что такое понимание не дает четких различий между сложным субинститутом и ассоциацией правовых институтов. Уточняя теоретическую

---

¹ См.: Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. Науч.-практ. комментарий и перевод текста закона П. В. Головненкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

² Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. М.: Контракт, 2017.

³ Киримова Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 97–134.

ситуацию, заметим, что сложный институт уголовного права вовсе не обязательно должен включать два или более субинститута и, более того, все содержание сложного правового института не может быть без остатка разделено на образующие его субинституты. Сложный институт вполне допускает присутствие в нем и одного субинститута. Обязательным признаком сложного правового института при этом выступает наличие того самого «нерастворимого остатка» – общих предписаний, общих положений, которые распространяются на все образующие институт предписания и которые не могут быть изъяты из него.

С учетом этих теоретических и методологических положений представляется возможным изложить собственное видение институциональной (как предпосылки) и субинституциональной (как цели исследования) структуры отрасли уголовного права.

Стоит, однако, отметить, что полная инвентаризация всего массива уголовно-правовых предписаний крайне затруднительна, в том числе по причине того, что она требует глубокого погружения в содержание уголовного законодательства. Прежде всего, это касается предписаний Особенной части уголовного права, где определение институтов непосредственно связано с процессами социального обоснования закона и пониманием законодательного выбора объектов уголовно-правовой охраны. По этой причине полагаем допустимым в рамках настоящего исследования сосредоточить основное внимание на субинститутах Общей части, высказав лишь некоторые соображения по поводу субинститутов части Особенной. При этом для удобства восприятия информации и экономии пространства текста диссертации выберем для демонстрации собственной позиции табличный вид презентации результатов исследования (см. табл. 2).

**Таблица 2. Институты и субинституты
Общей части уголовного права**

Главы УК РФ	Институты	Статьи УК РФ	Вид института	Субинституты
1 – АПИ ¹	Задачи УК РФ	1, 2	Простой	
	Принципы УК РФ	3 – 8	Сложный	Основание уголовной ответственности (ст. 8)
2 – АПИ	Действие УК РФ во времени	9, 10	Простой	
	Действие УК РФ по кругу лиц	11 – 13	Сложный	Выдача лиц, совершивших преступление (ст. 13)
3 – АПИ	Преступление	14, 15	Сложный	Судебное изменение оценки опасности преступления (ч. 2 ст. 14, ч. 6 ст. 15)
	Множественность преступлений	17 – 18	Простой	
4 – ПИ ²	Лица, подлежащие уголовной ответственности	19 – 23	Сложный	Ответственность лиц с измененным психическим статусом (ч. 3 ст. 20, ст. 22, 23)
5 – ПИ	Вина	24 – 28	Сложный	Невиновное причинение вреда (ст. 28)
6 – ПИ	Неоконченное преступление	29 – 31	Сложный	Добровольный отказ от преступления (ст. 31)
7 – ПИ	Соучастие в преступлении	32 – 36	Сложный	Ответственность соучастников (ст. 34, ч. 5 – 7 ст. 35, ст. 36)
8 – ПИ	Обстоятельства, исключающие преступность деяния	37 – 42	Простой	
9 – ПИ	Понятие и виды наказаний	43 – 59	Сложный	Дополнительные наказания (ст. 45) Замена наказаний (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1)
10 – АПИ	Общие правила назначения наказания	60 – 63, 72	Сложный	Исчисление сроков наказаний (ст. 72)
	Специальные правила назначения наказания	63.1 – 71, 72.1	Сложный	Сложение наказаний (ст. 71) Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1)
	Условное осуждение	73 – 74	Простой	
11 – ПИ	Освобождение от уголовной	75 – 78, 84	Сложный	Освобождение от ответственности в связи с

¹ Здесь в таблице «АПИ» – ассоциация правовых институтов.

² Здесь в таблице «ПИ» – правовой институт.

	ответственности			возмещением вреда (ст. 76.1) Освобождение от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2) Амнистия (ст. 84)
12 – ПИ	Освобождение от уголовного наказания	79 – 83, 85	Сложный	Помилование (ст. 85)
13 – ПИ	Судимость	86	Простой	
14 – ПИ	Уголовная ответственность несовершеннолетних	87 – 96	Сложный	Применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 – 92)
15 – ПИ	Принудительные меры медицинского характера	97 – 104	Простой	
15.1 – ПИ	Конфискация имущества	104.1 – 104.3	Простой	
15.2 – ПИ	Судебный штраф	104.4 – 104.5	Простой	

Анализ показывает, во-первых, что жесткая теоретическая связка «институт уголовного права – глава УК РФ» является, скорее, идеалистической формулой, нежели фактом реальности. В ряде случаев в рамках одной главы кодекса законодатель объединяет несколько связанных друг с другом, но при этом вполне самостоятельных институтов. Вопрос об их самостоятельности, конечно, относится к разряду дискуссионных. Вместе с тем косвенным подтверждением нашей мысли могут служить предписания уголовного законодательства некоторых зарубежных стран. К примеру, УК Республики Беларусь и УК Республики Грузия в самостоятельной главе предусматривают положения относительно множественности преступлений¹; УК Киргизской Республики в отдельную главу обособил предписания о пробационном надзоре (аналоге российского института условного

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://clck.ru/32pCMb>; Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 [Электронный ресурс] // Законодательный вестник Грузии. Режим доступа: <https://clck.ru/33vDoq>.

осуждения)¹, в отдельной главе предписания об условном осуждении предусматривает УК ФРГ и УК Республики Грузия; УК ФРГ в самостоятельной главе определяет правила назначения наказаний при множественности преступлений, а УК Франции также в отдельных структурных единицах текста закона – о назначении наказания в случае совокупности преступлений и назначении наказания при рецидиве.

Отсутствие самостоятельной внешней формы выражения для соответствующих предписаний в российском законе может быть отнесено к разряду юридико-технических несовершенств и должно служить поводом для продолжения работы в направлении оптимизации закона. Не углубляясь в эту тему, отметим только одно применительно к предмету нашего исследования. Отсутствие внешней формы обособления предписаний о множественности и условном осуждении не должно создавать иллюзий относительно того, что таковые предписания образуют субинститут в составе более крупного и сложного института. Самостоятельные предметно-функциональные параметры этих предписаний, на наш взгляд, вполне очевидные, допускают их признание институтами уголовного права.

Во-вторых, стоит обратить внимание, что значительная часть (13 из 22) выделенных нами институтов Общей части уголовного права относятся к категории сложных, включающих в свой состав один или несколько субинститутов. Это явление вполне оправданно, учитывая, что предписания Общей части призваны урегулировать уголовно-правовые отношения «сквозным» образом и при этом обеспечить регламентацию специфических направлений выполнения тех или иных уголовно-правовых функций в той или иной нетипичной ситуации.

Именно эта «нетипичность» в «типичном» – потребность в сквозной регламентации некоторых особых ситуаций – и служит логической основой для обособления в структуре сложных институтов отдельных субинститутов:

---

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 года № 127 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. Режим доступа: <https://clck.ru/ZAXEg>.

- в типичной ситуации все лица, совершившие преступление в рамках юрисдикции РФ, подлежат ответственности по УК РФ, но в некоторых ситуациях возможна их выдача иностранному государству;

- в типичной ситуации опасность преступления подтверждается фактом криминализации и законодательной оценкой этой опасности, но в некоторых ситуациях допустима судебная корректировка законодательной позиции;

- в типичной ситуации все вменяемые лица несут ответственность по УК РФ на общих основаниях, но в некоторых ситуациях они требуют специального подхода;

- в типичной ситуации за одно преступление должно назначаться одно наказание, в нетипичных – допускается применение дополнительных наказаний;

- в типичной ситуации назначенное наказание должно быть отбыто виновным, в нетипичных ситуациях уклонения от отбывания наказания – допускается его замена иным, более строгим видом;

- в типичной ситуации каждое наказание должно быть исполнено с момента вступления в силу приговора суда, в нетипичных – требуется зачет времени, проведенного под стражей и сложение различных видов наказаний;

- в типичных ситуациях освобождение от ответственности – безусловное и усмотрительное, в нетипичных – может быть условным и императивным;

- нетипичными для уголовного права ситуациями следует признать также отсутствие вины и добровольный отказ от преступления.

В итоге все субинституты Общей части уголовного права могут восприниматься в качестве предписаний, уточняющих, развивающих, исключаящих, дифференцирующих выполнение соответствующим сложным институтом его социально-правового предназначения – устанавливать общие основания и пределы уголовной ответственности.

Аналогичные функции прослеживаются и при анализе субинститутов Особенной части уголовного права. Рассмотрим структуру некоторых, наиболее востребованных практикой институтов (см. табл. 3).

**Таблица 3. Некоторые институты и субинституты
Особенной части уголовного права**

Главы УК РФ	Институты	Статьи УК РФ	Вид института	Субинституты
16 – АПИ	Преступления против жизни	105 – 110.2	Сложный	Освобождение от ответственности (примечание к ст. 110.2)
	Преступления против здоровья	111 – 125	Сложный	Согласие потерпевшего (примечание к ст. 122)
17 – АПИ	Преступления против свободы	126 – 127.2	Сложный	Освобождение от ответственности (примечание к ст. 126, 127.1)
	Преступления против чести и достоинства	128.1	Простой	
18 – ПИ	Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы	131 – 135	Сложный	Насильственные половые преступления против лиц, не достигших возраста 12 лет (примечание к ст. 131)
19 – АПИ	Преступления против личных прав и свобод	136 – 139, 148	Простой	
	Преступления против политических прав и свобод	140 – 142.2, 149	Простой	
	Преступления против социально-экономических прав и свобод	143 – 147	Сложный	Освобождение от ответственности (примечание к ст. 145.1)
20 – ПИ	Преступления против семьи и несовершеннолетних	150 – 157	Сложный	Освобождение от ответственности (примечания к ст. 151, 157)
21 – АПИ	Хищения	158 – 161, 164	Сложный	Мелкое хищение (ст. 158.1) Мошенничество (ст. 159 – 159.6)
	Иные преступления против собственности	162, 163, 165 – 168	Простой	

Здесь так же, как и в ситуации с институтами Общей части уголовного права, анализ свидетельствует о том, что в главах УК РФ нередко объединяется несколько уголовно-правовых институтов, что опять же можно косвенно подтвердить итогами сравнительного исследования. В УК Киргизской Республики и УК Республики Грузия, например, институт преступлений против жизни и институт преступлений против здоровья обособлены в самостоятельные главы (кроме того, здесь оформлен самостоятельный институт преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека, в УК Киргизской Республики – дополнительно институт преступлений в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности). В законе Киргизии группа нормативных правовых предписаний об ответственности за преступления против личной свободы также самостоятельно институционализована. В УК ФРГ в отдельных главах сосредоточены предписания, определяющие ответственность за посягательства на политические (избирательные) права граждан, личные права (нарушение тайн), преступления против религии и мировоззрения, преступные оскорбления. В УК Франции в отдельную главу выделены посягательства на достоинство личности.

Что касается субинститутов Особенной части российского уголовного права, то в рассматриваемой нами части все они подчинены единой задаче – обеспечить надлежащее разграничение уголовной ответственности за соответствующий вид преступлений. Этому посвящены как субинституты специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, так и субинституты, дифференцирующие ответственность за некоторую группу преступлений (например, хищения или ненасильственные половые преступления против лиц, не достигших возраста 12 лет).

Представленный взгляд на содержание субинститутов Особенной части уголовного права (пусть и неполный в силу отмеченных выше исследовательских ограничений) позволяет подтвердить высказанную в предшествующем изложении мысль о том, что формирование

функциональных поощрительных субинститутов в рамках предметных карательных институтов Особенной части уголовного права составляет ведущую закономерность развития структурных компонентов отрасли.

Подводя итоги исследованию вопроса о номенклатуре субинститутов уголовного права России, представляется возможным сформулировать несколько основных выводов:

- обоснование наличия субинститутов в структуре сложного уголовно-правового института должно базироваться на прочных теоретических представлениях о взаимосвязи объективного и субъективного в структурном строении права вообще и уголовного права в частности; структурные единицы системы уголовного права являются итогом субъективного, опосредованного правовым и политическим сознанием отражения законодателем объективных потребностей и направлений уголовно-правового регулирования, в то же время система уголовного права выступает объективно данным исследователю феноменом, познание которого также опосредуется субъективными исследовательскими и мировоззренческими установками;

- исходя из этого, в определении субинституциональной природы тех или иных предписаний недопустимо как ориентироваться исключительно на структуру уголовного закона, так и игнорировать ее; обособление субинститутов уголовного права, исходя из правила приоритета содержания над формой, должно происходить не только на основе анализа архитектоники законодательного акта, но и на основе анализа содержания той или иной группы нормативных предписаний, их связи с иными положениями закона и их функций в системе правового регулирования;

- в рамках Общей части уголовного права субинститутами следует признать группы предписаний, которые регламентируют: основание уголовной ответственности (ст. 8), выдачу лиц, совершивших преступление (ст. 13), судебное изменение оценки опасности преступления (ч. 2 ст. 14, ч. 6 ст. 15), ответственность лиц с измененным психическим статусом (ч. 3 ст. 20,

ст. 22, 23), невиновное причинение вреда (ст. 28), добровольный отказ от преступления (ст. 31), ответственность соучастников (ст. 34, ч. 5 – 7 ст. 35, ст. 36), дополнительные наказания (ст. 45), замену наказаний (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1), исчисление сроков наказаний (ст. 72), сложение наказаний (ст. 71), назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1), освобождение от ответственности в связи с возмещением вреда (ст. 76.1), освобождение от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), амнистию (ст. 84), помилование (ст. 85), применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 – 92); в рамках Особенной части уголовного права субинститутами следует признать, прежде всего, группы нормативных предписаний, которые регламентируют правила дифференциации уголовной ответственности за те или иные виды преступлений;

- полная инвентаризация субинститутов российского уголовного права блокируется недостаточной разработанностью вопроса относительно его институционального строения, отсутствием консенсуса по этому поводу в науке и наличием существенных перспектив для оптимизации нормативного оформления уголовно-правовых предписаний в структуре уголовного кодекса.

3.2. Перспективы развития субинститутов уголовного права

Изучение любых подчеркнуто теоретических аспектов уголовного права (предмета и методов, системы, строения уголовно-правовых норм и т.п.) никогда не является самоцелью. Развитие теории с необходимостью призвано способствовать оптимизации практики правового регулирования уголовно-правовых отношений. В этом суть диалектического подхода к правовым исследованиям, допускающего, среди прочего, признание практики критерием истинности теоретического знания. Общее понимание

субинститутов уголовного права, представленное в предшествующем изложении, в данном случае не является исключением. Оно выступает исходной теоретической платформой для оценки современного состояния уголовного закона и разработки перспективных рекомендаций по его совершенствованию. Разработка таких рекомендаций при этом также не может рассматриваться в качестве самоцели научного исследования. В соединении теоретического понимания субинститутов уголовного права и их модельного нормативного проектирования должны усматриваться более отдаленные цели – повышение эффективности уголовно-правового регулирования и стимулирование условий для оптимального достижения задач уголовного права. В этом контексте рекомендации по совершенствованию уголовного закона не могут основываться только на разработанной теории субинститутов уголовного права, но должны учитывать и более широкий контекст действий уголовного права. Другое дело, что и сам контекст, и рекомендации, и эффективность уголовного права должны быть помещены в фокус учения о субинститутах и исследоваться именно с позиций того, как субинституциональное строение отрасли может способствовать развитию уголовного права.

Приступая к решению задач, связанных с установлением перспектив развития субинститутов уголовного права, необходимо сделать одну важную оговорку. Должно быть очевидным, что представить направления совершенствования содержания и формы всех без исключения уголовно-правовых субинститутов в рамках одного исследования не представляется возможным. И дело не только в объективно и разумно ограниченном объеме научной работы и реальных возможностях одного исследователя. Дело еще и в том, что масштабная ревизия всех субинститутов уголовного права требует не только их четкого обособления и позиционирования (что, как отмечалось, является крайне сложной для выполнения задачей), но и глубокого профессионального проникновения в существо регулируемых каждым из субинститутов общественных отношений, его социальные основания,

содержание внутриотраслевых и межотраслевых связей и т.д. Полагаем, что столь ответственная задача требует специальной организации научного исследования. По этой причине позволим себе в рамках настоящей диссертации обосновать соображения по поводу перспектив развития лишь некоторых из субинститутов уголовного права, демонстрируя на основе данного материала возможные направления (векторы) критического анализа любого из них. В этом отношении диссертация может восприниматься не как учение о том, какими должны быть субинституты уголовного права, а как представление о том, как они должны выглядеть.

При этом важно подчеркнуть, особенно в контексте нашей темы, что обсуждение проблем совершенствования нормативной основы уголовно-правового противодействия преступлениям закономерно включает два компонента: оптимизацию содержания нормативных предписаний и оптимизацию формы их представления в структуре уголовного закона. Формой пренебрегать нельзя. Содержание и форма находятся в диалектическом единстве. Как известно, содержание оформлено, форма содержательна. Содержание первично в смысловом отношении и форма должна ему соответствовать, т.е. быть адекватной. Но форма не только вторична и консервативна, она активно воздействует на содержание в том смысле, что обеспечивает лучшие или худшие условия его существования, а также способствует или препятствует его развитию¹. С учетом общей направленности настоящей диссертации полагаем вполне уместным и оправданным акцентировать внимание именно на втором из выделенных компонентов – влиянии формы представления нормативных предписаний на их содержание и качество уголовно-правового регулирования в целом.

Проведенное исследование показывает, что повышения эффективности уголовно-правового регулирования отношений, возникающих в связи с

---

¹ Об этих аспектах теории права см. подробнее, например: Авраменко Л. В. Значение категорий «сущность», «содержание» и «форма» в формулировании понятия права // Проблемы законности. 2014. № 125. С. 41–50; Погодин А. В. Принципы исследования содержания права // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2010. Т. 152, Кн. 4. С. 19–27; Лановая Г. М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. 2010. № 6. С. 25–27.

фактом совершения преступления, можно ожидать, как минимум, от трех направлений оптимизации формы субинститутов уголовного права:

1) юридико-техническое оформление субинститутов на основе имеющихся повторяющихся нормативных предписаний;

2) повышение регуляторных возможностей права посредством использования субинститутов;

3) повышение институционального статуса нормативных предписаний и трансформация субинститута в полноценный институт уголовного права. Рассмотрим их подробнее.

1. Юридико-техническое оформление субинститутов на основе имеющихся повторяющихся нормативных предписаний.

Одним из направлений оптимизации внешней формы выражения уголовно-правовых предписаний может служить их оформление в качестве субинститута. Показательной иллюстрацией потенциальных возможностей такой корректировки закона выступает система квалифицирующих признаков преступлений.

Вопрос о месте в структуре уголовного права предписаний, содержащих указание на квалифицирующие признаки преступлений и дифференцирующих ответственность виновного лица, является одновременно и важным, и слабо разработанным. Вместе с тем есть некий консенсус относительно того, что квалифицирующие признаки относятся к специфической группе признаков состава преступления¹. Отсюда вполне логично, что предписания закона, содержащие квалифицированные составы преступлений, рассматриваются как составная часть того правового института, который образован предписаниями, определяющими признаки основного состава преступления. Описание основного и квалифицированного составов преступлений в одной статье служит в данном

---

¹ См.: Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 165–181.

случае важным техническим приемом, подчеркивающим единство институциональной природы рассматриваемых нормативных предписаний.

В то же время в науке столь же консенсуально мнение о том, что функциональное назначение квалифицирующих признаков состава преступления принципиально отличается от функций основного состава. Если основной состав указывает на основание уголовной ответственности, отграничивая преступное от не преступного и преступное между собой, то квалифицирующие признаки призваны обеспечить надлежащую дифференциацию уголовной ответственности за преступления одного рода или вида.

Различие функций нормативных предписаний, определяющих признаки основного и квалифицированного составов преступлений, закономерно ставит вопрос о единстве их институциональной природы. В доступной научной литературе встретилось два варианта решения проблемы.

Первый предложен В. П. Коняхиным. В рамках созданной им на основе степени нормативного обобщения «вертикальной» классификации уголовно-правовых институтов части статьи признаются субинститутом «основного института», отраженного на уровне статьи закона¹. Отталкиваясь от этой идеи, надо признать, что части статьи Особенной части УК РФ, содержащие квалифицирующие признаки составов преступлений, образуют субинститут. Но при этом квалифицирующие признаки, относящиеся к разным составам преступлений в пределах одной главы УК РФ, не объединяются в более крупное образование – субинститут «видового института», отраженный на уровне главы кодекса.

Второй вариант разработан Т. А. Лесниевски-Костаревой. Автор последовательно аргументирует тезис о наличии в структуре отрасли уголовного права самостоятельного функционального института квалифицирующих признаков, который «нельзя полностью отнести ни к

---

¹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 172.

институтам Общей, ни к институтам Особенной части уголовного закона». Это, утверждает она, «комплексный институт, который «накладывается» на ряд предметных институтов Особенной и Общей части уголовного закона»¹.

Сознавая, что критика любой научной позиции должна учитывать методологические основания теоретических построений ее авторов, заметим все же, что изложенные суждения можно отнести к категории «крайних». С одной стороны, квалифицирующие признаки жестко связываются институционально с конкретной статьей уголовного закона, с другой стороны, все без исключения квалифицирующие признаки объединяются в рамки одного единственного правового института.

На наш взгляд, истина, как всегда, посередине. Нормативные предписания, дифференцирующие ответственность за определенный род (или вид) преступлений, должны оставаться в пределах «материнского» уголовно-правового института. Объединение всех таких предписаний в масштабах всего кодекса едва ли мыслимо, учитывая их ограниченный предмет регулирования. В то же время если какие-то нормы распространяются на все уголовно-правовые отношения в целом, имеют сквозной характер, то законодателю целесообразно на их основе создавать отдельные институты Общей части уголовного права. Однако и ограничивать сферу действия дифференцирующих нормативных предписаний с квалифицирующими признаками исключительно рамками отношений, урегулированных конкретной статьей, также нецелесообразно. Функция таких предписаний вполне универсальна и распространяется на отношения, урегулированные несколькими статьями закона, то есть, по сути, на отношения, составляющие предмет института уголовного права.

Весьма наглядно эти особенности можно представить, проведя анализ содержания квалифицирующих признаков некоторых групп преступлений.

---

¹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. С. 165.

Так, например, преступления против жизни и здоровья имеют вполне устойчивый повторяющийся набор квалифицирующих признаков (см. табл. 4), к которым относится совершение преступления в отношении двух или более лиц, в связи со служебной или общественной деятельностью потерпевшего, в отношении беременной женщины или беспомощного лица, из хулиганских или экстремистских побуждений, совершенные в составе преступных групп.

Таблица 4. Квалифицирующие признаки преступлений против жизни и здоровья

Содержание квалифицирующего признака	Статьи УК РФ					
	105	110	110.1	111	112	115
двух или более лиц	+	+	+	+	+	
лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга	+			+	+	
малолетнего или иного лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии	+	+	+	+	+	
женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности	+	+	+			
совершенное с особой жестокостью	+			+	+	
совершенное общеопасным способом	+			+		
по мотиву кровной мести	+					
совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой	+	+	+	+	+	
из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом	+			+		
из хулиганских побуждений	+			+	+	+
с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера	+					
по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы	+			+	+	+
в целях использования органов или тканей потерпевшего	+			+		

Аналогичная ситуация наблюдается при анализе преступлений против собственности (см. табл. 5). Совершение преступления в составе преступных групп, причинение потерпевшему значительного ущерба, хищение в крупном или особо крупном размере – устойчиво повторяющиеся квалифицирующие

признаки.

Таблица 5. Квалифицирующие признаки хищений

Содержание квалифицирующего признака	Статьи УК РФ					
	158	159	160	161	162	163
группой лиц по предварительному сговору	+	+	+	+	+	+
с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище	+			+	+	
с причинением значительного ущерба гражданину	+	+	+			
из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем	+					
с незаконным проникновением в жилище	+			+	+	
из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода	+					
в крупном размере	+	+	+	+	+	+
с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств	+					
организованной группой	+	+	+	+	+	+
в особо крупном размере	+	+	+	+	+	+

Можно привести и иные примеры, обращаясь к преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности, против несовершеннолетних, против порядка экономической деятельности и т.д. Это вполне объяснимый факт: единство объекта в определенных группах преступных посягательств, близость или тождество механизма причинения ему вреда, единый в своих основных характеристиках вред – все это и ряд иных факторов оправдывают применение законодателем близких по содержанию или тождественных средств дифференциации уголовной ответственности.

Однако используемый законодателем юридико-технический прием изложения подобных квалифицирующих признаков не может быть признан оптимальным. Во-первых, он существенным образом «утяжеляет» уголовный закон, который вынужденным образом содержит массу повторяемых нормативных предписаний. Происходит удвоение, утроение и т.д. нормативного правового материала, которое сложно оправдать удобством применения закона. Во-вторых, создает, пожалуй, неизбежные сложности с упорядочением и систематизацией квалифицирующих признаков. Полагаем, например, что нет разумных криминологических обоснований отсутствия

квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба гражданину» в составе грабежа, разбоя или вымогательства, равно как нет оснований для отказа от дифференциации ответственности за причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью беременной женщине. Равно как нет оснований для того, чтобы одному и тому же признаку придавать квалифицирующее значение при совершении одних преступлений и особо квалифицирующее – при совершении других (например, совершение преступления в отношении двух или более потерпевших является квалифицирующим признаком причинения средней тяжести вреда здоровью и особо квалифицирующим – при причинении тяжкого вреда здоровью). В-третьих, это порождает известную проблему учета квалифицирующих признаков, которые содержатся в разных частях одной статьи.

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» на этот счет содержится предписание: «В случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями статей 158, 161 или 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой предусмотрено более строгое наказание. При этом в описательной части приговора должны быть приведены все квалифицирующие признаки деяния»¹. Этому положению практика придает универсальное значение. Вместе с тем однозначно согласиться со справедливостью решения, при котором учет различных по степени влияния на наказание признаков будет осуществляться исключительно в пределах судебного усмотрения при индивидуализации наказания, вряд ли возможно.

Оправданным способом разрешения указанных проблем может стать изменение взгляда на институциональную природу квалифицирующих

---

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.

признаков. Полагаем, что есть достаточные основания к тому, чтобы признать нормативные предписания, содержащие «сквозные» квалифицирующие признаки, способные влиять на параметры ответственности за все преступления определенного рода (вида) в пределах того или иного уголовно-правового института, функциональным субинститутом. В этом случае юридико-техническим приемом их нормативного отражения в структуре уголовного закона может стать исключение таких признаков из конкретных составов преступлений и оформление отдельной статьи, содержащей описание таких признаков, их толкование и степень влияния на назначаемое судом наказание. Такой подход к конструированию уголовного закона был поддержан 42% опрошенных нами специалистов.

Именно об этом писала Т. А. Лесниевски-Костарева, правда, с оговоркой о принципиально ином понимании институциональной природы квалифицирующих признаков. Она отмечала, что «концентрация правового материала наводит на мысль о необходимости излагать традиционным способом в частях статей Особенной части лишь «единичные», характерные для отдельных видов преступлений квалифицирующие признаки. В главах Особенной части можно выделить блоки, устойчивые сочетания признаков, типичных для преступлений с единым родовым объектом. Они могут быть предусмотрены в отдельных статьях, частях статей, в начале глав Особенной части»¹.

Похожий (хотя и не тождественный) прием использован в законодательстве некоторых зарубежных стран. Так, например, § 176 b Уголовного уложения ФРГ определяет квалифицирующий признак (причинений по грубой неосторожности смерти) сразу к двум преступлениям, предусмотренным в § 176 «Действия сексуального характера в отношении детей» и в § 176 a «Тяжкие действия сексуального характера в

---

¹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. С. 175.

отношении детей»¹. А в УК Швейцарии некоторые главы Особенной части содержат самостоятельный раздел «Общие положения», которые определяют условия дифференциации ответственности за преступления, предусмотренные данной главой².

Важная задача в данном случае – описать оптимальным образом степень влияния «сквозных» квалифицирующих признаков. Не углубляясь в решение проблемы по существу, отметим, что, на наш взгляд, здесь допустимо использовать прием, отраженный законодателем в ст. 68 УК РФ при конструировании правил назначения наказания за рецидив преступлений.

Преломляя теоретические выводы и зарубежный опыт к проблеме отражения в законе квалифицирующих признаков, думается, что повысить качество и эффективность закона можно, закрепив, например, в главе 16 УК РФ отдельную статью, в которой указать следующее:

«1. Если описанное в статьях настоящей главы преступление совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление с применением насилия, а равно если оно совершено в отношении: а) двух или более лиц; б) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; в) малолетнего, несовершеннолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии; г) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; д) из хулиганских побуждений, из корыстных побуждений или по найму, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, срок

---

¹ См.: Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. Науч.-практ. комментарий и перевод текста закона П. В. Головненкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

² Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

или размер наказания не может быть менее половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

2. Если описанное в статьях настоящей главы преступление совершено при наличии двух или более признаков, предусмотренных частью первой настоящей статьи, срок или размер наказания не может быть менее двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

Аналогичный прием может быть применен и при решении вопросов дифференциации ответственности за иные преступления. Формирование функционального субинститута «сквозных» квалифицирующих признаков обеспечит упрощение структуры уголовного закона и при этом будет способствовать оптимизации (системности и последовательности) разграничения уголовной ответственности.

2. Повышение регуляторных возможностей уголовного права посредством использования субинститутов.

Следующим направлением развития субинститутов уголовного права следует признать рост числа субинститутов и увеличение объема составляющих их нормативных правовых предписаний. Это обстоятельство напрямую связано с качеством уголовного закона, преодолением его пробельности и несогласованности.

Конституционный Суд РФ назвал эти два недостатка в числе наиболее существенно влияющих на конституционное качество законодательства. При этом под пробельностью регулирования было предложено понимать формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, включая неурегулированность отдельных материальных либо процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения, либо фактическое отсутствие должного, т.е. обеспечивающего эффективное

нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирования. Под несогласованностью регулирования орган конституционного судопроизводства понимает иные вызванные недостаточной юридико-технической проработкой дефекты нормотворчества, порождающие противоречия между нормами одной отрасли (внутренняя несогласованность) либо между нормами, принадлежащими к разным отраслям (внешняя несогласованность). При этом одним из наиболее частых примеров несогласованности регулирования Конституционный Суд РФ признал закрепление в законодательстве произвольных критериев дифференциации, влекущих необоснованные различия в правовом статусе принадлежащих к одной и той же категории субъектов и сообщающих нормативному регулированию признаки дискриминационности¹.

Безусловно, преодоление этих, а равно и иных недостатков уголовного закона должно быть связано с оптимизацией его содержания. Речь идет в данном случае не только о качественном преобразовании имеющихся предписаний, но также о создании новых законоположений в целях преодоления неполноты уголовно-правового регулирования. Увеличение объема нормативного материала субинститутов выступает при этом одним из важных аспектов нормотворческой практики.

В рассуждениях на эту тему не должно смущать то обстоятельство, что российский уголовный закон, по мнению многих отечественных специалистов, содержит массу избыточных предписаний², что во многом является отражением общего феномена «профицита закона»³. Не отрицая

---

¹ Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013—2015 годов): информация Конституционного Суда РФ Подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ. Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/33rhmM>.

² См. об этом, например: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 255; Парог А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 106–109.

³ См. об этом: Бочкарев М. В. Избыточность как нарушение меры нормативной правовой формы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 191–195; Зяблова Т. М. Избыточность законодательства: к постановке проблемы // Оригинальные исследования (ОРИС). 2019. № 5. С. 24–34; Сехин И. В. Правовой профицит как проблема правового регулирования // Пролог: журнал о праве /

факта такой избыточности, отметим все же, что она сама по себе не заслоняет и тем более не компенсирует недостаточности и пробельности. Избыточность и недостаточность – самостоятельные, непересекающиеся дефекты закона.

В теоретическом отношении наращивание регуляторных возможностей уголовно-правовых субинститутов и устранение несогласованности может осуществляться в трех основных направлениях. Первое состоит в распространении нормативных положений существующего субинститута на более широкий круг уголовно-правовых отношений. Второе – в наполнении существующего субинститута дополнительными нормативными предписаниями для повышения качества его регуляторного воздействия. Третье – в создании новых субинститутов.

Иллюстрацией возможностей экстенсивного роста регуляторных возможностей имеющегося субинститута может служить ситуация, сложившаяся в сфере дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности. В 2003 году Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» статья 122 УК РФ была дополнена примечанием, согласно которому лицо, совершившее деяния, предусмотренные частями первой или второй данной статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения. Это предписание в нашем представлении образует функциональный субинститут преступлений против здоровья, направленный прежде всего на то, чтобы воплотить в сфере уголовно-правовых отношений конституционные гарантии прав граждан: как лиц, зараженных ВИЧ-инфекцией, на полноценную социальную жизнь, так и потенциальных потерпевших на свободу социального общения. Примечание

выражает собой сформулированное законодателем понимание баланса между частными интересами отдельных лиц (в том числе свободы сексуального общения и свободы отношения к собственному здоровью) и публичными интересами, связанными со здоровьем населения¹.

Между тем нельзя не заметить, что, установив примечание на случай совершения преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ, законодатель не распространил его действие на случаи заражения венерическими болезнями (ст. 121 УК РФ), которые, исходя из законодательной конструкции санкции, признаются существенно менее опасными деяниями.

Это обстоятельство само по себе создает основание усомниться в обоснованности законодательного решения. Однако для того, чтобы сформулировать собственное видение решения проблемы, надо углубиться в суть содержания рассматриваемого примечания. Оно являет собой основание освобождения от уголовной ответственности, которое состоит в согласии потерпевшего на причинение ему вреда. Отталкиваясь от самого смысла согласия потерпевшего и его роли в механизме уголовно-правового регулирования, надо сделать выводы о том, что:

- во-первых, согласие потерпевшего должно восприниматься не в качестве основания освобождения от ответственности, а в качестве обстоятельства, которое исключает противоправность совершенного лицом деяния. Совершенно верно в этом отношении § 228 Уголовного Уложения ФРГ установил правило: «тот, кто наносит телесное повреждение с согласия потерпевшего, действует противоправно только в том случае, если, несмотря на согласие, деяние противоречит добрым нравам»²;

---

¹ Оставляя этот тезис без комментариев, выразим свою солидарность с мнением тех специалистов, которые полагают, что нормы об ответственности за преступления, связанные с заражением общепасными болезнями, должны располагаться в главе 25 УК РФ как преступления против здоровья населения. См. об этом, например: Норвартян Ю. С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015; Власенко С. С. Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

² Сама формулировка закона, конечно, небезупречна. П. В. Головненков пишет, обсуждая понятие «добрых нравов»: «Под этим несколько архаично звучащим термином понимается несоответствие деяния общепринятой морали. Еще Имперский суд (RG JW 38, 30), а затем и постоянная юрисдикция Федерального

- во-вторых, согласие потерпевшего способно исключать противоправность не только заражения опасными болезнями, но и иных деяний, связанных с причинением вреда частным интересам потерпевшего¹. Не случайно уголовно-процессуальное законодательство устанавливает особый вид преступлений, уголовные дела по факту совершения которых могут быть возбуждены не иначе как по жалобе потерпевшего.

С учетом этих обстоятельств, полагаем, было бы целесообразным трансформировать примечание к ст. 122 УК РФ, преобразовав его в основание исключения противоправности деяния и распространив силу его действия на иные предусмотренные законом деяния, в частности, предусмотренные ст. 121, 116.1, 115, 112 УК РФ (такое предложение поддержано 48% респондентов, принявших участие в экспертном опросе). В итоге в структуре института преступлений против здоровья мог бы появиться полноценный субинститут, обеспечивающий более полную и последовательную дифференциацию ответственности, что, вне сомнений, способствовало бы повышению качества уголовного закона.

Иллюстрацией второго из выделенных направлений – интенсивного роста числа образующих субинститут нормативных правовых предписаний – может служить анализ уголовно-правового регулирования выдачи лиц, совершивших преступление.

Сегодня этому вопросу посвящена единственная статья закона, которая в первой части воспроизводит конституционное положение о запрете выдачи иностранному государству российских граждан, а во второй части –

Верховного суда ФРГ (см. BGH 4, 32, 91; 49, 34, 41) дали данному понятию следующее определение: «Несоответствие чувству морали всех справедливо мыслящих людей». Понятно, что подобное (чрезвычайно широкое) определение проблематично для уголовного права и наводит на мысль о неконституционности данной нормы из-за несоответствия принципу определенности, заложенному в ст. 103 (абз. 2) Основного закона ФРГ. В соответствии с господствующим мнением в немецкой юридической литературе и правоприменительной практике во избежание вердикта неконституционности данное понятие подлежит узкому (рестриктивному) толкованию» (См.: Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. Науч.-практ. комментарий и перевод текста закона П. В. Головенкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 254). Однако нам в данном случае важно обратить внимание не на условия реализации нормы, а на правовую природу согласия потерпевшего.

¹ См. об этом подробнее, например: Сидоренко Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 343–379.

бланкетное предписание, отсылающее к международным договорам РФ для понимания вопросов выдачи иностранных граждан.

В таком виде, по сути, субинститут выдачи лишен собственного уголовно-правового содержания. И. А. Казаринов, полагая нормы о выдаче институтом международного права, пишет: «В УК РФ, таким образом, фактически отсутствуют предписания, непосредственно регулирующие вопросы выдачи ... Смеем предположить, что даже в отсутствие ст. 13 УК РФ соответствующие вопросы могли бы успешно регулироваться конституционными нормами в силу их прямого и непосредственного действия. Сама ст. 13 УК РФ обеспечивает лишь символическую системную связку уголовного права с конституционным и международным правом, не будучи наделенной регулятивным содержанием»¹. При этом, однако, далее автор вполне обоснованно указывает, что «собственно материальными уголовно-правовыми вопросами экстрадиции являются вопросы о том, кого, за какие преступления и на каких условиях Россия может выдать иностранному государству, а также кого, за какие преступления и на каких условиях она может запросить из юрисдикции иного государства»².

Но если это вопросы «собственно уголовно-правовые», они должны быть решены непосредственно в УК РФ. В науке уже разрабатывались рекомендации относительно расширения нормативной основы регулирования вопросов выдачи непосредственно в уголовном законе за счет конструирования отдельного полноценного уголовно-правового института³. Признавая ценность такого опыта, отметим все же, что вопросы выдачи решаются на основании международных договоров, которые обладают приоритетом по отношению к нормам национального уголовного права. Поэтому даже самое разумное наполнение УК РФ экстрадиционными предписаниями не может преодолеть правила, закрепленного в ч. 4 ст. 15

---

¹ Казаринов И. А. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 77.

² Там же. С. 79–80.

³ См. Джигирь А. И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

Конституции РФ, не может служить ограничением для заключения международного договора и определения его содержания.

В связи с этим в УК РФ допустимо помещать только такие предписания, которые отражают конституционный смысл экстрадиции, то есть такие положения, которые конкретизируют принципы отечественной Конституции и в силу этого не могут быть преодолены заключением международного договора об экстрадиции. Специальные конституционно-правовые исследования экстрадиции показывают, что в ряду таких принципов (помимо запрета на выдачу собственных граждан, отраженного в ч. 1 ст. 13 УК РФ) существуют еще два: принцип невыдачи лиц, преследуемых за политические убеждения (ч. 2 ст. 63 Конституции РФ) и принцип «двойной криминальности» (ч. 2 ст. 63 Конституции РФ)¹. Представляется вместе с тем, что конституционный смысл экстрадиции определяется не только этими, но и иными положениями общего характера: о защите прав человека, гуманизме, уважении человеческого достоинства, справедливости, а равно взаимном уважении государств и свободе международных договоров.

Исходя из этого, полагаем, что ст. 13 УК РФ может быть дополнена частями третьей и четвертой следующего содержания:

«3. При отсутствии международного договора лица, указанные в части второй настоящей статьи, могут быть выданы иностранному государству на основе принципа взаимности при условии соблюдения требований законодательства Российской Федерации.

4. Выдача лиц, указанных в части второй настоящей статьи, не производится, если:

а) в отношении данных лиц имеется решение суда Российской Федерации по данному преступлению;

---

¹ Чермит А. К. Институт экстрадиции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

б) имеются основания полагать, что в случае выдачи данные лица будут подвергнуты пыткам, жестокому или бесчеловечному наказанию или обращению;

в) данные лица признаны беженцами, или им предоставлено убежище на территории Российской Федерации, или есть основания полагать, что их преследование осуществляется по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Как было отмечено выше, еще одним направлением оптимизации регуляторного воздействия уголовного права выступает формирование новых субинститутов. Это специфический и отличающийся от обычного дополнения УК РФ новыми нормативными предписаниями путь совершенствования закона. Отчасти он перекликается с высказанными в науке соображениями относительно необходимости лишь «пакетных изменений» уголовного закона, после аккумуляирования, обобщения и анализа поступивших заявок о его модификации¹. Мы не можем полностью поддержать идею «пакетных изменений», признать ее пригодность для всех без исключения случаев оптимизации закона. Но мысль о «пакетных изменениях» весьма близка в техническом отношении идее включения в УК РФ предписания или некоторой их группы, которые будут органично связаны с имеющимися законоположениями и в системном плане будут корреспондировать уголовно-правовым субинститутам. «Пакетное» (субинституциональное) улучшение уголовного закона будет направлено в этом случае на совершенствование (уточнение, детализацию, конкретизацию и т.д.) имеющейся системы нормативного правового регулирования.

Особенно актуальным указанный подход выглядит в свете грядущей цифровизации как самой преступности, так и глобального перехода к

---

¹ См., например: Цепелев В. Ф. Реформирование уголовного законодательства и его соответствие основным принципам уголовной политики современной России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Сб. материалов третьей международ. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2006. С. 15.

постиндустриальному обществу, что уже приводит к большим практическим сложностям реализации механизма уголовно-правовой охраны, основанного на классических доктринах индустриальной цивилизации. Представляется, что одним из значимых элементов развития и реализации уголовной политики, ориентированной на решение названных задач, должна стать систематизация правового поля, что немислимо без разрешения вопроса о структурных частях отрасли¹.

В качестве иллюстрации потенциальных возможностей оформления в структуре действующих институтов уголовного права новых субинституциональных образований можно указать на два направления нормативного насыщения закона: формирование субинститута терминов, используемых в том или ином институте уголовного права, и формирование субинститута правил квалификации преступлений определенного вида.

В юридической литературе, как правило, эти направления совершенствования закона связываются с необходимостью конструирования в Общей части УК РФ отдельных глав с объяснением понятий и правил квалификации. К примеру, Н. Т. Идрисов предлагает дополнить УК РФ отдельным Сводом правил квалификации преступлений², Р. А. Сабитов – предусмотреть в УК РФ самостоятельный раздел соответствующего содержания³. К этому, по сути, сводится и предложение К. В. Ображиева о переводе на более высокий иерархический уровень – на уровень УК РФ – общих и специальных правил квалификации преступлений, выработанных в практике Верховного Суда РФ по конкретным делам⁴. О необходимости

---

¹ См. об этом, например: Русскевич Е. А., Дмитренко А. П., Кадников Н. Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3. Т. 13. Вып. 3. 2022. С. 585–598; 115. Иванчин, А. В. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 54–58.

² Идрисов Н. Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования. Самара: АСГАРД, 2015. С. 192–193.

³ Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 231.

⁴ Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М.: Проспект, 2018. С. 56–57.

включения в УК РФ отдельной главы с пояснением использованных в нем терминов много писали Н. Ф. Кузнецова, М. Б. Кострова и другие авторы¹.

Разделяя мнение специалистов о необходимости наращивания нормативного материала в этой части, видится не вполне обоснованной идея его технико-юридического оформления. На наш взгляд, оформление в рассматриваемых целях институтов Общей части уголовного права, с одной стороны, неоправданно «оторвет» необходимые предписания от конкретных норм регулятивного характера, а с другой стороны, потребует содержательного ограничения данных институтов только теми предписаниями, которые носят универсальный, всеобщий характер.

В этом отношении придание соответствующим положениям свойства субинститута уголовного права может быть лучшим и компромиссным способом решения проблемы. Соответствующий опыт имеется, к примеру, в УК Швейцарии, главы Особенной части которого снабжены нормами, содержащими общие определения. На этот путь встал и отечественный законодатель, который предусмотрел для многих статей Особенной части уголовного закона примечания, содержащие как определения терминов (например, примечание к ст. 285 УК РФ), так и правила квалификации преступлений (например, примечание к ст. 131 УК РФ).

Учитывая направленность настоящей работы, нет необходимости и возможности предлагать конкретные рекомендации по конструированию соответствующих субинститутов. Важнее показать в теоретическом (модельном) плане, что последовательное развитие практики создания таких субинститутов в совокупности с изложенными выше рекомендациями о субинституциональном оформлении квалифицирующих признаков может привести к формированию максимально возможной структуры института Особенной части уголовного права. В нее, в таком случае, будут входить

---

¹ См. Кострова М. Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 80–88; Кузнецова Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф. (МГУ им. М. В. Ломоносова, 31 мая–1 июня 2001). М.: ЛексЭст, 2002. С. 7–13.

(последовательно): субинститут понятий и терминов, нормативные предписания об ответственности за преступления, составляющие «ядро» правового института, субинститут квалифицирующих признаков и субинститут правил квалификации преступлений соответствующего вида.

3. Повышение институционального статуса нормативных предписаний и трансформация субинститута в полноценный институт уголовного права.

Качество уголовно-правового регулирования может быть обеспечено не только за счет наполнения уголовного закона необходимыми недостающими нормативными предписаниями, но также и за счет их оптимального позиционирования в структуре отрасли. В этом отношении важный аспект исследуемой нами темы состоит в обосновании перспективных возможностей трансформации существующих субинститутов в полноценные уголовно-правовые институты.

В качестве иллюстрации в данном случае можно привести положения действующего закона об основании уголовной ответственности. При всей значимости предписаний, закрепленных в ст. 8 УК РФ, она, как представляется, может быть интерпретирована сегодня исключительно как субинститут института принципов уголовного права, преломляющий содержание принципиальных установок уголовного права применительно к одному единственному аспекту правового регулирования – определению основания применения государством мер уголовной ответственности. Согласно закону, таковым основанием выступает не просто деяние, содержащее все признаки состава преступления, но деяние общественно опасное. При этом данное положение ст. 8 УК РФ находится в тесном смысловом единстве с предписаниями ч. 2 ст. 14 УК РФ, определяющей понятие малозначительного деяния, и с нормами ч. 6 ст. 15 УК РФ, предоставляющими суду право изменять законодательную оценку того или иного конкретного преступления. Эти нормативные положения также позиционированы нами как субинститут уголовно-правового института преступления, который содержит функциональные дифференцирующие

предписания. Все отмеченные нормы только в своей совокупности позволяют создать целостное представление об основании уголовной ответственности. Однако рассредоточены они в совершенно разных уголовно-правовых институтах, что едва ли может быть оправданно.

В сравнительно-правовом аспекте представляют интерес в этой части положения уголовного закона некоторых зарубежных стран. Так, УК Киргизской Республики в главе 3 «Понятие и классификация преступлений. Основание ответственности за преступление» наряду с прочими поместил ст. 18 «Понятие преступление» и ст. 23 «Основание уголовной ответственности». В УК Республики Грузия в главе III «Основания уголовной ответственности, категории преступлений» есть ст. 7 «Основания уголовной ответственности», в которой отмечается, что основанием уголовной ответственности является преступление, то есть предусмотренное кодексом противоправное и виновное деяние, и не является преступлением деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного кодексом, но в силу малозначительности не причинившее вреда, который бы повлек необходимость уголовной ответственности лица, его совершившего, либо не создавшее угрозы причинения такого вреда. В УК Республики Беларусь ст. 10 «Преступление как основание уголовной ответственности» также помещена в главу 3 «Преступное деяние» и устанавливает, что основанием уголовной ответственности является совершение виновного запрещенного Кодексом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления.

Представляется, что отнесение нормативного предписания, определяющего основание ответственности, к уголовно-правовому институту преступления в связке с предписаниями о малозначительности деяния, является не только более обоснованным с теоретической точки зрения, но и более полезным с точки зрения практики применения уголовного закона. Оно

жестко связывает требование наличия общественной опасности деяния с возможностью реализации мер уголовно-правовой ответственности, чего не наблюдается сегодня при изолированном восприятии ст. 8 и ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Продолжая эту логику, надо признать, что и нормы ч. 6 ст. 15 УК РФ о судебном изменении категории преступления также связаны с определением объема и содержания уголовной ответственности. В настоящий момент такая связь нормативно подтверждена только в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому «изменение категории преступления на менее тяжкую улучшает правовое положение осужденного, поскольку влияет, в частности, на назначение осужденному к лишению свободы вида исправительного учреждения (статья 58 УК РФ); назначение наказания по совокупности преступлений (статья 69 УК РФ); назначение условного осуждения (пункт «б» части 1 статьи 73 УК РФ); отмену или сохранение условного осуждения (части 4, 5 статьи 74 УК РФ); возможность освобождения от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием (статья 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (статья 76 УК РФ), истечением срока давности уголовного преследования или исполнения обвинительного приговора суда (статьи 78, 83, 94 УК РФ), изменением обстановки (статья 80.1 УК РФ) или вследствие акта об амнистии (статья 84 УК РФ), применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (статья 92 УК РФ); исчисление срока наказания, после фактического отбытия которого возможны применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (статьи 79, 93 УК РФ) или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (статья 80 УК РФ); исчисление срока погашения судимости (статьи 86, 95 УК РФ)»¹.

---

¹ О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/.

Однако уровень нормативной фиксации последствий изменения категории преступления явно недостаточный. Согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным кодексом. А потому не только последствие признания деяния основанием уголовной ответственности, то есть привлечение к ответственности, но и последствия судебной оценки категории преступления должны быть установлены именно законом.

С учетом сказанного, полагаем, что структура главы 3 УК РФ нуждается в серьезной модернизации. Во-первых, надо признать, что в ней объединены два самостоятельных уголовно-правовых института, которые при надлежащем структурировании должны получить закрепление на уровне самостоятельных глав – преступление в одной главе и множественность преступлений – в другой. Во-вторых, необходимо повысить уголовно-политический уровень предписаний, определяющих понятие преступления. Это не должна быть просто дефинитивная норма, каковой она является в настоящий момент. Это должно быть нормативное правовое предписание с четко выраженным прикладным, правоприменительным аспектом. Оно должно подчеркивать, что: а) преступление является общественно опасным деянием; б) отсутствие опасности деяния исключает уголовную ответственность; в) опасность в конечном итоге всегда устанавливается судом; г) судебная оценка опасности может отличаться от законодательной; д) именно судебная оценка опасности преступления определяет круг применимых государством уголовно-правовых последствий его совершения.

В итоге в отдельной главе уголовного закона (с условным названием «Основание уголовной ответственности») может быть оформлен самостоятельный уголовно-правовой институт, включающий положения о понятии преступления, его функциональном значении в механизме уголовно-правового регулирования, понятии и последствиях признания деяния малозначительным, понятии категорий преступлений, критериях и последствиях изменения категории преступления судом.

Изложенное выше относительно сути и функционального предназначения субинститутов Общей части уголовного права имеет значение не только для углубления теоретических представлений о системе отрасли права и определения возможных перспектив совершенствования юридической техники уголовного закона. Понимание субинституционального уровня организации уголовно-правовых предписаний может оказать существенное воздействие также и на практику применения уголовного закона. Как минимум, в связи с этим необходимо отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, четкое представление о субинститутах уголовного права призвано, в первую очередь, ориентировать правоприменителя на необходимость всякий раз обсуждать вопрос о возможности применения уточняющих, детализирующих, дифференцирующих предписаний.

В некоторых ситуациях высшая судебная инстанция прямо предписывает соответствующую обязанность судов. Так, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» отмечается: «С учетом правовых последствий изменения категории преступления на менее тяжкую суду при рассмотрении уголовного дела надлежит проверять, имеются ли основания для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ в отношении каждого подсудимого»¹. Суды восприняли это указание, в связи с чем вопрос о возможности изменения категории преступления обсуждается в каждом приговоре. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в период с 2018 по 2022 год удельный вес осужденных, к которым была применена ч. 6 ст. 15 УК РФ, вырос с 0,48% до 1,46%². В

---

¹ О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/.

² Подсчитано нами на основании данных Формы № 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ». Формы размещены

случае отсутствия оснований для этого приговор содержит стандартную фразу о том, что «оснований для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ не усматривается». В то же время близкое по своему назначению предписание ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительном деянии, составляющее, по нашему представлению, единый субинститут с положениями ч. 6 ст. 15 УК РФ, применяется не так активно. Очевидно, что преимущественная сфера ее применения – досудебное производство. Но и в судах, на наш взгляд, обсуждение самой возможности применения ч. 2 ст. 14 УК РФ должно быть обязательным. В этой связи было бы целесообразным, во-первых, принять отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее содержание и особенности применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (с чем высказали солидарность 69% опрошенных при проведении исследования специалистов), а во-вторых, предусмотреть в этом постановлении правило, согласно которому обсуждение вопроса о малозначительности деяния должно стать обязанностью суда при рассмотрении любого уголовного дела (с таким предложением согласились 78% опрошенных респондентов).

Аналогичная ситуация возникает в связи с недооценкой роли и значения предписаний ст. 28 УК РФ, определяющей случаи невиновного причинения вреда. В настоящий момент суды обращаются к этому субинституту, как правило, в тех случаях, когда возможность его применения ставится на обсуждение стороной защиты¹. Между тем, исходя из действующей презумпции невиновности, вопрос о вине может обсуждаться только в том случае, если исключена ситуация невиновного причинения вреда. Потому целесообразно, чтобы обсуждение вопроса о применении ст. 28 УК РФ стало обязательным при рассмотрении каждого дела (с такой идеей согласились 47% опрошенных респондентов).

в открытом доступе на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ по адресу: <http://cdep.ru/?id=79>.

¹ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 66-АПУ14-11 от 13.03.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/352Hmd>; Кассационное определение Верховного Суда РФ № 32-О13-9сп от 14.03.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=531746 и др.

Рекомендации подобного рода напрямую вытекают, во-первых, из признания не полностью самостоятельного характера указанных (и некоторых иных) нормативных предписаний, и во-вторых, признания их особой функциональной роли в регулировании соответствующего участка уголовно-правовых отношений. Иными словами, эти рекомендации предопределены субинституциональной природой рассмотренных положений закона.

Второй практикоориентированный момент связан с ситуацией разрешения вопроса о приоритетности тех или иных нормативных положений закона. Иллюстрацией здесь может служить непростая ситуация разрешения конкуренции между двумя специальными основаниями освобождения от уголовной ответственности, одно из которых составляет субинститут института освобождения от ответственности (ст. 76.2 УК РФ), а второй – субинститут ответственности несовершеннолетних (ст. 90 УК РФ). Судебный штраф, как известно, – одна из популярных в современной практике альтернатив уголовному наказанию и ответственности. В отношении несовершеннолетних он применяется достаточно активно, хотя удельный вес подростков, к которым были применены положения ст. 76.2 УК РФ, сокращается: с 6,9% в 2018 году до 3,8% в 2022 году (пиковые значения этот показатель имел в 2020 году и составляя 12,9%). В исследованных судебных решениях, однако, какого-либо особого обоснования для применения судебного штрафа к несовершеннолетним не приводится. Между тем вопрос этот должен решаться с учетом наличия иных, специальных предписаний об освобождении от ответственности.

Показательно здесь следующее редкое решение суда. Как представляется, совершенно обоснованно поступил суд, который отказал в принятии к рассмотрению постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением подозреваемому несовершеннолетнему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по тем основаниям, что направленное в суд

постановление не содержало информации о том, по какой причине исправление подозреваемого, по мнению органа предварительного расследования, не может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия¹. В данном случае суд обоснованно посчитал, что мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (общая) может быть применена к подростку только в том случае, если меры воспитательного воздействия (специальные) не смогут эффективно урегулировать правоотношения, вызванные преступлением несовершеннолетнего. Здесь нельзя усматривать «простой» ситуации конкуренции уголовно-правовых норм. Здесь – более глубокая проблема. Применение института уголовной ответственности несовершеннолетних требует, чтобы в первую очередь был обсужден вопрос о применении специальных, в нашем случае – субинституциональных – предписаний именно этого сложного института. И только при их нецелесообразности можно обсуждать вопрос о применении иных, общих положений закона об освобождении от ответственности.

Эта же логика должна использоваться и при применении иных нормативных предписаний, составляющих специальные основания освобождения от уголовной ответственности в институтах Особенной части уголовного права. Суд всегда, на наш взгляд, должен ставить на обсуждение вопрос о возможности применения соответствующих субинститутов. То есть изначально рассмотреть все возможности, предоставляемые тем или иным институтом для урегулирования ситуации, прежде чем перейти к обсуждению вопроса о применении нормативных предписаний, выходящих за пределы этого правового института.

Изложенные направления перспективного развития субинститутов уголовного права, разумеется, не исчерпывают всего возможного содержания

---

¹ Постановление Выборгского городского суда (Ленинградская область) от 28.02.2020 по делу № 1-274/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/352T6W>.

дальнейшей эволюции его структуры и системы. Вместе с тем их исследование позволяет сделать некоторые общие выводы:

- процессы содержательного совершенствования уголовного закона не могут игнорировать проблемы оптимизации внешней формы их выражения, поскольку только единство содержательных и формальных аспектов права может обеспечить его системный характер и качество правового регулирования уголовно-правовых отношений;

- значимым направлением совершенствования уголовного права, позволяющим, с одной стороны, обеспечить сохранение лучших свойств его системы, сложившейся к сегодняшнему дню, а с другой стороны, гарантировать непротиворечивое приспособление данной системы к динамично меняющимся потребностям практики, может стать работа по оптимизации субинституционального уровня уголовного права;

- оптимизация системы, содержания и формы субинститутов уголовного права может развиваться в трех основных направлениях: а) юридико-техническое оформление субинститутов на основе имеющихся повторяющихся нормативных предписаний; б) повышение регуляторных возможностей права посредством использования субинститутов за счет экстенсивного и интенсивного наращивания объемов субинституционального регулирования и оформления новых субинститутов; в) повышение институционального статуса нормативных предписаний, составляющих действующие субинституты, и трансформация субинститутов в полноценные институты уголовного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование теоретических и прикладных аспектов субинституционального уровня функционирования уголовного права позволяет сформулировать в качестве основных его итогов следующие положения:

1. Изучение субинститутов уголовного права может быть полноценно реализовано в рамках использования гносеологического потенциала нормативистского подхода к познанию системы права и внутреннего строения его отраслей, признающего право системой нормативных предписаний, структурированных в отдельные, но взаимосвязанные смысловые блоки. При этом надежной методологической основой исследования субинститутов уголовного права может выступать заложенная трудами О. С. Иоффе и С. С. Алексеева теория внутреннего строения отрасли права, основанная на концептах «нормативное предписание» и «ассоциация нормативных предписаний», в рамках которой объединение нормативных предписаний может приобретать различные теоретико-правовые статусы в зависимости от присущих такому объединению отличительных признаков.

2. Субинститут как ассоциацию нормативных предписаний следует отличать от ассоциации, которая приобрела черты самостоятельного института, от ассоциации, которая не обладает самостоятельным функциональным значением в структуре правового института, а равно от объединения правовых институтов. Субинституту присущи собственные, отличительные конститутивные признаки, позволяющие его идентифицировать, а именно:

а) наличие одного или нескольких самостоятельных нормативных предписаний и одновременно отсутствие в структуре субинститута иных социальных норм и требований;

б) необязательное, но потенциально возможное выражение в обособленной части текста уголовного закона;

в) существование только в пределах уголовно-правового института и подчиненность его принципам и целям;

г) общий предмет правового регулирования института и субинститута уголовного права;

д) видовое своеобразие юридического факта или режима регулирования уголовно-правовых отношений, составляющих предмет институционального регулирования;

е) особое функциональное предназначение субинститута, призванного в масштабах всего института оказывать интегрирующее или дифференцирующее воздействие на процесс правового регулирования;

ж) ориентация на выполнение стабилизирующих и адаптивных функций отрасли уголовного права.

3. Генезис субинститутов уголовного права:

а) имеет государственно-управленческий характер и опосредован законодательной деятельностью, выступая формой признания государством особой значимости специального регулирования тех или иных уголовно-правовых отношений;

б) детерминирован взаимосвязанными процессами дифференциации и унификации правового регулирования, обеспечивающими адекватизацию права усложняющимся общественным отношениям и механизму их социального регулирования;

в) отражает взаимосвязь категорий количества и качества, при которой потребность в качественном уточнении уголовно-правового регулирования может приводить к изменению количества структурных компонентов уголовно-правового института, равно как и количественное приращение уголовно-правовых предписаний внутри института может трансформироваться в качественно новую форму субинститута уголовного права;

г) влечет выделение новых нормативно-правовых образований, включающих специализированные или обобщенные нормативные

предписания, появление новых функций у элементов системы права, что способно отражаться на структуре уголовного закона как внешней формы объективизации уголовного права.

4. Выявлены следующие закономерности и тенденции формирования и развития субинститутов уголовного права:

- зарождение субинститутов уголовного права требует относительно спокойного социального времени, достаточного для осмысления и оценки социальных отношений и потребностей в их правовом регулировании, в связи с чем на переломных этапах истории государства и права следует ожидать появления новых предписаний и институтов права, но никак не субинститутов, предназначенных для «тонкой настройки» системы правового регулирования;

- исторически первыми субинституциональными образованиями в системе уголовного права следует считать нормативные предписания, сложившиеся в рамках предметных правоохранных институтов и предназначенные для «сквозного» регулирования отдельных сторон или аспектов этих отношений, которым законодатель со временем придал общее значение, взяв за основу формирования институтов Общей части уголовного права;

- субинституты институтов Общей и Особенной частей уголовного права всегда возникали и возникают как сознательная, управляемая политико-правовая реакция на усложнение системы социальных взаимосвязей, появление новых целей общественного развития, утверждение новых общественных и правовых ценностей; тем самым они выполняют важную функцию адаптации системы права к динамично меняющимся условиям внешней социальной среды, позволяют «опробовать» стандартные уголовно-правовые средства на новых социальных объектах либо применить к известным объектам новые уголовно-правовые методы;

- адаптивные функции в системе права выполняются преимущественно посредством субинститутов, что позволяет не менять принципиально

структуру права и номенклатуру его институтов, гарантируя тем самым стабильность и устойчивость уголовно-правового регулирования; при этом успешность и перспективность предлагаемого субинститутом режима регулирования может способствовать его эволюции в сторону полноценного уголовно-правового института, тогда как бесперспективность или отпадение вызвавших его появление условий – к отмиранию субинститута без повреждения системы институтов уголовного права.

5. Классификация субинститутов уголовного права относится к категории субъективной, искусственной классификации, в которой группировка осуществляется на основании лишь отдельных, произвольно выбранных и удобно различимых свойств объектов. В настоящий момент она может строиться на основе использования нескольких критериев и позволяет выделить:

- в зависимости от местоположения в системе уголовного права:
  - а) субинституты институтов Общей части уголовного права; б) субинституты институтов Особенной части уголовного права;
- по функциональному признаку: а) предметные; б) функциональные;
- по социальному назначению: а) создающие альтернативу регулирования того или иного участка или той или иной группы уголовно-правовых отношений; б) позволяющие апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования некоторую модель или способ правового регулирования;
- по времени действия: а) постоянно действующие; б) временные; в) чрезвычайные;
- по преимущественному методу регулирования: а) императивные и диспозитивные; б) поощрительные и карательные;
- по внешней форме выражения: а) выраженные несколькими предписаниями в различных отраслевых источниках; б) выраженные одним предписанием непосредственно в уголовном законе.

Общая закономерность формирования субинститутов уголовного права отчетливо коррелирует с их классификационными параметрами; в качестве таковой следует признать формирование функциональных субинститутов в структуре предметных институтов (и наоборот), формирование поощрительных субинститутов в структуре карательных институтов (и наоборот), формирование диспозитивных субинститутов в структуре императивных институтов (и наоборот), формирование субинститутов, содержательно тяготеющих к предписаниям Общей части, в структуре институтов Особенной части уголовного права (и наоборот). Такая закономерность отражает общую динамику развития отрасли уголовного права, системное многообразие его методов, усложнение предмета уголовно-правового воздействия, связи уголовного права с социальной и правовой средой.

6. Полная инвентаризация субинститутов российского уголовного права блокируется недостаточной разработанностью вопроса относительно его институционального строения, отсутствием консенсуса по этому поводу в науке и наличием существенных перспектив для оптимизации нормативного оформления уголовно-правовых предписаний в структуре уголовного кодекса. Тем не менее в рамках Общей части уголовного права субинститутами следует признать группы предписаний, которые регламентируют: основание уголовной ответственности (ст. 8), выдачу лиц, совершивших преступление (ст. 13), судебное изменение оценки опасности преступления (ч. 2 ст. 14, ч. 6 ст. 15), ответственность лиц с измененным психическим статусом (ч. 3 ст. 20, ст. 22, 23), невиновное причинение вреда (ст. 28), добровольный отказ от преступления (ст. 31), ответственность соучастников (ст. 34, ч. 5 – 7 ст. 35, ст. 36), дополнительные наказания (ст. 45), замену наказаний (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1), исчисление сроков наказаний (ст. 72), сложение наказаний (ст. 71), назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1), освобождение от ответственности в связи с возмещением вреда (ст. 76.1), освобождение от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2),

амнистию (ст. 84), помилование (ст. 85), применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 – 92); в рамках Особенной части уголовного права субинститутами следует признать, прежде всего, группы нормативных предписаний, которые регламентируют правила дифференциации уголовной ответственности за те или иные виды преступлений.

7. Значимым направлением совершенствования уголовного права, позволяющим, с одной стороны, обеспечить сохранение лучших свойств его системы, сложившейся на сегодняшний день, а с другой стороны, гарантировать непротиворечивое приспособление данной системы к динамично меняющимся потребностям практики, может стать работа по оптимизации субинституционального уровня уголовного права. Она может развиваться в трех основных направлениях:

а) юридико-техническое оформление субинститутов на основе имеющихся повторяющихся нормативных предписаний;

б) повышение регуляторных возможностей права посредством использования субинститутов за счет экстенсивного и интенсивного наращивания объемов субинституционального регулирования и оформления новых субинститутов;

в) повышение институционального статуса нормативных предписаний, составляющих действующие субинституты и трансформация субинститутов в полноценные институты уголовного права.

8. Теоретическое осмысление вопроса о субинститутах уголовного права позволяют сделать следующие предложения по совершенствованию уголовного закона:

- в главе 16 УК РФ предусмотреть отдельную статью, в которой указать следующее:

«1. Если описанное в статьях настоящей главы преступление совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо лицом, имеющим судимость за ранее

совершенное преступление с применением насилия, а равно если оно совершено в отношении: а) двух или более лиц; б) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; в) малолетнего, несовершеннолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии; г) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; д) из хулиганских побуждений, из корыстных побуждений или по найму, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, срок или размер наказания не может быть менее половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

2. Если описанное в статьях настоящей главы преступление совершено при наличии двух или более признаков, предусмотренных частью первой настоящей статьи, срок или размер наказания не может быть менее двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление»;

- примечание к ст. 122 УК РФ исключить;

- дополнить ст. 116.1 УК РФ примечанием, в котором указать, что «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, а также частью первой статьи 112, статьей 115, частью первой статьи 121, частью первой или второй статьи 122 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если преступление совершено с согласия потерпевшего лица»;

- статью 13 УК РФ дополнить частями третьей и четвертой следующего содержания:

«3. При отсутствии международного договора лица, указанные в части второй настоящей статьи, могут быть выданы иностранному государству на

основе принципа взаимности при условии соблюдения требований законодательства Российской Федерации.

4. Выдача лиц, указанных в части второй настоящей статьи, не производится, если:

а) в отношении данных лиц имеется решение суда Российской Федерации по данному преступлению;

б) имеются основания полагать, что в случае выдачи данные лица будут подвергнуты пыткам, жестокому или бесчеловечному наказанию или обращению;

в) данные лица признаны беженцами, или им предоставлено убежище на территории Российской Федерации, или есть основания полагать, что их преследование осуществляется по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»;

- выделить в структуре УК РФ отдельную главу «Основание уголовной ответственности», включающую нормативные предписания о понятии преступления, его функциональном значении в механизме уголовно-правового регулирования, понятии и последствиях признания деяния малозначительным, понятии категорий преступлений, критериях и последствиях изменения категории преступления судом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Законодательные и иные нормативные правовые акты**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СЗ РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ // СЗ РФ. — 2009. — № 52 (1 ч.). — Ст. 6453.
5. Об организации работы по ведению федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов: Приказ Минюста России от 04.03.2021 № 27 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
6. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013—2015 годов): информация Конституционного Суда РФ Подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ. Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/33pnmM>.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — СПб.: Тип. Второго Отдел. Собств. Его Императорск. Величества канцелярии, 1845. — 898 с.
8. Уголовный кодекс РСФСР. 1922 // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 г.г. / под ред. И. Т. Голякова. — М.: Госюриздат, 1953. — 464 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР. 1960 // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик / отв. ред. Ф. И. Калинычев. В 2 т. Т. 1. — М.: Госюриздат, 1963. — 656 с.
10. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 [Электронный ресурс] // Законодательный вестник Грузии. Режим доступа: <https://clck.ru/33vDoq>.
11. Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. — М.: Контракт, 2017. — 256 с.
12. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 года № 127 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. Режим доступа: <https://clck.ru/ZAXEg>.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://clck.ru/32pCMb>.
14. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крылова; пер. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 650 с.
15. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 305 с.
16. Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. Науч.-практ. комментарий и перевод текста закона П. В. Головненкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 489 с.

Международные правовые акты

17. Международный Пакт о гражданских и политических правах человека (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17. — Ст. 291.

18. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Заключена в Минске 26.05.1995 г.) // СЗ РФ. — 1999. — № 13. — Ст. 1489.

Монографии, учебники, учебные пособия

19. Азми, Д. М. Правовая структуризация и систематика. — М.: Юстицинформ, 2010. — 318 с.

20. Азми, Д. М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938—1946 годы). — М.: Юркомпани, 2009. — 285 с.

21. Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2 — М.: Юридическая литература, 1982. — 360 с.

22. Алексеев, С. С. Общая теория права. Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2009. — 576 с.

23. Алексеев, С. С. Структура советского права. — М.: Юридическая литература, 1975. — 263 с.

24. Асланян, Р. Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. — 184 с.

25. Байтин, М. И. Вопросы общей теории государства и права. — Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. — 398 с.

26. Бережнов, А. Г. «Объективное» и «субъективное» в контексте теоретико-методологических проблем правопонимания // Теоретико-

методологические проблемы права / под ред. М. Н. Марченко. Вып. 2. — М.: Зерцало-М, 2007. — 390 с.

27. Богдановский, А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. — М.: Тип. Каткова и К^о, 1857. — 148 с.

28. Бойко, А. И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т. 1: Системология и структурализм в современной познавательной культуре. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. — 448 с.

29. Большой Юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — М.: Инфра-М., 2002. — 704 с.

30. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). — СПб., 2002. — 641 с.

31. Герцензон, А. А., Грингауз, Ш. С., Дурманов, Н. Д., Исаев, М. М., Утевский, Б. С. История советского уголовного права. 1919—1947 гг. — М.: Юрид. изд-во, 1948. — 466 с.

32. Звечаровский, И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность. — М.: Проспект, 2022. — 160 с.

33. Идрисов, Н. Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования. — Самара: АСГАРД, 2015. — 207 с.

34. Иеринг, Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Часть первая / пер. с третьего, исправл. немецк. изд. — СПб.: Типограф. В. Безобразова и Комп., 1875. — 309 с.

35. Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Иоффе О. С. Избранные труды. Т. 4. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. — С. 95–104.

36. Кадников, Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. — М.: Юриспруденция, 2020. — 288 с.

37. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений. — М.: Статут, 2005. — 570 с.

38. Кондаков, Н. И. Логический словарь. — М.: Наука, 1971. — 658 с.

39. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 348 с.
40. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса — М.: Юрлитинформ, 2019. — 352 с.
41. Кругликов, Л. Л., Васильевский, А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 298 с.
42. Кулапов, В. Л., Потапенко, Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 179 с.
43. Кулыгин, В. В. Этнокультура уголовного права. — М.: Юрист, 2002. — 288 с.
44. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. В 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М.: Зерцало-М, 2002. — 592 с.
45. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — 296 с.
46. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. — Саратов: СГАП, 1997. — 253 с.
47. Мазаев, В. Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности: Учебное пособие. — М.: Институт права и публичной политики, 2004. — 95 с.
48. Малько, А. В., Саломатин, А. Ю. Теория государства и права: Учеб. пособие / предисл. А. Г. Лисицына-Светланова. — 2-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА- 2013. — 213 с.
49. Марцев, А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. — Красноярск: Изд. Красноярск. ун-та, 1990. — 125 с.

50. Мигачев, Ю. И., Тихомиров, С. В. Военное право. — М.: Бизнес-консалтинг центр, 1998. — 295 с.
51. Морозова, Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд. перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2010. — 510 с.
52. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 736 с.
53. Ображиев, К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 213 с.
54. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 1 / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007. — 556 с.
55. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
56. Осипов, Ю. К. Подведомственность юридических дел. — Свердловск: б/и, 1973. — 123 с.
57. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Госиздат юрид. лит., 1957. — 503 с.
58. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Госиздат юрид. лит., 1961. — 668 с.
59. Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. — М.: Проспект, 2018. — 464 с.
60. Проблемы общей теории права и государства: Учебник / под ред. В. С. Нерсисянца. — М.: Норма, 2010. — 815 с.
61. Прохоров, В. С., Кропачев, Н. М., Тарбагаев, А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. — Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989. — 208 с.

62. Пудовочкин, Ю. Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 240 с.
63. Радько, Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. — Волгоград: Изд. НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1974. — 151 с.
64. Разгильдиев, Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — 232 с.
65. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. — М.: Контракт, 2014. — 560 с.
66. Сабитов, Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 592 с.
67. Сенякин, И. Н. Специализация и унификация российского законодательства / под ред. М. И. Байтина. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — 194 с.
68. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 495 с.
69. Система советского законодательства / отв. ред. И. С. Самощенко. — М.: Юрид. лит., 1980. — 328 с.
70. Скакун, О. Ф. Теория государства и права: Учебник. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
71. Советское социалистическое уголовное право. Часть Общая. Учебник для вузов / под ред. Б. С. Утевского. — М.: Госиздат юрид. лит., 1950. — 588 с.
72. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. 4. изд., стер. — М.: Рус. яз., 2001. — 740 с.
73. Субботин, А. Л. Классификация. — М.: ИФ РАН, 2001. — 94 с.
74. Сырых, В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. — М.: РАП, 2012. — 500 с.
75. Теория государства и права. Учебник / под ред. В. К. Бабаева. — М.: Юрист, 2003. — 592 с.

76. Тихомирова, Л. В., Тихомиров, М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 6-е, изд., доп. и перераб. — М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2013. — 1088 с.
77. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. — Изд. 3-е, перераб. — М.: Проспект, 2021. — 1344 с.
78. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник / под ред. В. В. Векленко. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — Омск: ОА МВД России, 2016. — 448 с.
79. Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1: Введение в уголовное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова; под науч. ред. А. И. Чучаева. — М.: Проспект, 2022. — 728 с.
80. Уголовное право. Общая часть. Учебник. Изд. 4-е, перераб. / науч. ред. В. Д. Меньшагин. — М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1948. — 575 с.
81. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л. М. Прокументова. — Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2019. — 844 с.
82. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 279 с.
83. Филимонов, В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. — М.: Юриспруденция, 2014. — 256 с.
84. Челпанов, В. Г. Учебник логики. — М.: Научная Библиотека, 2010. — 128 с.
85. Шабуров, А. С., Жайкбаев, Ж. С. Теория государства и права: учебное пособие. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. — 382 с.
86. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. 2-е изд. — СПб.: Издание профессора Малинина, 2008. — 699 с.

87. Юридический энциклопедический словарь / А. И. Алексеев, Л. П. Ануфриева, В. А. Белов [и др.]; под общ. ред. В. Е. Крутских. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфра-М, 2003. — 450 с.

Научные статьи

88. Авраменко, Л. В. Значение категорий «сущность», «содержание» и «форма» в формулировании понятия права // Проблемы законности. — 2014. — № 125. — С. 41–50.

89. Азми, Д. М. Об основаниях выделения отраслей права // Адвокат. — 2010. — № 7. — С. 5–10.

90. Андрианов, В. К. Структурные закономерности уголовного права: понятие, виды, соотношение понятий // Журнал Российского права. — 2018. — № 10. — С. 91–100.

91. Антипьева, Н. В. Единство и дифференциация правового регулирования как принцип права социального обеспечения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. — 2013. — Выпуск 3 (21). — С. 8–16.

92. Арямов, А. А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2015. — № 1. — С. 4–6.

93. Асланян, Р. Г. Особенная часть уголовного права как предмет исторического анализа: источники и границы анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 11-2. — С. 21–27.

94. Асланян, Р. Г. Понятие и содержание нормативного предписания Особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 82–90.

95. Батюшкина, М. В. О выражении юридическими терминами отношений род – вид и целое – часть // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2020. — Т. 22, № 4. — С. 1050–1060.

96. Беспалько, В. Г. Институт религиозных преступлений в уголовном праве Российской Империи (XVIII—начало XX в.) // Публичное и частное право. — 2015. — № 2 (26). — С. 81–100.
97. Бодаевский, В. П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Ин-та государства и права РАН. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 128–154.
98. Бочкарев, М. В. Избыточность как нарушение меры нормативной правовой формы // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 3 (47). — С. 191–195.
99. Васильев, А. А., Маньковский И. Ю., Куликов Е. А. Категории общего, особенного и единичного в праве: аспекты общей теории // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 3 (86). — С. 3–9.
100. Воронин, М. В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Ученые записки Казанского ун-та. — 2014. — Т. 156, кн. 4 Гуманитарные науки. — С. 26–34.
101. Голик, Ю. В. Метод уголовного права // Журнал Российского права. — 2000. — № 1. — С. 69–75.
102. Головина, А. А. «Объективные» и «субъективные» аспекты системы права и критериев отраслеобразования // Адвокат. — 2011. — № 7. — С. 52–57.
103. Головкин, Л. В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 2 (7). — С. 77–90.
104. Головкин, Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. — 2013. — № 1 (5). — С. 42–52.
105. Досаева, Г. С. Структура института множественности преступлений: состояние и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2016. — № 4. — С. 54–63.

106. Ершов, В. В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. — 2013. — № 1 (81). — С. 24–31.
107. Ершов, В. В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. — 2019. — № 2. — С. 5–15.
108. Есаков, Г. А. Кодификация и подотрасли уголовного права // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права (Москва, 30–31 мая 2013 года). — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 76–79.
109. Жук, М. С. Институты уголовного права: внутреннее строение и элементный состав // Современное право. — 2013. — № 3. — С. 8–16.
110. Жук, М. С. Классификация уголовно-правовых институтов // Общество и право. — 2009. — № 4 (26). — С. 168–176.
111. Жук, М. С. Период зарождения и становления институтов уголовного права Древней Руси // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 3 (26). — С. 133–136.
112. Жук, М. С. Форма выражения института уголовного права // Общество и право. — 2010. — № 1(28). — С. 140–145.
113. Зорькин, В. Д. Суть права // Вопросы философии. — 2018. — № 1. — С. 5–16.
114. Зяблова, Т. М. Избыточность законодательства: к постановке проблемы // Оригинальные исследования (ОРИС). — 2019. — № 5. — С. 24–34.
115. Иванчин, А. В. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2017. — № 3 (41). С. 54–58.
116. Калашникова, А. И. Методологические основы изучения уголовного права // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1. — С. 288–302.
117. Капинус, О. С., Додонов В. Н. Исполнение приказа как обстоятельство, исключающее преступность деяния в уголовном праве

зарубежных стран // Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом.: сб. статей. — М.: Буквоед, 2008 — С. 43–49.

118. Карпицкий, Н. Н. Объективные основания системы права // Научный диалог. — 2014. — № 7 (31): Экономика. Право. — С. 96–105.

119. Киримова, Е. А. Место субинститутов в структуре сложных правовых институтов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 5 (124). — С. 52–57.

120. Кленова, Т. В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая–1 июня 2007 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. — М.: Проспект, 2007. — С. 185–187.

121. Клименко, Ю. А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 9. — С. 163–171.

122. Кнапп, В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. — 1957. — № 5. — С. 114–115.

123. Кобзева, С. И. Дифференциация в праве социального обеспечения // Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда и социального обеспечения. Материалы пятой Международ. науч.-практ. конф. / под ред. К. Н. Гусова. — М.: Проспект, 2009. — С. 406–415.

124. Коваль, С. В. История и основы критики правового позитивизма Г.Л.А. Харта в философии права Р. Дворкина // Философские науки. — 2019. — № 62 (7). — С. 124–142.

125. Коняхин, В. П., Жук, М. С. Элементный состав структуры уголовного права // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. III Всерос. науч.-практ. конф. (26 ноября 2015 г., РГУП) / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. — М.: РГУП, 2016. — С. 78–82.

126. Кострова, М. Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. — 2003. — № 12. — С. 80–88.

127. Кузнецова, Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая–1 июня 2001). — М.: ЛексЭст, 2002. — С. 7–13.

128. Лановая, Г. М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. — 2010. — № 6. — С. 25–27.

129. Мадалиева, Л. М. Последствия межотраслевой преюдиции // Администратор суда. — 2015. — № 4. — С. 29–33.

130. Момотов, В. В. К проблеме исследования русского средневекового права // Современные проблемы правоведения. Сб. науч. тр. — Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1998. — С. 16–19.

131. Орехов, В. И. Взаимодействие субинститута права с другими элементами системы права Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. — 2015. — № 7–8 (48). — С. 68–72.

132. Орехов, И. В. История возникновения и признания субинститутов права // Наука сегодня: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23 сентября 2014 г.). В 4 частях. Часть 4. — Вологда: ООО «Маркер», 2015. — С. 80–81.

133. Орехов, И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2016. — № 3 (48). — С. 51–55.

134. Орехов, И. В. Примеры субинститутов права в российской системе права // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2016. — № 4. — С. 62–67.

135. Орехов, И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 1. — С. 37–47.

136. Першиц, А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследование по общей этнографии. — М.: Наука, 1979. — С. 210–240.

137. Петров, Д. Е. К вопросу о понятии и функциях дифференциации в праве // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 1. — С. 80–85.

138. Петров, Д. Е. К вопросу о причинах и предпосылках дифференциации структурных элементов системы права // Ленинградский юридический журнал. — 2014. — № 4 (38). — С. 119–127.

139. Погодин, А. В. Принципы исследования содержания права // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2010. — Т. 152, кн. 4. — С. 19–27.

140. Поленина, С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. — 1975. — № 3. — С. 71–79.

141. Понкин, И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. — 2017. — Вып. 37. — С. 245–249.

142. Пудовочкин, Ю. Е. Система мер уголовно-правового характера // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2021. — № 1. — С. 46–54.

143. Райхер, В. К. О системе права // Правоведение. — 1975. — № 3. — С. 60–70.

144. Рарог, А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Бизнес в законе. — 2009. — № 2. — С. 106–109.

145. Русскевич, Е. А., Дмитренко, А. П., Кадников, Н. Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3. Т. 13. Вып. 3. — 2022. — С. 585–598.

146. Сехин, И. В. Правовой профицит как проблема правового регулирования // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2016. — № 2. — С. 11–16.

147. Сильченко, Н. В. О критериях отраслей права // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 13. — Минск: БГУ, 2002. — С. 54–66.
148. Степашин, В. М. Классификация уголовных наказаний по строгости // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2019. — Т. 16, № 1. — С. 178–187.
149. Тенчов, Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. — 1986. — № 8. — С. 60–66.
150. Федоров, И. В. Хозяйственный договор – особый вид гражданско-правового договора // Сб. работ Барнаульского юрид. ф-та. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. — С. 36–71.
151. Хижняк, Д. С. Современная методология юриспруденции // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 3. — С. 373–382.
152. Хилюта, В. В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. — 2016. — № 12 (121). — С. 20–31.
153. Цепелев, В. Ф. Реформирование уголовного законодательства и его соответствие основным принципам уголовной политики современной России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Сб. материалов третьей междунаро. науч.-практ. конф. — М.: Проспект, 2006. — С. 15–17.
154. Чирков, А. П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 9. — С. 81–84.
155. Чудин-Курган, Ф. О. Проблема императивной природы правовых норм в контексте дискуссии Герберта Харта и Рональда Дворкина // Правовое государство: теория и практика. — 2019. — № 3 (57). — С. 60–68.

Диссертации и авторефераты диссертаций

156. Антипьева, Н. В. Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Антипьева Наталья Валерьевна. — М., 2016. — 444 с.

157. Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Антонов Антон Геннадьевич. — Рязань, 2013. — 44 с.

158. Архенгольц, И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Архенгольц Илона Аркадьевна. — Екатеринбург, 2018. — 256 с.

159. Батайкин, П. А. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации: уголовная ответственность и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Батайкин Павел Александрович. — Казань, 2008. — 26 с.

160. Белова, М. А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Белова Мария Александровна. — М., 2011. — 29 с.

161. Бражникова, С. А. Институт отягчения наказания при его назначении в пределах санкции уголовного закона (по материалам судебной практики Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бражникова Светлана Анатольевна. — Краснодар, 2006. — 23 с.

162. Власенко, С. С. Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Власенко Сергей Сергеевич. — Ростов-на-Дону, 2011. — 23 с.

163. Генрих, Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Генрих Наталья Викторовна. — Рязань, 2011. — 416 с.

164. Горемычкин, И. Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Горемычкин Игорь Евгеньевич. — М., 2020. — 201 с.

165. Денисова, А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Денисова Анна Васильевна. — М., 2018. — 633 с.

166. Джигирь, А. И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Джигирь Анна Ивановна. — Краснодар, 2008. — 25 с.

167. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ендольцева Алла Васильевна. — М., 2005. — 50 с.

168. Жарких, Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Жарких Екатерина Александровна. — Краснодар, 2019. — 32 с.

169. Жевняк, О. В. Гражданско-правовой институт оказания услуг связи: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Жевняк Оксана Викторовна. — Екатеринбург, 2009. — 29 с.

170. Жук, М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Жук Максим Сергеевич. — Краснодар, 2013. — 380 с.

171. Казаринов, И. А. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Казаринов Ильдар Александрович. — М., 2020. — 245 с.

172. Киримова, Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киримова Елена Андреевна. — Саратов, 1998. — 170 с.

173. Кленова, Т. В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кленова Татьяна Владимировна. — М., 1986. — 220 с.

174. Коняхин, В. П. Нормы Общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Коняхин Владимир Павлович. — М., 1985. — 199 с.

175. Коротич, Е. А. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Коротич Елена Алексеевна. — Минск, 2016. — 24 с.

176. Кузьмина, О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кузьмина Оксана Николаевна. — Краснодар, 2020. — 24 с.

177. Курдюк, Г. П. Отрасль права как элемент системы права (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Курдюк Галина Петровна. — Краснодар, 2004. — 221 с.

178. Лупандина, О. А. Информационная избыточность в текстах нормативно-правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лупандина Оксана Анатольевна. — Ростов-на-Дону, 2001. — 25 с.

179. Маршакова, Н. Д. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Маршакова Наталья Николаевна. — Нижний Новгород, 2006. — 30 с.

180. Мирзоян, В. Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мирзоян Валентина Георгиевна. — Краснодар, 2012. — 27 с.

181. Мясников, А. А. Институт смягчения наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мясников Алексей Анатольевич. — Краснодар, 2011. — 24 с.

182. Некоз, А. С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Некоз Аркадий Сергеевич. — М., 2019. — 31 с.

183. Некрасов, В. Н. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере инновационной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Некрасов Василий Николаевич. — Екатеринбург, 2022. — 36 с.

184. Норвартян, Ю. С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Норвартян Юрий Сергеевич. — Самара, 2015. — 24 с.

185. Петров, Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Петров Дмитрий Евгеньевич. — Саратов, 2015. — 505 с.

186. Смирнова, Л. Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Смирнова Людмила Евгеньевна. — Казань, 2006. — 26 с.

187. Толстикова, И. Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Толстикова Ирина Николаевна. — Красноярск, 2005. — 22 с.

188. Ханахок, С. М. Институт уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ханахок Сусанна Мугдиновна. — Краснодар, 2011. — 29 с.

189. Черенкова, Е. Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Черенкова Елена Эдуардовна. — М., 2006. — 25 с.

190. Чермит, А. К. Институт экстрадиции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Чермит Аскер Казбекович. — М., 2004. — 193 с.

191. Шишов, О. Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы Общей части (1917–1936 г.г.): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Шишов Олег Федорович. — М., 1985. — 433 с.

192. Шминке, А. Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шминке Алла Дмитриевна. — Саратов, 2012. — 30 с.

193. Шубина, В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шубина Вероника Юрьевна. — Краснодар, 2012. — 34 с.

Судебная практика

194. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.

195. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/.

196. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2003. — № 4.

197. По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П // СЗ РФ. — 2006. — № 18. — Ст. 2058.

198. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // СЗ РФ. — 2008. — № 24. — Ст. 2892.

199. По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2010. — № 3.

200. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // СЗ РФ. — 2014. — № 52 (часть I). — Ст. 7784.

201. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П // СЗ РФ. — 2015. — № 30. — Ст. 4659.

202. По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2017. — № 3.

203. По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2017. — № 6.

204. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2018. — № 2.

205. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П // СЗ РФ. — 2019. — № 3. — Ст. 278.

206. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М.Г. Анциновой: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2020 № 42-П // СЗ РФ. — 2020. — № 43 — Ст. 6884.

207. По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина

Р.В. Величенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П // СЗ РФ. — 2021. — № 22. — Ст. 3914.

208. По жалобе гражданки Зубилевич Алеси Игоревны на нарушение ее конституционных прав статьей 84 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» и постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии»: Определение Конституционного Суда РФ от 18.09.2014 № 1828-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2015. — № 1.

209. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2521-О // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

210. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Снурницына Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2795-О // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

211. По жалобе гражданина Тоторкулова Алия Хасановича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также частью 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1207-О // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

212. По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 862-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2019. — № 4.

213. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волокитина Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2729-О // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

214. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 32-О13-9сп от 14.03.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=531746.

215. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13.03.2014 по делу № 66-АПУ14-11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/352Hmd>.

216. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.02.2019 по делу № 18-АЛУ19-3 [Электронный ресурс] / Банк судебных решений. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1744744.

217. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.12.2019 № 20АП-4415/2019 по делу № А23-8519/2016 // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

218. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18.08.2021 по делу № А33-7202/2021 // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

219. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2021 № 13АП-32000/2021 по делу № А56-109792/2020 // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был).

220. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2022 № 07АП-7846/2018(16) по делу № А03-19936/2016 // ИПС «ГАРАНТ».

221. Постановление Выборгского городского суда (Ленинградская область) от 28.02.2020 по делу № 1-274/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/352T6W>.

Результаты анкетирования научных и научно-педагогических работников

1. Существуют ли, по Вашему мнению, в составе отрасли уголовного права субинституты?

А) да – 93%

Б) нет – 7%

2. На Ваш взгляд, какой тип правопонимания в лучшей степени обеспечивает возможности исследования структуры и строения отрасли уголовного права?

А) нормативистская теория – 63%

Б) теория естественного права – 11%

В) психологическая теория права – 4%

Г) социологическое понимание права – 17%

Д) затрудняюсь ответить – 5%

3. Какое утверждение, на Ваш взгляд, в большей степени отвечает представлениям о месте субинститута в структуре уголовного права:

А) субинститут есть элемент структурного строения отрасли права – 59%

Б) субинститут есть часть не структуры права, но структуры правового института – 41%

4. Выразите свое отношение к следующему утверждению: «обобщенные на уровне раздела УК РФ предписания образуют институт уголовного права, в то время как обобщения нормативных предписаний на уровне глав, составляющих этот раздел, образуют субинститут уголовного права».

А) поддерживаю – 42%

Б) не поддерживаю – 58%

5. Согласны ли Вы с утверждением о том, что каждой главе УК РФ соответствует отдельный самостоятельный институт?

А) да – 51%

Б) нет – 49%

6. Можно ли признать субинститутами института Особенной части уголовного права отдельные группы преступлений исходя из их классификации?

А) да – 47%

Б) нет – 53%

7. Если признавать субинститут частью сложного уголовно-правового института, то критериями его обособления выступают (выберите только один ответ):

А) предмет правового регулирования – 51%

Б) метод правового регулирования – 3%

В) предмет и метод правового регулирования – 31%

Г) функции правового регулирования – 4%

Д) ничто из предложенного – 11%

8. Какие процессы, протекающие в сфере уголовного права, могут, на Ваш взгляд, способствовать оформлению в структуре уголовно-правового института предписаний, претендующих на статус субинститута права (можно выбрать несколько ответов):

А) криминализация – 53%

Б) декриминализация – 14%

В) дифференциация – 43%

Г) унификация – 33%

Д) глобализация – 7%

Е) локализация – 14%

Ж) иное – 4%

9. Согласны ли Вы с утверждением о том, что именно необходимость обеспечения вариативности в правовом регулировании некоторой группы правоотношений порождает субинститут в структуре правового института?

А) да – 78%

Б) нет – 22%

10. Субинститут уголовного права, по Вашему мнению (выберите один ответ):

А) является объективным элементом структуры уголовно-правового института – 26%

Б) является результатом теоретического (субъективного) анализа структуры уголовно-правового института – 38%

В) является итогом субъективного отражения объективно существующей структуры уголовно-правового института – 36%

11. Согласны ли Вы с утверждением о том, что субинститут, который всегда меньше по объему института, может быть представлен и одним нормативным правовым предписанием?

А) да – 63%

Б) нет – 37%

12. Целесообразно ли, по Вашему мнению, принять отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее содержание и особенности применения ч. 2 ст. 14 УК РФ?

А) да – 69%

Б) нет – 31%

13. Должно ли, по Вашему мнению, обсуждение вопроса о малозначительности деяния стать обязанностью суда при рассмотрении любого уголовного дела?

А) да – 78%

Б) нет – 22%

14. Целесообразно ли, на Ваш взгляд, чтобы обсуждение вопроса о применении ст. 28 УК РФ стало обязательным при рассмотрении каждого дела?

А) да – 47%

Б) нет – 53%

15. Считаете ли Вы целесообразным, чтобы общие для отдельной группы преступлений квалифицирующие признаки были изъяты из описания конкретных статей закона и перенесены в отдельную статью, содержащую описание таких признаков, их толкование и степень влияния на назначаемое судом наказание?

А) да – 42%

Б) нет – 53%

16. Целесообразно ли, на Ваш взгляд, трансформировать примечание к ст. 122 УК РФ, преобразовав его в основание исключения противоправности деяния и распространив силу его действия на иные предусмотренные законом деяния, в частности, предусмотренные ст. 121, 116.1, 115, 112 УК РФ?

А) да – 48%

Б) нет – 52%.